

Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А  
малая серия № 47

---

## ПОЭТЫ «ИСКРЫ»

Вступительная статья,  
редакция и примечания  
И. Ямпольского

---

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1939

Отв. редактор *В. Кирпотин.*  
 Технич. редактор *А. Кирнар-*  
*ская.* Корректор *Р. Бекетова.*  
 Художник *В. Двораковский.*

Ленгорлиз № 75086. С. П.—  
 132/л. Тираж 10000. Сдано  
 в набор 16/XII 1937 г. Под-  
 писано к печати 4/XII 1938 г.  
 Форм. бумаги  $70 \times 108_{/64}$ .  
 Бум. л.  $41_{/2}$ . Колич. знаков  
 в 1 б. л. 149 000. Печ. л. 9.  
 Уч.-авт. л. 18. Авт. л. 19,84.

Отпечатано в типографии  
 арт. „Советский печатник“.  
 Ленинград, Моховая, 40.  
 Зак. № 7872.

4 р. 50 к. Перешлет 1 р.

## ПОЭТЫ «ИСКРЫ»

Одним из своеобразных и интересных фактов литературной жизни конца 50-х и 60-х годов прошлого столетия является расцвет сатирической журналистики. Именно тогда возникает и получает политическое значение в России еженедельный журнал с карикатурами — плод тесного сотрудничества писателя и художника.

Начав с неприязнительной болтовни и невинного анекдота («Весельчак», «Гудок» 1859 г.), журнал с карикатурами завоевывает себе определенное место в литературном движении 60-х годов. Лучшие сатирические журналы существовали тогда не на задворках литературы, как в другие эпохи, пережевывая давно брошенные темы и решенные вопросы. Они принимали участие в повседневной политической борьбе, во всех острых полемических схватках. Некоторые из них пользовались несравненно большей популярностью, чем многие толстые журналы.

Наиболее ярким и значительным из всех сатирических журналов 60-х годов была «Искра».

Мысль об издании сатирического журнала возникла у художника-карикатуриста Н. А. Степанова и поэта В. С. Курочкина, который к тому времени стал уже известен в литературных кругах как переводчик Беранже, еще с 1857 г. Они получили разрешение, но «Искра» начала выходить, по всей вероятности по причинам материального характера, лишь с 1859 г. Потребность в хорошем сатирическом журнале была в те годы очень велика — недаром в поданной в цензурный комитет программе Курочкин и Степанов указывали на успех, которым пользуются в России западноевропейские сатирические журналы. Бессодержательный, пустой «Весельчак» и в изобилии появлявшиеся в 1858 г. уличные юмористические листки не могли, естественно, удовлетворить эту потребность. Весьма показательно, что одновременно с «Искрой» начал свое существование и знаменитый «Свисток», сатирический отдел «Современника», редактировавшийся Добролюбовым.

Душою «Искры» был Курочкин, человек молодой, веселый, общительный и к тому же прирожденный редактор. Многие с добрым чувством вспоминали об его умелом обращении с сотрудниками. «В В. С. Курочкине я встретил добродушного и милого редактора, — пишет Н. Ядринцев: — никакого генеральства в нем не было. Я часто проводил у него редакционные

утра и слушал весьма дельные разговоры и пользовался советами и замечаниями... Это был знаток литературы, замечательно образованный человек и деятель с неуклонно честными убеждениями. Я помню «Искру» и в хорошие и в дурные времена. Несмотря на то, что дела «Искры» под конец шли плохо, В. С. Курочкин делился с сотрудниками последним». Н. К. Михайловский, перевидавший на своем веку не один десяток литераторов и редакторов, отметил блестящие организаторские способности Курочкина. Он «топил свой талант» в деле журнала; «здесь давал мысль, предоставляя выработку формы другим, там брал на себя только форму, и я думаю, что весьма трудно было бы определить, что именно принадлежало в «Искре» Курочкину и что другим. Он и создавал, и вербовал солдат, и сам исполнял невидную солдатскую работу... Он вполне отвечал своему собственному идеалу газетного человека. Газетным человеком он называл такого, который может схватить на лету какой-нибудь даже мелкий факт текущей жизни и придать ему известное общее, типическое освещение». Как только в литературе или общественной жизни возникало событие, на которое необходимо было откликнуться, Курочкин без промедления организовывал кампанию, разоблачая реакционную выходку какого-нибудь журнала, реакционное правительственное мероприя-

тие, поскольку это было возможно, и т. п. Собирались все силы, чтобы дать им отпор; стихи, фельетоны, язвительные заметки, карикатуры — все было в одну цель. Эта злободневность «Искры», ее умение быстро реагировать на события общественной жизни создали ей заслуженную славу.

«Искра» сразу обратила на себя внимание читающей публики и вскоре приобрела огромную популярность. «В настоящее время нельзя себе представить, — писал через сорок лет Вейнберг, — как жадно набрасывалась публика на каждый номер «Искры», какой авторитет завоевала она себе на самых первых порах, как боялись ее все, имевшие основание предполагать, что они могут попасть или под карандаш ее карикатуристов, или под перо ее поэтов и прозаиков, с какою юношескою горячностью, наконец, относились к своему делу и мы сами». «Искра» «сделалась грозой для всех, у кого была нечиста совесть, — свидетельствует помнивший эти годы Скабичевский, — и попасть в «Искру», упечь в «Искру» были самыми обиденными выражениями в жизни 60-х годов. Не было ни одного крупного или мелкого безобразия общественной или литературной жизни, которое не имело бы места на страницах «Искры», в игривых, полных необузданного остроумия куплетах, пародиях или в прозе, исполненной убийственных сарказмов».

Курочкину удалось привлечь к сотрудничеству целый ряд талантливых поэтов, беллетристов и публицистов — преимущественно из лагеря революционной демократии или близких в то время к ней. В «Искре» принимали участие поэты Д. Д. Минаев, П. И. Вейнберг, В. И. Богданов, Н. С. Курочкин, Н. Л. Ломан, А. П. Святкин, В. П. Буренин, Л. И. Пальмин, Г. Н. Жулев, прозаики Ник. и Гл. Успенские, А. И. Левитов, Ф. М. Решетников, П. И. Якушкин, Н. Н. Златовратский, Н. И. Наумов, С. Н. Федоров, публицисты Г. З. Елисеев, М. М. Стопановский, Н. А. Демерт, И. И. Дмитриев и многие другие. По одному-два произведения напечатали в «Искре» Герцен, Добролюбов, Щедрин и Некрасов.

Но журнал держался не только профессиональными писателями. Он был силен в значительной степени безыменными сотрудниками и пропагандистами; его окружала атмосфера сочувствия и благожелательства — и не только в Петербурге, а по всей России.

У «Искры» была целая сеть корреспондентов. Почти в каждом городе, во многих учреждениях были друзья-читатели, которые в один прекрасный день превращались в сотрудников «Искры» и начинали информировать ее о всевозможных злоупотреблениях и безобразиях, творившихся там. Редакция обрабатывала сообщенные

ими факты, часто снабжала их карикатурами и пускала в печать, а «пострадавшие» нередко недоумевали, откуда стало известно то, что так тщательно скрывалось. В те годы провинциальная печать была еще очень слабо развита, да и та была почти исключительно официального характера, и поэтому обильный провинциальный материал, печатавшийся в «Искре», имел огромное значение.

Однако и врагов было у «Искры» не меньше, чем друзей. Они обвиняли ее в нигилизме и подслуживании модным идеям, материализме и оплевывании «вечных» идеалов красоты и нравственности, негодовали на «кучерской смех» (Ап. Григорьев), называли «гадкой конурой и стоком всяческих помоев» (В. П. Боткин), а подчас и просто писали на нее доносы. Из ругательных отзывов враждебных «Искре» журналов и писателей можно составить целую хрестоматию. Еще более многочисленные враги были у нее среди министров, начальников департаментов, губернаторов, предводителей дворянства, действительных статских и тайных советников, крупных капиталистов, членов правлений акционерных обществ, откупщиков и т. д., и т. д. Наконец, с первого же дня искровцам приходилось работать в обстановке непрекращавшихся цензурных преследований. Запрещения, изъятия и пр. следовали одно за другим. И сами искровцы поневоле дол-

жны были принуждать себя к сдержанности. «Иногда, — читаем в одном фельетоне Н. Курочкина, — когда мне хочется довести мое соображение до его последних (а по-моему и логических) результатов, я обмакиваю перо... но останавливаюсь; над ухом моим как будто слышится: э! братец! как ты хватил! А в сущности я очень хорошо знаю, что не только не перехватил, а весьма значительно недохватил, а все-таки остановишься и не допишешь».

В статьях Добролюбова есть целый ряд высказываний о задачах, стоявших перед политической сатирой его времени. Так, например, воспользовавшись удобным случаем, критик отчетливо сформулировал их в ряде мест известной статьи «Русская сатира в век Екатерины». Отметив неправильное истолкование его слов о сатире тех лет, Добролюбов пишет: «Некоторые приняли наши слова за убеждение, что обличать вовсе не нужно и что сатира только портит эстетический вкус публики. Но мы вовсе не то имели в виду: мы хотели сказать, что наша сатира не то и не так обличает... Продолжить далее рассуждения об этой материи мы считаем крайне неудобным, потому что — известное дело — о настоящем времени всегда трудно произносить откровенное и решительное суждение... Но если аналогия может к чему-нибудь повести, то нам представляется в книге г. Афанасьева превосходный случай про-

следить один «эпизод из истории русской литературы», во многих отношениях аналогичский настоящему времени». <sup>1</sup> Добролюбов приходит к выводу, что сатира XVIII в. принесла очень мало пользы. В чем же видит он причины ее неудач? В том, что сатирики неспособны были «говорить прямо против существующего порядка», не замечали «коренной дряниности того механизма, который старались исправить», «убеждены были, что здание само по себе совершенно хорошо, но что его нужно только очистить несколько от накопленного в нем сора», между тем как «бесполезны в практическом отношении все нападки на частные проявления зла без уничтожения самого корня его». Эти мелкие поправки и обличения он считает замазыванием — иногда бессознательным, а часто и сознательным — существа дела. «Все они, — подчеркивает Добролюбов, — с необычайной резкостью восстают против общественных пороков, но во всех выражается довольно ясно та мысль, что эти пороки и недостатки суть исключительно следствия старого неустройства, остатки прежнего времени, и что теперь уже настала пора для их искоренения, явились новые условия жизни, вовсе им неблагоприятные... Они не хотели видеть

---

<sup>1</sup> Статья Добролюбова написана по поводу книги А. Афанасьева «Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. Эпизод из истории русской литературы прошлого века».

связи всех частных беззаконий с общим механизмом тогдашней организации государства и от ничтожнейших улучшений ожидали громадных следствий».

Все это Добролюбов относил в первую очередь к своему времени. Задачи подлинной политической сатиры определялись для него общими идейными позициями революционной демократии. По одну сторону баррикад — господствующий класс и выражающее его волю правительство, и тут же, рядом, кое в чем, но не в основном, а в деталях несогласные с правительством либералы; по другую — те, кто видит единственный выход в революции.

Основная линия размежевания внутри сатирической журналистики — та же, что и во всей общественной жизни и литературе 60-х годов. Сатирические журналы этого времени распадаются на две основных группы — разумеется, с различными оттенками внутри каждой из них. К первой относятся «Искра», «Гудок» 1862 г. (под редакцией Минаева), «Будильник» 60-х и начала 70-х годов, отстаивавшие интересы широких народных масс, высмеивавшие все основы самодержавно-бюрократического государства. Ко второй принадлежали «Весельчак», «Заноза» Розенгейма, «Оса» и др. «Весельчак» культивировал развлекательную болтовню, пересказывал давно забытые анекдоты; «Заноза» и «Оса» активно боролись с революционной мыслью, с «Совре-

менником», «Русским Словом», «Искрой». Их сатира беззуба и беспомощна. В художественном отношении она ниже всякой критики. И это весьма знаменательно, потому что идейная ограниченность, а нередко и пустота предопределяли и полное художественное бессилие.

И в «Занозе» и в «Осе» есть, конечно, обличительные заметки, стихи, карикатуры, направленные не только против революционного лагеря, но и против некоторых недочетов государственного механизма. Однако это нисколько не сближает их с «Искрой». Между «Искрой» и ими такая же глубокая, принципиальная разница, как между поэзией Некрасова и гражданскими виршами Розенгейма, Бенедиктова и прочих либеральных и либеральствовавших поэтов, упражнявшихся «в дивическом роде», между революционной сатирой Щедрина и бесчисленными обличительными повестями и рассказами, к которым вполне применимы язвительные слова о бичевании «маленьких ворюшек для удовольствия больших».

Поэзия занимала в «Искре» очень большое место и вовсе не была одним из второстепенных отделов, как во многих других толстых и тонких журналах. Весьма показательны, что основными ее сотрудниками были преимущественно именно поэты: В. и Н. Курочкины, Минаев, Богданов, Вейнберг и др. Правда, все они писали в «Искре» не только стихи, а также

фельетоны и статьи, но все же главным их делом была, конечно, поэзия.

В отличие от других журналов публицистика и поэзия представляли собою в «Искре» некое единство. Между ними не было того противоречия, которое исторически создалось, например, в «Современнике» перед окончательным разрывом его руководителей с представителями «чистой поэзии», когда в художественном отделе печатались стихи Фета, Майкова, Случевского, Апухтина, а рядом, в статьях Добролюбова, подвергались резкой критике все принципиальные основы их творчества.

Единство поэзии и публицистики «Искры» состояло не в том только внешнем факте, что очень многие стихотворения (в том числе и целый ряд включенных в настоящий сборник) являлись первоначально частью фельетонов и статей, органически входили в прозаический контекст. Это факт существенный, но не решающий. Гораздо важнее, что идейные тенденции статей и стихов — как входивших в публицистические произведения, так и тех, которые с самого начала печатались отдельно, — были общие. Неправильно было бы утверждать, что стихи являлись простым изложением тех же идей. Но одни и те же идейные стимулы определяли творчество поэтов и публицистов. Не было также расхождения между основными литературными принципами, высказывавшимися в статьях и

отдельных оценках, и поэтической практикой журнала. Наконец, следует еще подчеркнуть сходство некоторых приемов в сатирических стихах и публицистике.

«Искра» существовала пятнадцать лет: с 1859 до 1873 г. Первые года два у нее были некоторые колебания в сторону либерализма (в этом свете понятны отдельные выпады против Добролюбова, Михайлова и др.), в конце 60-х и начале 70-х годов она испытала на себе некоторое воздействие народничества, но в целом неизменно стояла на революционно-демократических позициях. Из журналов того времени ей были, разумеется, наиболее близки «Современник» Чернышевского и Добролюбова, а затем «Отечественные Записки» Некрасова и Салтыкова-Щедрина.

Публицисты и поэты «Искры» были убежденными и последовательными демократами. В одном из первых ее номеров мы находим следующее пролическое разъяснение понятий «труд» и «собственность»: «Труд. По мнению политико-экономов, капитал; но, по мнению людей практических, неизбежное следствие отсутствия капитала, с которым бы можно было жить без всякого труда... Собственность. Для большей части пользование тем, что не стоило никакого труда». Через два года Стопановский в одной из своих статей рассказывает, что был на ярмарке, смотрел на балаганные представления и пришел к сле-

дующему заключению. Люди делятся на три категории: одни берут билеты, идут внутрь балагана, любят комедию и смеются; другие могут только подкупить сторожа и подглядывают в щелочку; наконец, третьи имеют единственную возможность — любоваться яркой вывеской, а все остальное дополняют своим воображением. Вот от имени этих подглядывающих в щелочку на жизненный пир и любующихся одной вывеской сразу стала говорить «Искра». Противопоставление нужды, бедности одних и роскоши, в которой живут другие, является одной из основных ее тем. Чувство величайшего уважения к труду, сознание, что труд — основной критерий ценности человека, и что, несмотря на это, именно люди, живущие трудом, подвержены всем превратностям судьбы, терпят нужду, голод и холод — красной нитью проходят через всю поэзию искровцев. Напомним такие, например, вещи, как «Завещание», «Только!», «Ни в мать, ни в отца» В. Курочкина, «Беседа с музой», «Наш пролетарий», «Проезжим» Богданова, «Товарищу» Жулева и др.

Если в первые годы, думая о сытых и голодных, «Искра» имела в виду главным образом интересы городской демократической интеллигенции, интересы разночинцев, то вскоре социальные горизонты ее идеологии значительно расширились. «Искра» окончательно переходит на позиции крестьянской демократии, и наряду с мелким

буржуа, раздавленным социально-экономическим укладом 60-х годов, вырастает фигура русского крестьянина. «Даже в крепостной России, — писал Ленин, — Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов, говоривших точь-в-точь такие речи, как Турати и Каутский» (Сочинения, изд. 2-е, т. XIX, стр. 371). Эти слова вполне применимы и к «Искре». Отношение ее к реформам 60-х годов, и в первую очередь к крестьянской реформе, не вызывает сомнений. Признавая их относительную прогрессивную роль, искровцы в то же время видели, что реформы неспособны устранить социальное неравенство, социальную несправедливость и вообще проводятся исключительно в интересах господствующих классов. «Странно, — говорил Н. Курочкин в 1864—1865 гг., — что многие так ликуют и утешают себя настоящими и будущими реформами, которых ждет та же участь, что и крестьянскую реформу. Обкарякают, урежут, сократят, объяснят каждую из них так, что совершенно сведут на нет». Но проводить эти взгляды в печать было не легко. И «Искра» иногда предпочитала молчать, зная, что самого существенного сказать нельзя, иногда говорила, но слова ее не доходили до читателей, иногда же прозрачные намеки, а подчас и довольно откро-

венные суждения все же удачно проходили через цензурные рогатки. В 1862 г. в «Искре» появилась такая карикатура. Некий мужчина в фуражке с высоким околышком, в длинных брюках на выпуск, с бакенбардами и опущенными вниз усами ведет крестьянина, руки которого загнуты назад и связаны; он немного распускает веревку и говорит: «По крайней мере, теперь вы чувствуете себя свободнее?» — «Нет, родимый, не чувствую». — «Ну, уж это прихоть — привычка всегда быть недовольным». Мужчина похож на Александра II, но если и усомниться в том, что Степанов решился нарисовать его, то все же совершенно очевидна связь карикатуры с крестьянской реформой и язвительная характеристика ее. Над песнопениями во славу реформы «Искра» неоднократно издевалась и относилась к ним как к сознательному обману. Сентиментальной идиллии о примирении классовых противоречий, прикрывавшей своекорыстные интересы дворянства и буржуазии, «Искра» противопоставляла подлинную картину жизни крестьянства. В ряде статей, сатир, карикатур она говорила о нечеловеческом труде, полном бесправии и страшной нищете русского крестьянина, о произволе сельских властей и экзекуциях, о непосильных налогах, растущем в деревне кулачестве и пр. На этом фоне далеко не случайными выглядят такие произведения, как «Свой идеал» и «Мы — особь статья!»

Богданова, «В ресторане» Н. Курочкина, «Мирмидоны-Куролесовы» В. Курочкина, наконец его блестящая сатира на царскую Россию «Принц Лутоня», которая не могла быть напечатана при жизни автора и в XX в. возбуждала еще цензурные преследования.

Разоблачая крепостников, бичуя все основы полицейско-бюрократического государства, произвол и взяточничество, чиновничество и судебную волокиту, цензурный гнет, тайную полицию, дворянскую спесь и т. д., «Искра» вскрывала одновременно и мерзости капиталистического мира. Не менее зло высмеивала она рыцарей первоначального накопления, капиталистических хищников, дельцов и спекулянтов, биржу, каждый день возникавшие и банкротившиеся акционерные общества.

Совершенно непримиримы были искровцы по отношению к либералам, которые «так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 2-е, т. XV, стр. 143). В либералах они, подобно Добролюбову и Чернышевскому, видели подчас еще более опасных врагов, чем в крепостниках, потому что это были враги маскировавшиеся. «Различных слов, с которыми мы соединяем

самые тождественные представления, — писал И. Дмитриев, — особенно много накопилось в русском лексиконе во время волюнообразного прогрессирования общества. Таковы, например, слова: либерализм и консерватизм, которым некоторые придают иногда взаимно противоположный смысл, но которые, исходя ежеминутно из уст русского человека, сделались совершенно тождественными». Внешней либеральной фразеологии; пышным речам о гласности, «великих реформах» и «мужичках»; «умеренности», которую либералы неизменно противопоставляли «крайностям» революционных течений, посвящены многие страницы журнала. Зло высмеяны они в стихотворениях «Сон на Новый год», «Семейная встреча», «Молитвой нашей бог смягчился» В. Курочкина, «Насущный вопрос», «Ренегат» Минаева, в «Благонамеренной поэме» Буренина и целом ряде других произведений.

«Искра» не замыкалась в рамки русской тематики. Она с большим сочувствием относилась ко всем проявлениям европейского революционного движения. Говоря о боях западного пролетариата с капиталом, «Искра» всегда на стороне первого. Ее поэты и публицисты не раз издевались над тем, как русская консервативная и либеральная пресса изображала «ужасы французской революции», «чудовищ и крокодилов Марата и Робеспьера». А Ник. Курочкин в «Оде на

современное состояние Франции» с большим подъемом говорит об ее революционном прошлом, о «неотразимом образе Марата» и о «страстном крике черни», раздававшемся на баррикадах в 1830 и 1848 гг. Особенно интересно сочувственное отношение искровцев к Парижской Коммуне. В ряде статей, фельетонов, стихотворений ход событий изложен таким образом, что сама собою становится очевидной правота восставших коммунаров. Замечательное стихотворение Богданова — диалог версальского и парижского хора — кончается словами парижан: «Ну так пусть все прения порешат штыки!» Вообще, касаясь явлений иностранной политической жизни, искровцы неизменно становились на сторону более прогрессивных явлений: они резко выступали против бисмарковского объединения Германии вокруг юнкерской Пруссии, против южан-рабовладельцев во время гражданской войны в Соединенных Штатах, против притязаний папы на светскую власть.

Что же противопоставляла «Искра» российскому самодержавию и парламентаризму западных государств, преимущества которого перед царившим в России произволом она, конечно, создавала, но который все же не склонна была идеализировать? Последовательную буржуазную демократию — «правительство, свободно вышедшее из народа и возвращающееся в него же по миновании своих полномочий, правительство,

чуждое бюрократизма и узких кастовых целей». Это — цитата из статьи «Журнальные заметки», за которую, как за заключающую в себе «превратное и совершенно неуместное суждение о правительственной власти», «Искра» была закрыта.

«Искра» не была, разумеется, монолитна. Радикализм некоторых ее сотрудников оказался весьма поверхностным и недолговечным. Так, Вейнберг очень скоро превратился в прекраснодушного либерала, а Буренин, пройдя через либерализм, стал потом махровым черносотенцем. Но левое крыло искровцев, наиболее последовательные из них опирались на широкие демократические массы, были теснейшим образом связаны с революционной мыслью и революционным движением, а некоторые принимали в нем непосредственное участие. В революции, в свержении самодержавия они видели единственный путь к торжеству социальной справедливости и своей литературной деятельностью стремились подготовить и ускорить его. Эта вера в лучшее будущее отчетливо проявилась в таких вещах, как «Химеры» и «Е риг сі тиоуе»! Богданова, «Принц Лутоня» и «Тик-так! Тик-так!» В. Курочкина:

Мы слышим в звуках всем понятных

Закон явлений мировых:

В природе нет шагов понятных,

Нет остановок никаких!

Мужайся, молодое племя!  
В сияньи дня исчезнет мрак.  
Тебе подсказывает время:  
Тик-так! Тик-так!

Значительная часть поэтического наследия искровцев представляет собою отклики на события текущей социально-политической и литературной жизни. Поэтам «Искры» было совершенно чуждо стремление к ложной «объективности». Они никогда не выжидали, пока взволновавшие их факты остынут и потеряют свою остроту, но немедленно реагировали на них. Оперативность, быстрота отклика является одной из самых характерных черт искровской сатиры. Только назначили слывшего либералом А. В. Головнина министром народного просвещения, а в стихотворении В. Курочкина «Над цензурою, друзья...» уже фигурирует его имя и говорится о тщетности надежд на какой-то поворот в цензурном ведомстве: «Не пропустит Головнин то, что вычеркнул Путятин». Через несколько дней после полемики между Катковым и Н. Ф. Павловым по вопросу о монопольном праве «Московских Ведомостей» печатать казенные объявления, полемики, в которой достаточно ярко сказались нравы реакционной журналистики, печатается «трагическая сцена» «Лорд и маркиз или жертва казенных объявлений»; через неделю после злобной статьи Кс. Полевого о Белинском —

стихотворение «Бедовый критик». Не дожидаясь исхода событий Парижской Коммуны, Богданов пишет диалог парижского и версальского хора, не оставляющий никаких сомнений в его симпатиях; немедленно откликается на судебную реформу Н. Курочкин («Утешение в разлуке»), на Нечаевский процесс — Буренин («Общественное мнение»), на растраты и мошенничества в акционерных обществах — Вейнберг и т. д., и т. д. Примеры можно было бы во много раз увеличить. При этом политическое чутье редко изменяло искровцам; они верно избирали объекты своих сатир и без промаха попадали в цель.

Вне этой атмосферы злободневности и полемической заостренности, вне этой близости к политической и литературной жизни тех лет многое останется непонятным в творчестве поэтов «Искры». Для понимания исторической роли и литературного метода искровцев необходимо расшифровать многие, иногда очень мелкие, но характерные факты, намеки, вспомнить давно забытых людей, вообще воспроизвести ту непосредственно данную читателям-современникам социальную атмосферу, в контексте которой воспринималась их поэзия.

Но подлинная злободневность не есть злободневность однодневок, теряющих всякий смысл сейчас же после своего возникновения. Подлинная злободневность,

связанная с большими и актуальными проблемами современности, видящая не только внешнюю оболочку явлений, но и их сущность, всегда переживает свою эпоху. Лучшие злободневные стихотворения искровцев не ограничены конкретным объектом их насмешек, но имеют и более общее значение, более широкий смысл. В основе стихотворения В. Курочкина «Явление гласности» лежат некоторые факты биографии публициста С. С. Громеки, но оно является одновременно разоблачением типичной эволюции либерала. В «Бедовом критике» он имел в виду Кс. Полевого и дал ему уничтожающую характеристику, но это в то же время обобщенный портрет мракобеса, облаивающего все великое и передовое в культуре человечества.

Нет надобности ни пересказывать, ни перечислять одну за другой полемические схватки «Искры». Но именно в полемике с враждебными ей журналами и газетами она высказывала в подавляющем большинстве случаев свои взгляды, свое отношение к окружающей действительности. Не было буквально ни одного реакционного или либерального публициста, с которым «Искре» не пришлось бы полемизировать по тому или иному поводу в течение своего пятнадцатилетнего существования. А Асоченский и Юркевич, Катков и Скарятин, Н. Ф. Павлов и Чичерин, Краевский, Громека и многие другие

годами не сходили с ее страниц. «Искра» и в стихах и в прозе высмеивала их социально-политические, философские и литературные высказывания, давала решительный отпор их нападкам на революционное движение, материалистическую философию и науку, на Добролюбова и Некрасова, Чернышевского и Герцена. Естественно желание показать читателям подлинное лицо своих идейных врагов, но в самом обилии полемики играло роль и еще одно обстоятельство. Возможность откровенно говорить непосредственно о явлениях действительности и о способах ее изменения была обратно пропорциональна значительности этих явлений. Литературно-журнальная борьба была в глазах властей предержащих все же менее опасной и предосудительной. В 1862 г. В. Курочкин жаловался, что цензура решительно все запрещает — «приходится скрепя сердце попрежнему ограничиваться областью журналистики». Искровцев неоднократно упрекали в том, что они, мол, порочат частную жизнь не симпатичных им писателей. Но подобно тому, как помпадуры разных рангов, о которых они писали, интересовали их не как частные люди, а как представители определенного порядка вещей, определенного социального строя,<sup>1</sup> точно так же и журна-

<sup>1</sup> Недаром одной из опасных черт «Искры» цензура считала «генерализацию отдельных случаев каких бы то ни было злоупотреблений».

листы, с которыми искровцам приходилось бороться, были для них конкретными представителями «известного порядка идей» — того порядка идей, который служил оправданием враждебного им социального строя.

Литературная деятельность в условиях царской цензуры не только сопровождалась непрерывными запрещениями и искажениями, но привела также к выработке у многих революционных и оппозиционных писателей, преимущественно у сатириков, особых методов изображения действительности и своего отношения к ней, особой поэтики. Наиболее ярким примером является творчество Щедрина, которое невозможно понять, не учитывая этого обстоятельства.

Как и вся левая журналистика, «Искра» должна была зашифровывать и свои взгляды и — сплошь и рядом — объекты своих нападок, но делать это так, чтобы цензор не догадался или, во всяком случае, не имел оснований для придирок, а читатели понимали, в чем дело. Исследователю эзоповского языка в России она могла бы дать обильный и разнообразный материал. В 1862 г. был запрещен цензурой отдел «Искры» «Нам пишут», в котором систематически разоблачались злоупотребления провинциальных властей. «Искра» считала нужным довести до сведения публики о насильственном прекращении этого пользовавшегося огромной популярностью

отдела. И вот через месяца три в журнале появляется карикатура с такой надписью: «Хозяин. А что, Макар Артемьевич, получаете письма от деток? Гость. Никак нет-с. Хозяин. А вот — нам пишут. Гость. Помилуйте-с, да это запрещено». О безобразиях, творившихся в казенных учебных заведениях, говорить нельзя было, и весь материал о них печатался под ником не обманывавшим, впрочем, заглавием: «В частном учебном заведении». Под видом высказываний о Западе «Искра» говорила об отечественных нравах, причем прием этот нередко тут же раскрывался: «В одно прекрасное утро жители одного города (не от меня зависит назвать какого; думайте, что это происходит в Австрии) с большим удовольствием прочли следующее объявление...» То же — в «Китайском альбоме» Вейнберга, где речь идет, конечно, не о Китае, а о России. Оригинальные произведения нередко выдавались за переводные: так, Богданов острые политические стихотворения с западно-европейской тематикой систематически приписывал какому-нибудь немецкому или французскому сатирическому журналу. §

Но многое из того, что было понятно современникам, для нас уже совершенно пропадает; мы часто и не подозреваем, что за невинной, на первый взгляд, карикатурой что-нибудь скрывается. Приведу пример. В 1860 г. в «Искре» появилась такая

карикатура. Изображено двое мужчин — «старший» в кресле, «младший» стоит перед ним. «Я по совести не могу этого исполнить», — говорит младший. — «Совесть, государь мой, нужна служащему только в домашнем быту, а на службе ее заменяет начальство». Источники и конкретная направленность этой карикатуры выясняются из следующих фактов. В 1849 г. было напечатано официальное издание — «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», составленное Я. И. Ростовцовым. В нем находим, между прочим, следующие слова: «Что совесть для внутренних побуждений человека и деяний его неизобличенных и неисследимых, то власть верховная для явных, исследимых его действий... Закон совести, закон нравственный, обязателен человеку как правило для его частной воли; закон верховной власти, закон положительный, обязателен ему как правило для его общественных отношений». В августе 1858 г. в «Колоколе» появилась статья Герцена «Черный кабинет» со следующим эпиграфом, который является пересказом приведенной выше цитаты из «Наставления»: «Совесть нужна человеку в частном, домашнем быту, а на службе и в гражданских отношениях ее заменяет высшее начальство. Иakov Ростовцов». Эпиграф этот в несколько сокращенном

виде и попал в «Искру» в качестве подписи к карикатуре. Без сомнения, многие современники понимали, что карикатура направлена против незадолго до этого умершего Ростовцова, возглавлявшего перед смертью все дело крестьянской реформы. Знали они также, что источником ее является «Колокол».

Те же явления находим мы и в поэзии искровцев. В стихотворении Н. Курочкина «Ода на современное состояние Франции» есть строка: «Горят огнем широкие бульвары». Слово «широкие» напечатано курсивом. Это не случайная типографская ошибка. Курсив имеет определенный смысл, он намекает на следующий факт. При Наполеоне III была произведена перепланировка Парижа — многие улицы были расширены, были разбиты новые бульвары и сады, причем одной из главных причин этой перепланировки было стремление правительства, напуганного событиями 1848 г., сделать более затруднительным устройство баррикад и ведение уличного боя. Как видим, намек этот весьма существенен в общем контексте стихотворения, в связи с обращением поэта к революционному прошлому Франции и словами о превращении Парижа в «клубничный Вавилон». В стихотворении В. Курочкина «Благоразумная точка зрения» есть строка: «С соблюдением мер и границ». Читатель не обратит на нее внимания, если он не знает,

что «Меры и границы» — название статьи Б. Н. Чичерина. Между тем, это одна из целого цикла его статей, проникнутых охранительными тенденциями и ненавистью к революционной мысли 60-х годов и наделавших в свое время много шума. Еще один пример. В. Курочкин перевел стихотворение Беранже «Навуходоносор». По цензурным причинам перевод долго не мог быть напечатан и распространялся в списках. В переводе упоминается между прочим «Северная Пчела», которой нет, конечно, у Беранже и которая сразу переносит действие в Россию. Но еще более важны строки: «Был съеден незабвенный царь» и «Как в бозе сгнил последний царь». «Незабвенным» был назван Николай I в манифесте Александра II по поводу его смерти. Это выражение не раз служило объектом насмешек. Иронически называл Николая «незабвенным» Герцен в «Колоколе»; в дневнике Шевченко он несколько раз назван «неудобозабываемым»; одно стихотворение Лаврова начинается словами: «Когда он в вечность преселился, наш незабвенный Николай». «В бозе сгнил» — пародия на «в бозе почил». Таким образом, «Навуходоносор» в переводе Курочкина сливается с Николаем I. Искровцы знали, что их современники без труда отгадают тех лиц, те факты и явления, намеками на которые полны их стихи. Зашифрованность в расчете на читатель-

скую расшифровку была одной из существенных черт искровской поэзии. Нередко на соседних же страницах журнала, в статьях, заметках, карикатурах на ту же тему, они сами помогали читателям раскрыть эти намеки.

Иногда искровцы нападали на враждебные им явления, так сказать, «в лоб», в других случаях они действовали иначе. Одним из основных приемов выражения своего отношения к действительности является в их сатирах иронический рассказ от имени благонамеренного человека — прием, получивший такое блестящее развитие в творчестве Щедрина. Этот прием маски находит себе место и в стихах, и в публицистических статьях, и в фельетонах искровцев. Маски в «Искре» чрезвычайно многообразны — то мелкий чинуша, то обыватель, передающий, как обыденные и привычные, возмутительные случаи произвола, то помещик-зубр, то либерал и т. д., и т. д. Общий смысл приема заключается в том, чтобы довести до абсурда враждебный образ мыслей, высмеять его в глазах читателей. Впрочем, маска была не только способом разоблачения враждебного образа мыслей, а нередко просто создавала позицию, с которой легче было говорить на запретные темы. Так, например, воспользовалась «Искра» маской крайнего консерватора, который возмущен национальным собранием и Тьером и, перечисляя их

действия, рассказывает вместе с тем о причинах, вызвавших Парижскую Коммуну.

В стихах искровцев мы сталкиваемся с этим явлением буквально на каждом шагу. Здесь и чиновник-взяточник («Жалоба чиновника» В. Курочкина, «Негордый человек» Вейнберга), и либерал в его разных обликах («Сон на Новый год», «Чистосердечное признание», «Явление гласности» В. Курочкина, «Проселком» Минаева, «Рифмованные протесты» Н. Курочкина), и мракобес-ханжа («Полезное чтение» В. Курочкина), и обобраный за правилами акционерных обществ рядовой акционер («Песня сумасшедшего акционера» Вейнберга), и ироническая маска раскаявшегося нигилиста («После первого чтения г. Юркевича по «философии» Буренина), и славянофил («Я трепетал...» Минаева), и поклонники «Отцов и детей» Тургенева («Отцы или дети?» и «Просьба» Минаева), и читатель газеты «Весть» («Мы — особь статья!» Богданова) и др. Иногда в пределах одного стихотворения поэтическое «я» вдруг меняется, и от лирического тона поэт переходит к злой иронии, подставляя вместо себя уже другое, ему совершенно чуждое «я». Такова «Ода на современное состояние Франции» Н. Курочкина. В ней неприкрытое преклонение перед французской революцией XVIII в. и ненависть к режиму Наполеона III облечены в своеобразную форму: интонация

гневной сатиры и оды переплетается с интонациями юмористического фельетона, причем слетение это отражает развитие темы стихотворения. Но особенно существенно именно то, что со строки «И сладко мне! я вижу, победил» перед нами новое «я» — собирательное «я» буржуа-обывателя, на которого был обращен гнев поэта в первой части стихотворения. Следует отметить, что в подобной сатире нередко также элементы пародии. В монологе, вложенном в уста противника, поэт имитирует подчас его литературную манеру, фразеологию, использует отдельные его выражения. Такова «Московская элегия» Минаева, направленная против «Русского Вестника» Каткова.

Маска благонамеренного человека имеет длинную литературную историю, но в сатире середины прошлого столетия, главным образом в революционной сатире, она получила особенно широкое распространение. Ею пользовались Добролюбов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Некрасов и др. Наконец, нельзя не вспомнить, конечно, и о Козьме Пруткове. К маскам вымышленных поэтов Конрада Лилиеншвагера, Якова Хама и Аполлона Капелькина, созданным Добролюбовым, и к Козьме Пруткову непосредственно примыкает отставной майор Михаил Бурбонов, от имени которого Минаев написал много фельетонов и стихотворений, а затем издал целый сборник «Здравия

желаю!». Но вообще искровцев, по самому характеру их поэтической работы, не устраивали постоянные, устойчивые маски вроде Пруткова. Откликаясь на самые различные явления современной жизни, высмеивая тех или иных людей, те или иные факты, они в зависимости от этого конструировали на каждый данный случай то или иное «я», от имени которого и вели свой рассказ.

По поводу переводов В. Курочкина из Беранже Б. Алмазов писал: «Стих г. Курочкина, хотя не вышел из школы Пушкина и не имеет ничего общего со стихом гг. Мея, Полонского, Майкова и Щербины, но по-своему очень хорош. Это стих рукописных комических стихотворений, стих г. Некрасова, стих лучших пародий Нового Поэта — бесцеремонный, но сильный, бойкий и отличающийся затейливыми и звучными рифмами. На Руси существует целая школа такого рода поэзии; отличительная черта поэтов этой школы — умение укладывать в стих обыкновенную разговорную речь». В этом полупохвальном, полуснисходительном отзыве отмечены некоторые существенные черты поэзии Курочкина. Ему, как и всем искровцам, — и в этом они шли вслед за Некрасовым, — была чужда условная поэтическая речь, культивировавшаяся поэтами «чистого искусства». Для них был неприемлем тот принципиальный, часто нарочитый и подчеркнутый

разрыв между языком поэзии, «языком богов», с одной стороны, и разговорным языком, а также языком науки и публицистики — с другой, который имеет определяющее значение для поэзии Фета и Майкова, Мей и Щербины, сколь они ни различны во многих других отношениях. Преодоление этого разрыва было в середине XIX в. одним из существенных признаков реализма в поэзии. Оно характеризует и общее отношение искровцев к слову, и лексику, и образную, и интонационную ткань их произведений. Искровцы не избегали прозаизмов, выражений, заимствованных из современной публицистики, простонародных слов и т. п. Наоборот, сугубо «поэтические» слова и словосочетания, получившие права гражданства в «чистой поэзии» и в значительной степени стершиеся и превратившиеся в штампы у второстепенных ее представителей и эпитогонов, употреблялись ими лишь в пародийном и ироническом контексте. Изысканным метафорам Фета и их прихотливому сочетанию, преобладанию субъективной эмоциональной окраски слова над его логическим смыслом искровцы противопоставляли рационалистичность и предметность слова.<sup>1</sup> Но предметность эта была чрезвычайно далека от предметности слова

<sup>1</sup> Речь идет, разумеется, не о степени таланта сопоставляемых поэтов, а о направлении их творчества.

Майкова или Щербины; у них не было того эстетизма, внешней красоты, которые присутствуют в большинстве произведений первого, и словесной экзотики второго. Мелодизму, нередко заглушавшему у Фета смысловое наполнение стиха, равно как и гладкому, а у многих уже к тому времени окаменевшему, застывшему классическому стиху — они противопоставляли, с одной стороны, разговорные интонации сатирического фельетона, а с другой — пафос и эмоциональную насыщенность публицистической лирики.

Особенности поэтического языка искровцев связаны с общим характером их поэзии, их представлениями о поэтическом творчестве и социальной функции искусства. Им было, конечно, решительно отвергнуто романтическое представление о поэте, который в состоянии экстаза проникает в таинства вселенной и потом творит, вспоминая о «мимолетном видении». Поэт для них — не романтический «безумец», а борец, трибун и общественник. Эстетизованный мир условных поэтических понятий и переживаний, тематика «чистой поэзии», по преимуществу лирика любви и природы, не могли, естественно, заменить искровцам комплекса больших социальных проблем, волновавших передовые круги русского общества. Вместе с Некрасовым они считали несвоевременным и неуместным «красу

долин, небес и моря и ласку милой воспе-  
вать». Не то, чтобы темы эти были совер-  
шенно изгнаны из их поэзии, они присут-  
ствуют в ней, но не занимают преобладаю-  
щего места и совсем по-иному звучат.  
Наконец, ориентация на узкий круг люби-  
телей, оценка своей собственной поэзии  
как поэзии «для немногих» сменилась уста-  
новкой на широкую демократическую ауди-  
торию, на действенность и доходчивость  
стиха.

В «Искре» не встречало никакого со-  
чувствия писаревское отрицание искусства,  
но она стояла за предельную простоту  
формы, считая нужным, впрочем, подчерк-  
нуть, что простота не есть вульгаризация:  
«Стремление выражать идеи в доступной  
каждому форме не должно переходить в ту  
оскорбительную, барскую замашку с ни-  
сходить до мужицкого мирозерцания,  
с каким многие часто адресуются к народу.  
Так, многие имеют пошлую привычку,  
разговаривая с детьми, коверкать по-детски  
слова и картавить. Ясности это не только  
не помогает, а даже вредит». Эти лже-  
народность и сюсюканье, равно как и  
либерально-обличительная поэзия, наиболее  
типичным представителем которой был  
Розенгейм, поэзия с обнаженной и крайне  
кудой тенденцией и лишенная каких бы то  
ни было художественных достоинств, вы-  
зывали у искровцев не меньший отпор,  
чем адепты «чистого искусства».

В критических статьях и историко-литературных работах нередко встречаются утверждения, что поэты революционной демократии не могли конкурировать с представителями «чистой поэзии» по недостатку культуры. Это пренебрежительное отношение к ним не вполне изжито до нашего времени. Но нужно иметь в виду, что распространение материалистических идей в России также оценивалось в известных кругах как снижение философской культуры. Господствующие классы считали, что непричастность к их культуре является уже признаком варварства.

Искровцы опирались совсем не на более низкую, а на принципиально иную культуру, в том числе культуру поэтическую. В 60-е годы критики и писатели враждебного демократии лагеря считали сатиру «низким» жанром, а между тем именно эти «низкие» жанры — сатирический фельетон, пародия, эпиграмма и т. п. — стояли в творчестве поэтов «Искры» на первом месте.

Пренебрежительное отношение к искровцам высказывалось обычно в оценках такого типа: у них есть бойкие куплеты на злобу дня, но куплеты эти не имеют ничего общего с подлинным искусством. Искровцы, действительно, очень охотно пользовались куплетами и довели технику куплетов с рефреном до большого мастерства. Куплеты по самой своей природе

являются очень доходчивой и выразительной формой, и немудрено, что поэты, ориентировавшиеся не на небольшой кружок «посвященных», а на широкие демократические массы, обратились к ней. Большое влияние на выработку их куплетной техники оказали французские песенники, в первую очередь Берамже, Надо и др., с которыми у искровцев были и существенные идейные связи, и русский водевиль 30—40-х годов. Иногда прямо кажется, что стихотворения искровцев как бы вынуты из какого-то водевиля и являются монологами его героев. Но, заимствуя из водевиля легкость, бойкость, доходчивость стиха, технику каламбур и т. п., они поставили их на службу передовым идеям своего времени. И об этом, конечно, предпочитали умалчивать литературные враги «Искры», попрекая их сходством с пустыми, бессодержательными водевильными куплетами. Влияние водевильного куплета испытал на себе задолго до искровцев и Некрасов. Вернее говорить, впрочем, не столько о влиянии на них и на Некрасова водевильного куплета, сколько об использовании его ими в процессе создания своей поэтической системы. И весьма показательно, что не только искровцев, но и Некрасова упрекали в этом. Уже в 1870 г., противопоставляя Некрасова — поэта, с его точки зрения, сомнительного — подлинному поэту Полонскому, Н. Страхов обвинял его в недостатке

образования и называл его стихи водевильными куплетами: «Настоящей школой, университетом г. Некрасова был Александринский театр, откуда он заимствовал и сюжеты своих стихов и тот водевильный склад, который сохранился у него до последних дней... Стихи его по тону и манере очень часто сбиваются на водевильные куплеты того особого рода, который некогда процветал в нашей «Александринке». Это совпадение в оценке враждебной критикой искровцев и Некрасова, разумеется, не случайно.

Если для одних искровцев, и прежде всего для В. Курочкина, очень существенным было воздействие поэзии Беранже, то на творчестве других (Вейнберг, Буренин) в большей степени отразились идейные тенденции и художественные приемы сатиры Гейне.

В 50—60-е годы пародия достигла своего расцвета (Козьма Прутков, Панаев, Добролюбов и др.). Много пародий писали, борясь с враждебными им литературными течениями, и искровцы. Минаев, Ломан, Сниткин были одними из лучших пародистов своего времени. Пародии Ломана и Минаева явились одной из причин, заставивших замолчать на много лет не только Кускова, но и такого крупного представителя «чистой поэзии», как Случевский. В своих пародиях искровцы брали под обстрел как идейную физиономию, так и

поэтические принципы, литературную манеру своих противников. Они высмеивали тематическую узость «чистой поэзии», эротические и мистические мотивы, нарочитую неясность настроений, романтический пейзаж и лексику, внешнюю красоту, экзотику и т. д., и т. д. Целый ряд пародий был посвящен и либеральному обличительству, опошлявшему подлинную гражданскую поэзию. В первую очередь доставалось Розенгейму, стихотворения которого, как известно, послужили также объектом многих пародий Добролюбова. Большинство пародий искровцев направлены против отдельных стихотворений Фета, Майкова, Полонского, Тютчева, Случевского, Мея, Щербины, Вс. Крестовского К. Павловой, другие — против целых жанров, характерных для поэзии того времени — антологического стихотворения, идиллии, элегии, против русских переводчиков Гейне, искажавших сущность его поэзии.

По-иному относились искровцы к поэтам первой половины XIX в., и большим заблуждением является утверждение, что наряду с Фетом и Майковым они то и дело пародировали Пушкина и Лермонтова. Во-первых, вряд ли систематическое пародирование Пушкина и Лермонтова являлось актуальной задачей для какого бы то ни было литературного направления 60-х годов, а во-вторых, у нас нет никаких оснований думать, что искровцы относились к из

поэзии враждебно (В. Курочкин, например, по свидетельству современника, «Лермонтова обожал»). Обычное в сатирах искровцев и очень характерное для их поэтики использование отдельных строк, строения строфы, сюжетной схемы, персонажей многих русских поэтов предшествующих им десятилетий и некоторых европейских не может механически оцениваться как пародия. Иначе «Явление гласности» В. Курочкина — сатиру на либерального публициста Громеку — пришлось бы признать пародией на «Истину» Баратынского, эпиграмму на Б. Чичерина «Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи» — пародией на двустилишие Пушкина «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи», «Молитву» Минаева, направленную против «Отцов и детей» Тургенева, — пародией на «Молитву» Лермонтова, «Цепочку и грязную шею» Курочкина — пародией на «Горе от ума» Грибоедова, «Ах, где та сторона» — Минаева — пародией на известную агитационную песню Рылеева «Ах, где те острова», наконец его разговор трех теней о сатирической поэзии — пародией на соответствующую сцену из «Макбета» Шекспира и т. д., и т. д. Между тем ни о какой пародии здесь не может быть и речи; уже самое соединение имен — Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Грибоедов, Рылеев, Шекспир (а список этот можно увеличить) за-

ставляет подозрительно отнестись к такому предположению. Пародия всегда связана с дискредитацией поэтической системы пародируемого писателя, а в перечисленных и многих других случаях этого нет. В отличие от пародий это явление можно назвать «перепевом» — разумеется, не в обычном оценочном смысле, т. е. не в смысле подражания. «Перепевы» у искровцев очень разнообразны — одни проходят сквозь все стихотворение, другие охватывают одну или несколько строк; в одних случаях поэт использует строение строфы, в других сюжетные ситуации и т. д. В «перепевах» могут быть иногда элементы пародии, но основная их направленность иная. Широко известная сюжетная схема, ритмико-синтаксическая структура стихотворения, слегка измененная словесная формула прилагаются к высмеиваемому в сатире материалу, и неожиданность такого применения создает комический эффект. Однако смех направлен не против литературного источника «перпева», а против объекта сатиры. Непременным условием комического эффекта является широкая известность этого источника.

В заключение нужно сказать несколько слов о переводах искровцев, занимавших существенное место в их литературной деятельности. Общекультурная роль этих переводов очень велика. По ним широкие круги читающей публики знакомились с

западноевропейскими классиками. Многие классические произведения были впервые переведены искровцами на русский язык. Но особенное внимание уделяли они, естественно, крупнейшим революционным поэтам XIX в., в первую очередь Беранже и Гейне, затем Барбье, Гюго, Джусти, Фрейлиграту, Гервегу и др. Переводы этих поэтов имели не только общекультурное значение, но, как и оригинальное творчество искровцев, активно способствовали пробуждению и революционизированию общественного сознания. Беранже и Гейне были настолько ассимилированы радикальными кругами 60-х годов, что пользовались не меньшей популярностью, чем лучшие русские поэты.

Вершиной переводческой деятельности искровцев являются песни Беранже в переводе В. Курочкина. Курочкин не стремился к буквальной точности перевода, но великолепно передал идейный смысл и стих подлинника и в то же время «сделал Беранже, по выражению одного критика, как бы русским народным поэтом». Отдельные внесенные им детали, иногда очень мелкие и на первый взгляд незаметные, переводили песни Беранже в план русских общественных отношений. Эта черта курочкинских переводов особенно беспокоила официальные круги, хотя и само по себе творчество Беранже, называвшего свои песни стрелами, пущенными в трон.

бюрократию, дерковъ, буржуазию, было абсолютно неприемлемо для них. Граф П. Капнист в составленном им по поручению министра внутренних дел Валуева «Очерке направления русской лирической поэзии с 1854 по 1864 г.» писал о Курочкине: «Сохраняя часто дух подлинника, он очень ловко умеет применять разные куплеты Беранже к нашим современным обстоятельствам, так что в сущности Беранже является только слепым орудием, и под прикрытием его имени г. Курочкин преследует свои цели, например: известно, как в последнее время пристрастно смотрит периодическая литература наша на отношения нашего дворянского сословия к народу; г. Курочкин, принадлежа к гонителям высших слоев нашего общества, переводит известную пьесу Беранже «Маркиз де Караба» и т. д.

Современники считали переводы Курочкина одним из самых значительных явлений литературы 60-х годов. И действительно, они принадлежат к числу тех творческих переводов, вернее пересозданий, которые органически входят в русскую литературу и воспринимаются как оригинальные произведения (баллады Жуковского, басни Крылова, стихи Гейне в переводе Блока и др.).

Не все, разумеется, равноценно в литературном наследии поэтов «Искры». Не представляет, например, интереса лирика

Вейнберга и значительная часть лирики Минаева. В этой области они не создали ничего самостоятельного. И у них, и у Богданова, и у Жулева есть также немало юмористических стихотворений, направленных на пустяки. Отчасти — но только отчасти — это объясняется цензурными условиями, заставлявшими искровцев писать невинные вещи, чтобы хоть немного нейтрализовать в глазах власть имущих свою сатиру.

Но творчество Василия Курочкина — несомненно самого крупного после Некрасова революционного поэта 60-х годов — и все лучшее из произведений других искровцев пережило свою эпоху, сохранив свою ценность и для нас. Нам близок в их поэзии протест против произвола и социального неравенства, злой смех над угнетателями трудящихся масс, над журналистами и писателями антиреволюционного лагеря, над барством, оппортунизмом, пошлостью, мещанством и обывательщиной. И по идейному смыслу их поэзии и по ее художественным особенностям искровцы находятся в русле того мощного литературно-общественного течения, которое связано для нас с именами Некрасова в поэзии и Щедрина в прозе.

С конца XIX в. вокруг поэтов «Искры», как и вокруг целого ряда других шестидесятников, образовался своеобразный заговор молчания. Критики и историки

литературы стали игнорировать их и в значительной степени способствовали их забвению. Достаточно указать, что в пятитомной «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д. Овсяннико-Куликовского нет статьи о Курочкине. Это факт не случайный. Ведь даже о Щедрина среди дореволюционной интеллигенции было широко распространено мнение, что это не столько писатель, сколько публицист — притом давно устаревший и скучный.

Близость искровцев нашей эпохе подчеркивается весьма интересным свидетельством Н. К. Крупской. В своей статье по поводу сборника «Поэты „Искры“» она писала: «Это был своеобразный фольклор тогдашней разночинной интеллигенции, авторов не знали, а стихи знали. Ленин знал их не мало. Эти стихи входили как-то в быт. Я тоже знала очень много этих стихов... Поэты «Искры», их сатира имели несомненное влияние на наше поколение. Они учили всматриваться в жизнь, в быт и замечать в жизни, говоря словами Некрасова, «все недостойное, подлое, злое», они учили разбираться в людях... Мне кажется, что на нашу оценку людей сильнейшее влияние оказали поэты «Искры». Ильич в известной степени переживал то же, хотя и в других разрезах. Поэтов «Искры» он также читал, знал их стихи, помнил» («Литературная Газета», 1934, № 101).

*И. Ямпольский*

НИ В МАТЬ, НИ В ОТЦА

Твой отец нажил честным трудом  
Сотни тысяч и каменный дом;  
Облачась в дорогой кашемир,  
Твоя мать презирает весь мир;  
Как же ты — это трудно понять —  
Ни в отца уродилась, ни в мать?

Мать — охотница девок посечь,  
А отец — подчиненных распечь;  
Ты — со всеми на свете равна,  
С молодежью блестящей скучна,  
Не умеешь прельщать, занимать.  
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Из столицы отец ни ногой;  
Мать в Париж уезжает весной;  
А тебя от туманных небес  
Манит в горы, да в степи, да в лес...  
Целый день ты готова блуждать...  
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Мать готовит тебя богачу,  
А отцу крупный чин по плечу —

Чтоб крестов было больше да лент;  
А с тобою — какой-то студент...  
Душу рада ему ты отдать...  
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Не сулит тебе брачный венец  
Шумной жизни какую отец  
За любовь твоей матери дал.  
Разобьется и твой идеал...  
Эх! уж лучше, чтоб горя не знать,  
Уродиться в отца или в мать!

1853

Как в наши лучшие года  
Мы пролетаем без участия  
Помимо истинного счастья!  
Мы молоды, душа горда...  
Как в нас заносчивости много!  
Пред нами светлая дорога...  
Проходят лучшие года!

Проходят лучшие года —  
Мы всё идем дорогой ложной,  
Вслед за мечтою невозможной,  
Идем неведомо куда...  
Но вот овраг — вот мы споткнулись...  
Кругом стемнело... Оглянулись —  
Нигде ни звука, ни следа!

Нигде ни звука, ни следа,  
Ни светлых дней, ни сожаленья,  
На сердце тяжесть оскорбленья  
И одиночество стыда.  
Для утомительной дороги  
Нет силы... Подкосились ноги...  
Погасла дальняя звезда!

Погасла дальняя звезда!  
Пора, пора душой смириться!

Над жизнью нечего глумиться,  
Вкусив от горького плода,—  
Или с бессильем старой девы  
Твердить упорно: где вы, где вы,  
Вотще минувшие года!

Вотще минувшие года  
Не лучше ль справить честной тризной?  
Не оскверним же укоризной  
Господень мир — и никогда  
С бессильной злобой оскорбленных  
Не осмеем четы влюбленных,  
Влюбленных в лучшие года!

[1836]

## ОБЩИЙ ЗНАКОМЫЙ

Не высок, ни толст, ни тонок,  
Холост, средних лет,  
Взгляд приятен, голос звонок,  
Хорошо одет;  
Без запинки, где придется,  
Всюду порет дичь —  
И поэтому зовется:  
Милый Петр Ильич!

Молодое поколение  
С жаром говорит,  
Что брать взятки — преступленье,  
Совесть не велит;  
Он сейчас: «Уж как угодно,  
Взятки — сущий бич!»  
Ах! какой он благородный,  
Милый Петр Ильич!

Старичков остаток злобный,  
Чуя зло везде,  
Образ мыслей неподобный  
Видит в бороде;  
Он сейчас: «На барабане  
Всех бы их остричь!»

Старички-то и в тумане...  
Милый Петр Ильич!

С дамами глядит амуром  
В цветнике из роз;  
Допотопным каламбуром  
Насмешит до слез;  
Губки сжав, в альбомы пишет  
Сладенькую дичь, —  
И из уст прелестных слышит:  
Милый Петр Ильич!

Там старушки о болонках  
Мелют, о дровах,  
Приживалках, компаньонках,  
Крепостных людях...  
Он и к этим разговорам  
Приплетает дичь;  
А старушки дружным хором:  
Милый Петр Ильич!

С сановитыми тузами  
Мастер говорить  
И умильными глазами  
Случай уловить.  
Своему призванью верный,  
Ведь сумел достичь  
Аттестации: примерный,  
Милый Петр Ильич.

Польки пляшет до упада,  
В картах чорту брат;

И хозяйка очень рада,  
И хозяин рад.  
Уж его не разбирают,  
Не хотят постичь,  
А до гроба величают:  
Милый Петр Ильич!

[1856]

## 16 ИЮЛЯ 1857 ГОДА

Зачем Париж в смятении опять?  
На площадях и улицах солдаты,  
Народных воли не может взор обнять...  
Кому снесшат последний долг воздать?  
Чей это гроб и катафалк богатый?  
Тревожный слух в Париже пролетел:  
Угас поэт — народ осиротел.

Великая скатилась звезда,  
Светившая полвека кротким светом  
Над алтарем страданья и труда;  
Простой народ простился навсегда  
С своим родным учителем-поэтом,  
Восневшим блеск его великих дел.  
Угас поэт — народ осиротел.

Зачем пальба и колокольный звон,  
Мундиры войск и ризы духовенства,  
Торжественность тщеславных похорон  
Тому, кто жил так искренно, как он,  
Певцом любви, свободы и равенства,  
*Несчастливым льстил, но с сильными был смел?*  
Угас поэт — народ осиротел.

Зачем певду напрасный фимиам,  
Дым пороха в невыносимом громе —  
Дым, дорогой тщеславным богачам —  
Зачем ему? Когда *бог добрых сам,*  
*Благословив младенца на соломе,*  
*Не быть ничем поэту повелел?*

Угас поэт — народ осиротел.

Народ всех стран — страдание и труд,  
И сладких слез над песнями отрада  
Громчей пальбы к бессмертию зовут!  
И в них, поэт, тебе верховный суд —  
Великому великая награда,  
Когда поэт песнь лебедя пропел —  
И внемля ей, народ осиротел.<sup>1</sup>

1857

---

<sup>1</sup> Слова, напечатанные курсивом, — перевод собственных выражений Беранже из разных песен.

Я не поэт, — и, не связанный узами  
С музами,  
Не обольщаюсь ни лживой, ни правою  
Славою.  
Родине предан любовью безвременною,  
Честною,  
Не воспевая с певцами присяжными,  
Важными  
Злое и доброе, с равными шансами,  
Стансами,  
Я положил свое чувство сыновнее  
Все в нее.

Но не могу же я плакать от радости  
С гадости  
Или искать красоту в безобразии  
Азии,  
Или курить в направлении задавном  
Ладаном,  
То есть — заигрывать с злом и невзгодами  
Одами.

С рифмами лазить особого счастья  
К власти я  
Не нахожу — там какие бы ни были  
Прибыли.

Рифмы мой ходят поступью твердою,  
Гордою,  
Располагаясь богатыми парами —  
Барами!

Ну, не дадут мне за них в Академии  
Премии,  
Не приведут их в примерах пиитики  
Критики:  
«Нет ничего, мол, для «чтения народного»  
Годного,  
Нет возносящего душу парения  
Гения,  
Нету воинственной, храброй и в старости  
Ярости  
И ни одной для Петрушки и Васеньки  
Басенки».  
Что ж? Мне сама мать-природа оставила  
Правила,  
Чувством простым одарив одинаково  
Всякого.  
Если найдут книжку с песнями разными  
Праздными  
Добрые люди внимания стоящей —  
Что еще?  
Если ж я рифмой свободной и смелою  
Сделаю  
Кроме того впечатление известное  
Честное, —  
В нем и поэзия будет обильная,  
Сильная  
Тем, что не связана даже и с музами  
Узами.

## ЖАЛОБА ЧИНОВНИКА

Человек я хорошего права —  
Право!  
Но нельзя же служить, как известно,  
Честно.  
Я вполне соглашаюсь, что взятки  
Гадки;  
Но семейство, большое к тому же,  
Хуже.  
Точно: можно ходить и в веригах —  
В книгах...  
А чтоб эдак-то бегать по свету —  
Нету!  
Рассуждают, награбивши много,  
Строго:  
Капитал-де от предков имели!  
Все ли?  
И меня ведь господь не обидел:  
Видел,  
Как и те, что статейки писали —  
Брали.  
Так за что ж распекаль-то сверх штата  
Брата?  
Одного ведь отца мы на свете  
Дети!

[1869]

ТОЛЬКО!..

Нет на свете зла!  
Жить — легка наука;  
Зло изобрела  
Авторская скука.  
Вот весна, весна!  
Вся природа рада...  
Только — холодна...  
Согреваться надо.

Нам от стужи дан  
Нектар ароматный;  
Вина южных стран  
Теплотой приятной  
Чувства усладят...  
Только — снова вздохн:  
Вина, говорят,  
Дороги и плохи.

Нет — так все равно!  
Что нам пить чужое?  
Есть у нас вино,  
Русскому родное:  
Чарка водки — в зной  
И в мороз — находка!  
Только — грех какой! —  
Дорога и водка.

Пить взамен вина  
Просто воду будем;  
Трезвость нам нужна,  
Как рабочим людям:  
В ней — успех труда...  
Только — я не скрою —  
Чистая вода  
Дорога весною.

А весна идет  
И, дразня свободой,  
Негой обдает...  
Поживем с природой  
Хоть один денек!  
Только — вот забота:  
Двери на замок  
Заперла работа.

Так трудом живи,  
В светлые мгновенья  
Находя в любви  
От труда забвенье.  
С нею, в царстве грез,  
Бедных нет на свете!  
Только — вот вопрос:  
Ну, как будут дети?..

Так одним трудом,  
Без мечты нескромной,  
Как-нибудь дойдем  
До могилы темной.  
Труд — надежный друг  
Всех несчастных... только —

Сколько в свете рук,  
Нет работы столько!

Жить ли без труда  
С голодом да с жаждой!

Только... как тогда  
Дорог угол каждый!

А весна светла  
И поет лукаво:

«Нет в природе зла!  
Счастье — ваше право».

[1859]

## ПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

(Идиллия)

Надо мною мракобесия  
Тяготела суета  
И блуждал, как в темном лесе, я  
До Успенского поста;  
Но во дни поста Успенского  
Я внимательно читал  
Господина Аскаченского  
Назидательный журнал.

Чудо в очью совершилося:  
Стаг я духом юн и смел;  
Пелена с очей свалилася —  
И внезапно я прозрел.  
Я провидел все опасности,  
Что грозят родной стране  
С водворением в ней гласности —  
Столь враждебной тишине.

Погибает наша нация,  
Думал я, с тех пор, как в ней  
Поднялась цивилизация  
И брожение идей,  
И стремление гуманное —  
Это все придумал бес —

Навождение окаянное!  
Окаянский ваш прогресс!

За свое спасенье ратуя,  
В Летний сад я поспешил:  
Там, смотрю: нагая статуя!  
Камнем я в нее пустил.  
Вдруг хожалый очень лживственно  
«Ты мазурик!» закричал.  
И за этот подвиг нравственный  
Потопил меня в квартал.

И в квартале размышлениям  
Предавался я один.  
Думал: вот каким гонениям  
Здесь подвержен гражданин  
За боязнь соблазна женского!  
Ах, зачем же я читал  
Господина Асоченского  
Назидательный журнал!

1

## БЕДОВЫЙ КРИТИК

Уж он ослаб рассудком бедным,  
Уж он старик, сухой как жердь,  
Своим дыханием зловредным  
Небесную коптящий твердь.  
Уже, со старческою палкой,  
В приюте нравственных калек,  
В какой-нибудь газете жалкой  
Он жалкий доживает век.  
Вдруг, вспомнив прежнюю отвагу,  
Рукой дрожащею скорей  
Берется в корчах за бумагу —  
Чернит бумагу и людей.  
Старинный червь сосет и точит;  
Но уж в глазах темнеет свет:  
Портрет врага писать он хочет —  
И выставляет свой портрет.  
«Нахальство... мальчик...» — злость  
диктует,

Но изменившая рука  
Строками черными рисует  
Нахальство злого старика.  
Досада пуше в грудь теснится,  
Бессилье сердце жмет тоской —  
И, с певой у рта, старец злится,  
Покуда сам не отравится  
Своею бешеной сядуной.

## СОН НА НОВЫЙ ГОД

**В** чертогах, взысканных богами,  
В сияньи солнечных лучей,  
Разлитых Кумберга шарами  
По оживленной панораме  
Дерев тропических, дверей,  
Тяжелым бархатом висящих,  
Ковров, статуй, лакеев, зал,  
Картин, портретов, рам блестящих  
И на три улицы глядящих,  
Атласом убранных зеркал;

В волнах невнятных разговоров,  
Алмазов, лент, живых цветов,  
Тончайших кружев, ясных взоров,  
Почтенных лысин, важных споров,  
Мироизждительных голов,  
Прелестных дев, хранимых свято,  
Старушек, чуждых суеты,  
Умов, талантов чище злата —  
В слияньи света, аромата,  
Тепла, простора, красоты, —

Как нуль, примкнутый к единицам  
Для округленья единиц,  
Внимая скромно важным лицам  
И удивляясь львам и львицам,  
Я всей душой склонялся ниц,

Как вдруг — раздался туш громовый,  
Холодный подан мне бокал,  
И бой часов густой, суровый  
Провозвестил, что ныне новый  
Шестидесятый год настал.

Отдавшись весь теплу и свету,  
В волненьях авторской тоски,  
Я встал, как следует поэту,  
Скользя по светлому паркету  
Ногой, обутой щегольски.  
По оживленной панораме  
Пронесся гул, как ропот вод:  
«Mesdames, m-g Знаменский...

стихами...

Messieurs!... желает перед нами  
Сказать стихи на Новый год».

Игра и вальс остановились;  
С участием детским предо мной  
Головки нежные склонились,  
И все очки в меня вперились...  
Лакею сдав бокал пустой,  
Подкуплен ужином грядущим  
И белизной открытых плеч,  
Я возгорелся жаром пущим  
И с вдохновеньем, мне присущим,  
Провозгласил такую речь.

Я говорил: «В наш век прогресса  
Девиз и знамя наших дней  
Не есть анархия идей,

*А примиренье интереса*  
С святыми чувствами людей.

Исполняясь гордого сознанья,  
Что мы кладем основы зданья,  
Неразрушимого в веках,  
Призванья нашего достойны,  
Пребудем мудры и спокойны,  
Как боги древних в небесах.

Согласно требованьям века,  
Возвысим личность человека,  
Свободный труд его почтим  
И, поражая зла остатки,  
Единодушно: взятки гадки!  
На всю Россию прокричим.

Вослед за криком обличенья,  
Без лихорадки увлеченья,  
Мы станем действовать в тиши;  
И так как гласности мы верим,  
Благонамеренно умерим  
Порывы страстные души.

Друзья мои, поэта лира  
Одни святые звуки мира  
На вещих струнах издает;  
И счастья всем — в убогих хатах  
И в раззолоченных палатах —  
Певед желает в Новый год.

Тебе, Сорокин, — чтобы мог ты  
От Бугорков до Малой Охты

Скупить дома до одного;  
И чтоб от звуков сладкой лиры  
Надбавка платы на квартиры  
Не тяготила никого.

Чтоб чарка водки в воскресенье —  
Труда тяжелого забвенье —  
Была у бедных мужичков;  
И вместе с тем, чтоб паки, паки  
Разбогатец Тармаламаки,  
Снимая пенки с откупов.

Чтоб сметка русских не дремала  
И чтоб торговля оживляла  
Все города родной земли;  
И чтобы немцы и французы  
Из Петербурга денег грузы  
В отчизну также увезли.

Чтоб каждый думал с новым годом  
Соразмерять приход с расходом,  
Свой личный труд и труд чужой;  
И чтобы дамские наряды,  
Как здесь, пленяли наши взгляды  
Неравномерно с красотой.

Чтобы везде, в углу, в подвале,  
В тюрьме, в нетопленной избе,  
Все также Новый год встречали,  
Как мы, в роскошной этой зале,  
Позабывая о себе!»

Рукоплесканья заглушили  
Мой безыскусственный привет;

Старушки тихо слезы лили,  
А старцы громко говорили,

Что я — единственный порт,  
Что Русь талантами богата!..  
Все львы сошлись со мной на ты,  
В моем лице целую брата, —  
В слиянии света, аромата,  
Тепла, простора, красоты.

## ЯВЛЕНИЕ ГЛАСНОСТИ

О гласности боля и тоскуя  
Почти пять лет,  
К прискорбию, ее не нахожу я  
В столбцах газет;  
Не нахожу в полемике журнальной,  
Хоть предо мной  
И обличен в печати Н. кварталный,  
М. становой.  
Я гласности, я гласности желаю  
В столбцах газет, —  
Но формулы, как в алгебре, встречаю:  
*Икс, Ирек, Зет.*

Так думал я назад тому полгода  
(Пожалуй, год),  
Но уж во мне свершала мать-природа  
Переворот.  
Десяток фраз, печатных и словесных,  
Пустив умно,  
Об истинах забытых, но известных  
Давным-давно,  
Я в обществе наделал шуму, крику  
И вот — за них  
Увенчанный, как раз причислен к лику  
Передовых.

Уж я теперь не обличитель праздный!  
Уж для меня  
Открылась жизнь и все ее соблазны —  
И нету дня,  
Отбою нет от лестных приглашений.  
Как лен, как шелк,  
Я мягок, добр, но чувствую, что — гений!  
А гений — долг.  
И голос мой звучит по светлым залам:  
«Добро! Закон!»  
И падает в беседе с генералом  
На полутон.

Я говорю, что предрассудки стары —  
Исчадя лжи, —  
И чувствую, как хороши омары,  
Когда свежи.  
Я познаю, топча ковры гостиных,  
Вкус старых вин  
И цену их — друзей добра старинных,  
Врагов рутин.  
Я слушал их, порок громивших смело,  
И понял вдруг,  
Где слово — мысль, предшественница  
дела,  
Где слово — звук.

Не знаю, как я стал акционером  
И как потом  
Сошелся я на ты с миллионером,  
Былым врагом.  
Но было так всеильно искушенье,  
Что в светлом сне

Значенье слов — уступки, увлеченье  
Раскрылось мне.  
Сам деспотизм пришелся мне по нраву  
В улыбках дам —  
И продал я некупленную славу  
Златым тельцам.

Мы купчую безмолвную свершили,  
И хитрый спич  
Я произнес, когда клико мы пили,  
Как магарыч.  
Но все еще за милое мне слово  
Стоя горой,  
Я гласности умеренной, здоровой  
Желах душой.  
И голосил в словесности банкетной,  
Что гласность — свет,  
Хоть на меня глядели уж приветно —  
Икс, Ирек, Зет.

Но пробил час — и образ исполинский,  
Мой идеал,  
Как Истину когда-то Баратынский,  
Я увидал.  
В глухую ночь она ко мне явилась  
В сияньи дня —  
И кровь во мне с двух слов остановилась:  
«Ты звал меня!..»  
«Ты звал меня» — вонзилось в грудь как  
жало.

И в тот же миг  
Я в ужасе набросил покрывало  
На светлый лик.

Почудилось неведомое что-то:  
Какой то враг  
Из всех речей, из каждого отчета,  
Из всех бумаг  
Меня дразнил — и, как металл звенящий,  
Как трубный звук,  
Нестройный хор, о *гласности* болящий,  
Терзал мой слух.  
Я полетел со стула вверх ногами,  
Вниз головой,  
И завопил, ударясь в пол руками:  
«Нет! я не твой!

Нет, я не твой! Я звал тебя с задором,  
Но этот зов  
Был, как десерт обеденный, набором  
Красивых слов.  
Оставь меня! Мы оба не созрели...  
Нет! Дай мне срок.  
Дай доползти к благополучной цели,  
Дай, чтоб я мог,  
Обзаведясь влияньем и миллионом,  
Не трепетать —  
Когда придешь, со свистом и трезвонем,  
Меня карать».

## ИДЕАЛЬНАЯ РЕВИЗИЯ

- Дороги у вас в околodge!  
Ухабы, озера, бугры!
- Пожалуста, рюмочку водки;  
Пожалуста, свежей икры.
- Выходит, что вы не по чину...  
За это достанется вам...
- Пожалуста, кюммелю, джину;  
Пожалуста, рижский бальзам.
- Пословица службы боярской:  
Бери, да по чину бери.
- Пожалуста, честер, швейцарский;  
Пожалуста, стильтону, бри.
- Дороги, положим, безделки;  
Но был я в остроге у вас...
- Пожалуста, старой горелки,  
Галушек, грибочков, колбас.
- Положим, что час адмиральский;  
Да вот и купцы говорят...
- Угодно-с ветчинки вестфальской?  
Стерлядка-с, дичинка, салат...
- Положим, что в вашу защиту  
Вы факт не один привели...
- Угодно-с икемцу, лафиту?  
Угодно-с рейнвейну, шабли?
- Положим, что вы увлекались...

Сходило предместнику с рук...  
— Сигарочку вам-с: имперьялис,  
Регалия, ушман, трабук.  
— Положим, я строг через меру,  
И как-нибудь дело сойдет...  
— Пожалуста... Эй! Редереру!  
Поставить две дюжины в лед!

[1860]

## ВОЗРОЖДЕННЫЙ ПАНГЛОСС

(Анонимному рецензенту-оптимисту  
«Библиотеки для Чтения»)

Откуда ты, эфира житель?

*Жуковекий.*

Откуда ты, с твоей статьею,  
Вступивший с временем в борьбу,  
Панглосс, обиженный судьбою,  
Но слепо верящий в судьбу?  
Как ты сберег свои сужденья?  
Как ты не умер, о Панглосс!  
И в «Библиотеку для Чтения»  
Какой Вольтер тебя занес?

Ну да, мы насмех стихотворцы!  
Да, мы смешим, затем что грех,  
Не вызывая общий смех —  
Смотреть, как вы. искусствоборцы,  
Надеть на русские умы  
Хотите, растлевая чувства,  
Халат «искусства для искусства»  
Из расписной тармамы.

Ну да! мы пишем насмех людям;  
Смешим, по милости небес,

И до тех пор смешить их будем,  
Пока задерживать прогресс  
Стремятся мрака ассистенты,  
Глушцов озлобленная рать, —  
И насмех критики писать  
Дерзают горе-рецензенты.

## ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

*(Посвящается рецензенту, который применяет  
эту шутку на свой счет)*

Друг мой, вот тебе совет:  
Если хочешь жить на свете  
Сколь возможно больше лет  
В мире, здравьи и совете —  
Свежим воздухом дыши  
Без особенных претензий;  
Если глуп — так не пиши,  
А особенно — рецензий.

1860

## СКАНДАЛ

Они сейчас: — Разбой! Пожар!  
И прослывешь у них мечтателем  
опасным!

(Чацкий. «Горе от ума».)

«На что, скажите, нет стихов?» —  
Во время оно Мерзляков  
В старинной песне, всем знакомой,  
Себя торжественно спросил  
И добродушно угостил  
Своих читателей *соломой*.

В былые дни для Мерзлякова  
Воспеть солому было ново...  
Для нас ни в чем новинки нет,  
Когда уже австрийский лагерь  
Воспел Конрад Лилиеншвагер,  
«Свистком» владеющий поэт.

У нас жуки сшибались лбами,  
Перейра был воснет стихами,  
С березой нежничают дуб,  
И, наконец, король сардинский  
В стих Розенгейма исполинский  
Попаля, как ворона в суп.

Друзья мои, господь свидетель:  
Одну любовь и добродетель,  
Одни высокие мечты,  
Из лучших в наилучшем мире,  
Я б воспевал на скромной лире,  
Не тронув праха суеты;

«Лизета чудо в белом свете!»<sup>1</sup> —  
Всю жизнь я цел бы в триолете;  
«Когда же злость ее узнал»  
(Не Лизы злость, а жизни злобу), —  
Прищелкнув языком по нёбу,  
Друзья мои, пою *Скандал!*

Скандал, пугающий людей!  
Скандал, отрада наших дней!  
Скандал! «Как много в этом звуке<sup>2</sup>  
Для сердца русского слилось!..  
Как много лиц отозвалось»  
В искусстве, в жизни и в науке!

Хвала, хвала тебе, Скандал!  
За то, что ты перепугал  
Дремавших долго сном блаженным, —  
И тех, кто на руку нечист,  
И тех, кому полезен свист,  
Особам якобы почтенным.

Хвала, хвала тебе, Скандал!  
За то, что на тебя восстал  
Люд по преимуществу скандальный:

---

<sup>1</sup> Стихи между вносными знаками в этой строфе принадлежат Карамзину (триолет «Лизета»).

<sup>2</sup> Известные стихи Пушкина из «Евгения Онегина».

Восстал поборник откупов,  
Восстал владелец ста домов,  
Восстал Аскóченский печальный.

Восстали мрачные умы,  
Восстали грозно духи тьмы,  
Надев личины либералов,  
Страшась, что справедливый суд  
Над ними скоро изрекут  
«Литературою скандалов».

Хвала, хвала тебе, Скандал!  
С тех пор, как ты в печать попал,  
С чутьем добра, с змеиным жалом,  
Ты стал общественной грозой,  
Волной морской, мирской молвой  
И перестал уж быть Скандалом.

Скандал остался по углам:  
Скандал гнездится здесь и там,  
Скандал с закрытыми дверями,  
Немой Скандал с платком во рту,  
Дурная сплетня на лету  
И клевета с ее друзьями.

Хвала, хвала тебе, Скандал!  
Твоя волна — девятый вал —  
Пусть хлынет в мир литературы!  
Пусть суждено увидеть нам  
Скандал свободных эпиграмм  
И ясной всем карикатуры!

## ЭПИТАФИЯ БАВИЮ

Судьба весь юмор свой лвить желала в нем,  
Забавно совместив ничтожество с чинами,  
Морщины старика с младенческим умом  
И спесь боярскую с холопскими стихами.

[1861]

## МИРМИДОНЫ КУРОЛЕСОВЫ

Эх! надел бы шлем Ахилла, —  
Медный шлем на медный лоб, —  
Да тяжел, а тело хило:  
Упадешь под ним как сноп!

Если б панцырь мне Пелида —  
Не боялся б ничего;  
Да ведь панцырь — вот обида! —  
Втрое больше самого!

Щит бы мне, которым конья  
Отражал в бою Пелид —  
Так натурашка холонья  
Не удержит этот щит.

Взял бы меч его победный  
И пошел бы!.. Да ведь вот:  
Меч поднять — так нужно, бедно,  
Мирмидонов штук пятьсот.

Тщетны оханья и стоны,  
Справедлив и мудр Зевес!  
Там бессильны мирмидоны,  
Где уж рухнул Ахиллес!

## СЕМЕЙНАЯ ВСТРЕЧА 1862 ГОДА

Читатели, являясь перед вами  
В четвертый раз,  
Чтоб в Новый год и прозой и стихами  
Поздравить вас,  
Хотел бы вам торжественно воспеть я,  
Да и пора б, —  
Российского весь блеск тысячелетия —  
Но голос слаб...  
Читатели, серьезной русской прессе  
Оставим мы  
Всё важное, все толки о прогрессе  
И «царстве тьмы».  
Довольствуясь лишь неизбежно сущим  
И близким нам,  
Поклонимся во здравии живущим  
Родным отцам.  
Пусть юноши к преданиям спесивы,  
Не чтут родных, —  
Но бабушки и дедушки все живы,  
Назло для них.  
Не изменив себе ни на полслова,  
Как соль земли,  
Все фазисы развития векового  
Они прошли.  
Понятья их живучи и удруги,  
И Новый год

Попрежнему в семейном тесном круге  
Их застаёт.  
Привет мой вам, старушка Простакова!  
Вы всех добрей.  
Зачем же вы глядите так сурово  
На сыновей?  
Поразуйтесь — здесь много Митрофанов —  
Их бог хранит;  
Их никаким составом химик Жданов  
Не истребит.  
Их детский сон и крепок и невинен  
По старине.  
Поклон тебе мой друг Тарас Скотинин,  
Дай руку мне!  
Свинюшник твой далеко, брат, до упадка;  
В нем тьма свиней.  
Почтенный друг! В них нету недостатка  
Для наших дней.  
Попрежнему породисты и крупны,  
А как едят!  
Нажрутся так, что, братец, недоступны  
Для поросят.  
От поросят переходя к Ноздреву,  
Мы узнаем,  
Что подобру живет он, поздорову  
В селе своем.  
Все так же он, как был, наездник ражий  
Киргизских орд,  
И чубуки его опасны даже  
Для держиморд.  
Берет в обмен щенков и рукоделья,  
И жрет и врет,

Но уж кричит, особенно с похмелья:

«Прогресс! Вперед!»

— Прогресс! Прогресс! Ты всем нам **задал**  
дело!

Никто не спит.

Коробочка заметно отупела,

Но все скрипит.

Уж Чичиков с тобой за панибрата.

На вечерах

Он говорит гуманно, кудревато

Об *мужичках*,

Про грамотность во всех посадах, селгах,

По деревням,

И наконец — детей в воскресных школах

Он учит сам.

Замыслил он с отвагою бывалою,

Трудясь как вол,

Народный банк, газету, два журнала

И общий стол.

Об нем кричит публично Репетиллов;

Его вознес

До облаков чувствительный Манилов

В потоках слез:

Мол. Чичиков гуманен! Идеален!

Ведет вперед!

С Петрушкою знакомится Молчалин,

На чай дает.

Все бегают, все веселы, здоровы,

Движение, шум —

Особенно заметны Хлестаковы,

Где нужен ум.

На раутах, на чтениях, по клубам

Свои стихи

Тряпичкины читают Скалозубам  
За их грехи.  
Абдулины усердно бьют поклоны  
Своим властям.  
Пошлепкины и слесарские жены —  
Все по местам.  
Как человек вполне великосветский,  
Мильоном глаз  
Везде Антон Антоныч Загорецкий  
Глядит на нас.  
От Шпекиных усердьем в службе нышет  
И болтовней, —  
И Фамусов, как прежде, все подпишет  
И с плеч долой!

[1862]

ИЗ ЦИКЛА  
«КАЗАЦКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

Слышу умолкнувший звук ученой  
Чичерина речи —  
Старца Булгарина тень чую смущенной  
душой.

1862

**Ю**мористическим чутьем  
Под вашей докторскою тогой,  
Под вашим мудрым париком,  
В изгибах речи вашей строгой  
Нагайку чуем казака,  
Хоть видим в выпушках, петличках  
И в полемических привычках,  
Что вы не нашего полка.

1862

## ЮМОРИСТАМ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

*П*оморная муза резва:  
В стихах, понимаете, надо  
Уметь, как расставить слова,  
Чтоб свистнуло с первого взгляда.

Умеючи надо шутить  
С богиней веселых мелодий;  
Как вам нужно кушать и пить,  
Так нужен размер для пародий.

Богине мелодий верны,  
Поморные — все староверы  
И скромно, как все свистуны,  
Свистят, соблюдая размеры.

За то им богинею дан,  
Надежнее стали звенящей,  
Для битвы с врагом талисман:  
Стих, мягко и нежно свистящий,

Одним услаждающий слух,  
Других повергающий в холод,  
И главное: легкий как пух,  
Но пошлость дробящий как молот.

## ЦЕПОЧКА И ГРЯЗНАЯ ШЕЯ

(Сцены из современной комедии)<sup>1</sup>

Л и ц а:

Графиня Хрюмина — 113 лет.

Графиня, ее внучка — 68 лет.

Хлестова — 99 лет.

1

2

3

4

5

6

Княжны Тугоуховские

(младшей — 61 год, старшей — 66).

Действие, по соображениям автора, перенесено из  
Москвы в Петербург.

Гостиная графини Хрюминой. Величавая запущенность; полинялые, но великолепные портьеры и занавесы. Графиня Хрюмина, одетая как на бал, сидит в больших креслах, неподвижно во все время действия. Графиня-внучка сидит у стола с книжкою стихотворений Милонова. Входит г-жа Хлестова.

I

Х л е с т о в а

(входя)

Уф! Дайте отдохнуть... Как высоко, мой  
свет,

<sup>1</sup> Примечание В. Курочкина см. на стр. 453.

Живете в Питере... Одышка... ноют  
ноги...

Хоть были б лестницы отлоги!  
Легко ли в девяносто лет  
Взбираться чуть ли не на крышу...

Графиня-бабушка  
Не слышу, матушка, не слышу.

Хлестова

Из силы выбилась... расстроена притом...  
Аранка утром нагрубила:  
Разбила блюдечко собачье с молоком —  
А в церковь уж звонят... Мерзавку-то  
прибила,  
Да в церковь, знаете, в горячке...  
agitée...<sup>1</sup>  
Ну так вот и теснит под ложечкой и  
в груди...  
Не простудиться бы... Ох, право, нынче  
люди —

Скот на скоте!

(Заметив графиню-внучку)

А, здравствуй, ангел мой.

Графиня-внучка

Bonjour, ma chère,<sup>2</sup> ну что вы?  
Здоровы?

<sup>1</sup> Вздошная. — *Ред.*

<sup>2</sup> Здравствуйте, моя дорогая. — *Ред.*

Хлестова  
(отдает ей ридикюль)

На, возьми. Бог милости прислал.  
Какое, матушка, здоровы!  
Последний час пришел, последний век  
настал!

Нет страха божьего... обрезаны доходы...  
Дороговизна — страсть... весь свет пошел  
вверх дном,

Всё новые пошли, вишь, моды!  
Недавно... Голова, мой друг, идет кругом...  
Графиня, матушка, послушайте-ка тоже...  
Недавно... Господи! Ни на что не похоже!  
Молчалин, видите, привез ко мне билет  
На чтение... Как его?... Ну вот, что  
нынче в моде...

Ли-те-ра-тур-ное...

Графиня-бабушка  
Вы ездили в балет?

Графиня-внучка  
Grand'mere,<sup>1</sup> совсем не то.

Хлестова

Совсем не то, мой свет.  
Нет, это зрелище совсем в особом роде,  
И говорить-то даже грех!  
Тут... я вам расскажу... выходят  
вольнодумцы,  
Читают — кто про что... один кричал:  
безумцы!

<sup>1</sup> Бабушка. — *Ред.*

Ей-богу! Обозвал безумцами нас всех.  
Другой... другого-то и слушать я не  
стала...  
Но хлопали — чуть-чуть не обвалилась  
зала...  
Другой расписывал какой-то мертвый дом,  
Про каторжников всё... ну просто стыд-  
стыдом!  
Я с Пашей Хворовой насилу усидела...

Графиня-бабушка  
В Палате скоро вы обдеваете дело?  
Ну... поздравляю вас.

Графиня-внучка  
Совсем не то, grand'mere.

Хлестова  
Мой свет, совсем не то. Представьте,  
например,  
Что вы бы, взяв билет, сидели в креслах  
сами  
И вдруг бы выскочил какой-то шематон...

Графиня-бабушка  
Там все были мюстон?

Хлестова  
Напротив, весь beau monde...<sup>1</sup> мужчины  
со звездами...

---

<sup>1</sup> Высший свет. — *Ред.*



Пьянчужку, ветреника, мота...  
Вдруг... Я не верила глазам!  
Забылся до того... ты рассуди, ведь дочку  
На эти зрелища смотреть приводит мать —  
*Цепочку в руки взял и начал с ней играть!!*

Графиня-внучка  
(с ужасом)

Играл цепочкою!!

Графиня-бабушка  
(с испугом)

Как?! он украл цепочку?!

Хлестова  
(торжественно)

*На стол облокотясь, цепочкою играл!*

## II

Входят шесть княжени, не снимая шляпок, не здороваясь, начинают говорить, перебивая одна другую, чрезвычайно оживленно, громко, несколько в нос и размахивая руками.

1-я княжна

Mon ange,<sup>1</sup> вы слышали?

2-я княжна

Ma chère, какой скандал!

---

<sup>1</sup> Мой ангел. — Ред.

Графиня-внучка  
Про Чернышевского?

3-я княжна

Да нет!

4-я княжна

Вы не слышали?

5-я княжна

Сейчас на лекции...

6-я княжна

На Невском...

2-я княжна

В Думе...

4-я княжна

В зале...

1-я княжна

Да подожди, Мими!

6-я княжна

Зизи, дай мне сказать.

Явилась женщина...

1-я княжна

Не женщина — *фигура!*

6-я княжна

С мужчиною никак нельзя бы распознать!

2-я княжна  
Ну просто польский ксендз...

3-я княжна  
Кухарка!

4-я княжна  
Повар!

5-я княжна  
Дура!

3-я княжна  
В какой-то кофточке...

2-я княжна  
С мужским воротничком...

4-я княжна  
Немытым...

1-я княжна  
Грязный весь...

5-я княжна  
Как есть чернее сажки!

1-я княжна  
С мужскою шапкою...

4-я княжна  
Закутана платком...

6-я княжна

В кружок обстрижена...

1-я княжна

Без кринолина даже!

2-я княжна

Да нет...

4-я княжна

А главное...

3-я княжна

А главное... Ха-ха!

5-я княжна

Хи-хи!

1-я княжна

Ученая!

3-я княжна

Профессорша!

2-я княжна

Студентка!

Все шесть княжен

С нелытой шеею!!!

(Общий ужас.)

5-я княжна

Ну точно наша Ленка!

(Общий хохот.)

1-я княжна

И всё с студентами!

Графиня-внучка

Ну долго ль до греха!

3-я княжна

Читают...

6-я княжна

Руки жмут...

5-я княжна

Передают записки...<sup>1</sup>

Хлестова

Ах! Дни последние, должно быть, очень  
близки!

1-я княжна

Mesdames, я думаю, нам следует подать...

---

<sup>1</sup> «... в антрактах и при выходе являются специалисты по части женского пола. Есть такие юноши, которые знакомы со всеми почти дилетанткам и студентшами, перепархивают от одной кучки к другой, меняются лекциями, жмут руки, надевают салоны и вообще ведут себя очень мило и галантерейно, хоть бы и не в аудитории, а в любом приятном обществе» («Библиотека для Чтения»).

4-я княжна

Я тоже думаю...

5-я княжна

В набат я приударю!

1-я княжна

В Сенат прошение...

6-я княжна

К министрам...

5-я княжна

К государю!

Графиня-внучка

А я так думаю: Молчалина позвать.

Ванишем... un article... un feuilleton...<sup>1</sup>

Теперь я

На Чернышевского и на студентку зла.

(Звонит.)

Бумаги нам! Чернил! Mesdames, скорей за  
церья!

Пишите: «Лекция такого-то числа...

Неуважение ко всем приличьям светским...»

(Звонит.)

Скорей Молчалина! Скорей за Загорецким!

Они помогут нам... Они...

Как?! С грязной шеей в наши дни!

---

<sup>1</sup> Статью, фельетон. — *Ред.*

Графиня-бабушка

(заснувшая было под шумок, от сильного звонка  
просыпается)

Зачем Молчалина? Заняться, нешто, вистом?

Хлестова

Молчалин, матушка, придет поправить слог.

Графиня-бабушка

Не слышу, матушка... В постель Молчалин  
слег?

Графиня-внучка

Нет, сделался фельетонистом.

(Входят Молчалин и Загорецкий, выхо-  
дят 70 № «Северной Пчелы» и февральская книжка  
«Библиотеки для Чтения»)

## МОЛИТВОЙ НАШЕЙ БОГ СМЯГЧИЛСЯ

(Архитектурная фантазия «Отечественных  
Записок» 1862 года)

Молитвой нашей бог смягчился:  
Роман Тургенев сочинил, —  
И шар земной остановился,  
Нарушив стройный ход светил.

Под гнетом силы исполинской  
Уже хрустит земная ось...  
И Чернышевский, как Кречинский,  
В испуге крикнул: «сорвалось!»

И нигилист за нигилистом,  
Как вихри снежные с горы,  
Казнимы хохотом и свистом,  
Летят стремглав в тартарары.

Агенты «Времени», все луны  
Направив парням вослед,  
Смешали черные их трупы  
С тенями «жителей планет».

И публицисты Ер и Ерик,  
Узрев бегущих со стыдом,

Кричат отважно: «Берег, берег!  
Созиждем здесь обширный дом!

Вы, *Синеус* и *Прогрессистов*,  
Из остроумных ваших строк  
На пепелище нигилистов  
Везите щебень и песок.

Чтоб заложить фундамент прочный,—  
Своих рецензий вкус и такт  
Пускай везет сюда *Заочный*  
Через большой почтовый тракт.

Размерит здания все части  
Борис *Чичерин*, — а кирпич  
Для нас заменит, полный страсти,  
*Гролеки* пламенного сич.

Дружней! Труд легок и приятен:  
Нам для работы дан топор,  
Которым сокрушил *Скарятин*  
Всей юной *Франции* задор».

Чего робеть? Дружней, ребята!  
Работай с богом, в добрый час,  
По плану, данному когда-то  
В стихах *Воейкова* для вас.

Воздвигнуть здание суждено вам  
Неизглаголаных чудес:  
Глухие в зданьи этом новом  
Расслышат явственно: «прогресс!»

У лысых дыбом станет волос,  
Слепой увидит вальс калек,  
Издаст Андрей Краевский «Голос»,  
И золотой наступит век.

1862

ПЕРЛЫ, ТЩАТЕЛЬНО<sup>1</sup> ВЫБРАННЫЕ  
ИЗ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА  
Г. БЕРГА «ПАНА ТАДЕУША» МИЦ-  
КЕВИЧА И НАПИЗАННЫЕ СТИХО-  
ТВОРНО ЖЕ НИКЧЕМНЫМ ПИИТОЙ  
БРЕХАЛЬСКИМ

О, Берга перевод! Читаешь: просто любо!  
Словечком каждым ты *хватаеть аж до чуба!*  
*Сполаторь* всё тебе: законы языка,  
И подлинника смысл, и музыка стиха.  
И исполать тебе: в российских виршах ты  
«Тадеуша» сумел явить нам красоты  
И оными воспеть *курченка, бигос, зразы,*  
*Шпараги, холодец, панов, ксендзов проказы,*  
Покрой затейливый *чамарок, тарататок,*

---

<sup>1</sup> Все слова, напечатанные курсивом, взяты из перевода г. Берга, помещенного в «Отечественных Записках» за 1862 г., гармония же стиха, обороты речи и обрезания слов — только слабая и бледная копия этого классического творения. Стихи между кавычками целиком принадлежат г. Бергу. Вот что говорит г. Краевский в объявлении об издании «Отечественных Записок» в 1863 году: «... мы могли бы похвалиться таким произведением, как перевод поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш» Н. В. Берга — перевод, который мы считаем *капитальным* (!) приобретением нашей литературы, говорим это *«смело»*. Действительно смело!

И польский наложить на стих свой  
отпечаток.

Эмалю яркою покрыл ты небеса:  
Позади у брегов там клиштор и леса,  
«Здесь яркий папушой вытягивает стан»  
«И ходит в воздухе златой его салтан»,  
А вот убит медведь и задан ему жар,  
Украдывался где пехура за анбар,  
И драматично где допрежь, средь грязи  
жидкой.

«Дрожжолы лопухи, задеты ножской привыкой».  
Окроме этого, паненки русокосы,  
Невиданно отколь споркнули Казты, Зоси,  
С плебании поны собрались и ксенжисны  
И вишисци дьябли и гурьбой подколорины.  
Смотрите, как мо панку мой паниско  
Приблизился до них и что-то очень близко:  
Как, сбегав по ксендза, на пире пьяны гости  
Здоровье лихо пьют его крулевской мости;  
«Как повскакали с мест, не в силах усидеть»  
И ну давай тузить друг друга и переть  
«Столами, стульями, старинными скамьями»,  
«Что втиснулись туда обильными семьями»,  
И под застрехою баталия велика  
(«Досталось, говорит пословица, на лыка»).

Но вот, как лис, один, за ним другой за  
кружку

(«Великие вожди не сходны друг на дружку»),  
А тут басетли звук, трюмпы, да к тому  
И глазки, «торопко глядящие во тьму»,  
Бросают ярый бой и, узирал Стешку,  
Чтобы поймать ее, мопанки ищут стешку,  
Но поэты, и поэты восчувствовав к погоне,

Вскарабкаться вдруг все стараются на кони,  
«А старых бунчуков на дрески бородасты»  
«Бухаркам отдают исааживать ухваты».  
Но дыц, перо: в ушах уж скверно стало;  
«Вот я тебе брехать, заткну твоё брехало!»

1852

ЛОРД И МАРКИЗ  
ИЛИ  
ЖЕРТВА КАЗЕННЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ<sup>1</sup>

(Трагическая сцена — подражание французским  
комедиям: «Tartuffe» и «Les Effrontés»)

Лица:

Лорд Катков.

Маркиз Павлов.

Театр представляет роскошный кабинет лорда  
Каткова, убранный à la réaction.<sup>2</sup>

Лорд Катков

How do you do, marquis?<sup>3</sup>

Маркиз Павлов

Mylord, je vous salue.<sup>4</sup>

---

<sup>1</sup> Материалом для предлагаемой трагической  
сцены автору послужила полемика по поводу казен-  
ных объявлений между М. Н. Катковым и Н. Ф.  
Павловым (см. «Наше Время», № 231, и «Современ-  
ную Летопись», № 44). Автор от себя ничего не при-  
бавил; скорее его можно упрекнуть в излишней де-  
ликатности выражений. В изложении сцены автор  
нарочно избрал александрийские стихи, как самые  
тяжелые и, следовательно, ближе всего подходящие  
к предмету сцены.

<sup>2</sup> В стиле реакции. — *Ред.*

<sup>3</sup> Как вы поживаете, маркиз? — *Ред.*

<sup>4</sup> Приветствую вас, милорд. — *Ред.*

**Лорд Катков**  
Садитесь. (В сторону) Ну стой!

**Маркиз Павлов**  
Мегсі. (В сторону) Уж насолю!  
(Вслух)

Я рад, милорд, что вам досталась газета.

**Лорд Катков**  
(встает и кланяется)

Маркиз, позвольте вас благодарить за это.

**Маркиз Павлов**  
Милорд, не я один, весь свет вас оценил.

**Лорд Катков**  
Маркиз, мы трудимся по мере наших сил.

**Маркиз Павлов**  
Милорд, вы трудитесь, поистине, как нужно.

**Лорд Катков**  
Маркиз, мы действовать привыкли с вами  
дружно.

**Маркиз Павлов**  
Нам врознь нельзя идти.

**Лорд Катков**  
Нам легче труд вдвоем.

Оба вместе

(не без оттенка иронии)

Теперь горячую работу мы начнем.

Маркиз Павлов

Милорд, я лести враг, — но ваше объявление  
Прочел я — и душа поверглась в умиление!  
Какая точность в нем, какой изящный слог!

Лорд Катков

Благодарю, маркиз, я написал, как мог.

Маркиз Павлов

Скромны как девушка; но я скажу вам гордо:  
В Москве и за морем известен слог милорда.

Лорд Катков

И я отвечу вам, хоть скромность ваш девиз,  
Что вы — единственный во всей Москве  
маркиз.

Маркиз Павлов

Когда уж так, милорд... (В сторону) Начать  
сразмаху, что ли?  
(Едко)

Милорд, вы были враг когда-то монополий?

Лорд Катков

Враг монополий — да. (Строго) Но я не утаю,  
Что я, как собственник, за собственность  
стою,

(еще строже)

И полагаю я, что вы б не захотели...

Маркиз Павлов  
(растерявшись)

Я?! Нет!.. У нас, милорд, одни и те же  
цели.

Лорд Катков  
Благодарю, маркиз Я вижу, в наши дни  
На поле гласности остались не одни  
Ломаки...

Маркиз Павлов  
Свистуны...

Лорд Катков  
Горлашы...

Маркиз Павлов  
Нигилисты...

Оба вместе  
Но есть подобные  $\frac{\text{милорду}}{\text{маркизу}}$  журналисты.  
(Жмут руки друг другу. Продолжительное молчание.)

---

Маркиз Павлов  
Милорд... (В сторону) Ей-богу, я... не знаю,  
как начать...

Лорд Катков  
Маркиз, я слушаю. (В сторону) Попробуй-ка  
опять.

Маркиз Павлов  
(в очевидном замешательстве)

Милорд, наш век... есть век... реформ...

Лорд Катков  
Маркиз, вы правы:  
Эманципация смягчила наши нравы.

Маркиз Павлов  
Нет больше откупов... по... привилегий  
Еще мы видим, сэр, в столбцах *иных газет* след

Лорд Катков  
(иронически)  
Маркиз хотел сказать, что след их не  
В статьях, что пишет он и господин *Чичерин?* затерял

Маркиз Павлов  
(гордо)  
Милорд! Умерьте ваш несвойственный вам  
Я не Марат и вы, надеюсь, не Прудон. *тон!*

Лорд Катков  
(скрывая смущение)  
Маркиз! Вы шутите, надеюсь... но...  
Вы не свистун, маркиз! *однако...*

Маркиз Павлов

Милорд, вы не кривляка!

Оба вместе

О нет, <sup>милорд</sup><sub>маркиз</sub>, о нет! Я против свистунов

С <sup>милордом</sup><sub>маркизом</sub> под руку всегда идти готов.

(Рукопожатия и молчание.)

Маркиз Павлов

Милорд! Мы, помнится, сходились с вами  
в мнениях

Об... об... я...

Лорд Катков

Да, маркиз, об *частных* объявленьях?  
Мы бурю подняли, статей писали тьмы  
И выиграли...

Маркиз Павлов

Да-с... и выиграли мы.

Но... в обстоятельствах, как я, весьма  
стесненных,  
Я поднял бы, милорд, вопрос и об *казенных*.

Лорд Катков

(разражаясь хохотом)

Ха, ха, ха, ха, маркиз!

Маркиз Павлов

(подсмеиваясь)

Хи, хи, хи, хи, милорд!

**Лорд Катков**

(в сторону)

Еще смеется, бес!

**Маркиз Павлов**

(в сторону)

Еще хохочет, чорт!

(Вслух)

Мне в петлю лезть, милорд, а вам, милорд  
забава!

(С язвительным упреком)

Зачем же вам одним досталось это право?

**Лорд Катков**

(продолжая хохотать)

На объявленья?

**Маркиз Павлов**

(робко)

Н... да...

**Лорд Катков**

(хохочет)

Ка-зен-ные?

**Маркиз Павлов**

Ну да-с...

При нашей бедности недурно б и для нас.

Лорд Катков

(покатываясь со смеху)

Да право-то, маркиз, — про бедность слова  
нету, —

Принадлежит не мне, а университету.

Маркиз Павлов

(значительно)

В законе нет, милорд.

Лорд Катков

(еще значительнее)

Маркиз, в законе есть;

Я вам советую законы перечитать.

Маркиз Павлов

Поверьте мне, милорд, когда б в законе  
было,

Я начал бы...

(Выпрямляя стан и закидывая голову)

Милорд! во мне осталась сила!

Я стал бы сетовать, роптать, негодовать,<sup>1</sup>

Писать протест!..

Лорд Катков

(очень строго)

Маркиз, советую молчать!

Мальчишки в наши дни молчат перед  
законом,<sup>2</sup>

А вы... опять-таки, вы смотрите Прудоном!

---

<sup>1</sup> Подлинное.

<sup>2</sup> Подлинное.

Маркиз Павлов

(оробев)

Не досказал, милорд... позвольте...

Ропот мой

Я б задушил в себе пословицей святой,

Сказал бы набожно: *солома ломит силу*.<sup>1</sup>

В Москве прилично лишь роптать

славянофилу.

Я западный маркиз.

Лорд Катков

Я западнейший лорд.

Оба вместе

Я рад,  $\frac{\text{маркиз}}{\text{милорд}}$ , что мы поем в один аккорд.

(Усиленные рукопожатия и продолжительное  
молчание.)

Маркиз Павлов

Милорд, скажите мне. . скажите мне: во  
храме

Прилично ли жрецам дрожать над

барышами?

Ученый может ли стоять за лишний грош?

Лорд Катков

Я нахожу, маркиз, что лишний грош хорош.

Маркиз Павлов

Так, сэр. Но видите: цель университета

Не деньги наживать, а лить потоки света.

---

<sup>1</sup> Подлинное.

Не может же идти его святая цель  
С сбиранием грошей, pour ainsi dire, pêle-  
mêle.<sup>1</sup>

Возможно ли, милорд, чтоб ваш высокий  
гений

Спустился до грошей казенных объявлений?  
Ужели вы — пророк, оратор и мудрец —  
На стойку променять готовы свой венец?  
Скрижаль истории нам подает примеры...

(Со вздохом)

Ах, сэр! Лишь в бедности рождаются  
Гомеры!

Лорд Катков

Маркиз...

Маркиз Павлов

(воодушевляясь)

Кореньями питался Цицерон!

Лорд Катков

Маркиз...

Маркиз Павлов

В темнице был свободен Кальдерон!

Лорд Катков

Маркиз...

Маркиз Павлов

В нужде окреп талант Лопе де Веги!

---

<sup>1</sup> Так сказать, попеременно. — *Ред.*

Лорд Катков

Маркиз. . .

Маркиз Павлов

Клод Сен-Симон не ведал привилегий!

Лорд Катков

Маркиз. . .

Маркиз Павлов

А Диоген доволен бочкой был!

Так пусть все граждане, как стройный  
хор светил,  
Все равноправные, свершают путь  
согласный. . .

Лорд Катков

(с ужасом)

Маркиз, опомнитесь! Вы — коммунист!

Вы — *красный*!

Маркиз Павлов

Я — *красный*?

Лорд Катков

Вы, маркиз! Вы — к вашему стыду!

Маркиз Павлов

(оробев окончательно)

Я — *красный*?!. Я не то, милорд, имел  
в виду. . .

Лорд Катков

(грозно)

И где набрались вы таких превратных  
мнений?..

Маркиз Павлов

(скромно)

Я только, сэр... насчет казенных  
объявлений...

(Встает.)

Я друг порядка... но... я человек... я  
слаб...

Лорд Катков

Маркиз, я верю вам. Садитесь.

(Маркиз Павлов садится.)

Но когда

Для личной выгоды вы стали коммунистом,—  
Я не свистун, но вас — я оглушил бы  
свистом!

Но... вы раскаялись, маркиз, я очень рад.  
(Протягивает ему руку.)

Оба вместе

Идем,  $\frac{\text{маркиз}}{\text{милорд}}$ , идем на Запад и назад!

(Новые рукопожатия и молчание.)

---

Маркиз Павлов

Ноябрь уж на дворе, милорд, и дело близко  
К подписке...

Лорд Катков  
Да, маркиз.

Маркиз Павлов

Я, собственно, подпиской  
Не озабочен, сэр... «Times», «Siècle»,  
«Débats» и «Presse»  
Не от подписчиков имеют интерес...<sup>1</sup>  
Подписчик! фи, милорд!.. как тривиально  
это!

Без них обходится хорошая газета.  
И лучший журналист, по-моему, есть тот,  
Кто не для чтения газету издает,  
А больше для других, возвышенных  
стремлений...

Лорд Катков

Маркиз, но в «Таймсе» нет *казенных*  
*объявлений*.

Маркиз Павлов

Не все же, сэр, итти за Англиею вслед.

Лорд Катков

Маркиз, пример ее полезен для газет.

Маркиз Павлов

Но в данном случае, милорд, скажу вам  
смело:

До английских газет Россия не созрела.

(Молчание.)

---

<sup>1</sup> Подлинное.

Л о р д К а т к о в

(зевая)

Маркиз, но как внушить присутственным  
местам,  
Чтоб с объявлениями все обращались к вам?

М а р к и з П а в л о в

Милорд, известен я как журналист  
невздорный. . .

Л о р д К а т к о в

Маркиз, не ведает об этом суд надворный.

М а р к и з П а в л о в

Милорд, отечеству я посвятил труды. . .

Л о р д К а т к о в

Маркиз, не знают их уездные суды.

М а р к и з П а в л о в

Милорд, статьи мои язвительны и сжаты. . .

Л о р д К а т к о в

Маркиз, их не прочли гражданские палаты.

М а р к и з П а в л о в

Милорд, я думаю, моей газеты взгляд. . .

Л о р д К а т к о в

Маркиз, не думает об нем комиссарьят.

Маркиз Павлов

Милорд, но наконец газеты направление...

Лорд Катков

Маркиз, об нем молчит губернское правление.

Маркиз Павлов

(нетерпеливо)

Но я печатаю казенные...<sup>1</sup>

Лорд Катков

(торжественно)

Закон

Вам запрещает их печатать.

(Берет со стола Свод законов, т. I.)

Вот вам он!

(Читает)

«Частные лица могут, если желают, обращаться с объявлениями своими и к издателям газет или журналистам (громко и внушительно), но объявления от правительства в частных изданиях не допускаются». (Свод законов, т. I, ч. I, кн. III, прилож. к ст. 472, § 21. «Современная Летопись», № 44.)

Маркиз Павлов

(падая в обморок)

Милорд! Что слышу я? Дрожат во мне все нервы...

---

<sup>1</sup> Подлинное.

**Лорд Катков**

(спокойно подлет ему Свод законов)

**Маркиз, вот вам статья: параграф двадцать  
первый.**

**Маркиз Павлов**

(в бреду)

**Как? Без подписчиков и без казенных мест?!**

(Хныкая)

**Милорд! Подумайте, как мне тяжел мой  
крест!**

(Рыдает.)

**Лорд Катков**

(снисходительно)

**Утешьтесь, о маркиз! При нынешнем  
прогессе  
Для стонов места нет в отечественной  
прессе.**

**Маркиз, вы — опытный, солидный  
журналист**

**(Хоть в отношении к подписке нигилист). —  
В России, где цветут кунсткамеры, музеи,  
Наук, искусств, ремесл различные затеи,  
Где ценится талант и признается труд, —  
И ваши доблести, маркиз, не пропадут!**

**(Жмет руку маркизу Павлову; маркиз улыбается,  
засыпая. Картина.)**

Ты помнишь ли, читатель благосклонный,  
Те дни, когда мы пели в унисон,  
Когда Зарин и Охочекомонный  
Еще тебя не погружали в сон,  
Когда тебя не оскорблял Безрылов,  
И «Парусом», разорванным судьбой,  
Ты связан был с судьбой славянофилов,  
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли период русской прессы,  
Когда Катков на мнимой высоте  
Из кололац<sup>1</sup> российские прогрессы  
Выдезвывал в сердечной простоте,  
Какие он отмачивал коленцы,  
Как он ходил на Зотова войной,  
И как к нему стекались ополченцы,  
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли, какой был строгий тон дан  
С Олимпа, где верховодил Катков,  
Как им в Москве основан был Нью-Лондон

---

<sup>1</sup> К о л о л а ц ы — известное выражение московского пророка Ивана Яковлевича Корейши, усвоенное после его смерти М. Н. Катковым, выражение, вероятно, заключающее в себе глубокий смысл, к сожалению, непонятный поморным сочинителям.

Недалеко от Пресненских прудов,  
Как он сразил профессора Крылова,  
Как он был горд своим Байбородой,  
Все подвиги, все шалости Каткова  
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли, как он — попеременно,  
То строг как Зевс, то нежен как Амур, —  
Нас забавлял своею несравненной  
Полемикой с Евгениею Тур;  
Как Николай Филиппыч был с ним дружен,  
Как Соллогуб был жертвой дружбы той,  
И как Дюма был Павловым сконфужен,  
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли, как некогда в Пассаже  
Сказали нам, что не созрели мы,  
Ты помнишь ли, как все восстали, даже  
Действительно-незрелые умы.  
И как потом, в варяго-русском деле,  
Муж, вспоенный московскою водой,  
Погодин сам сказал, что мы созрели...  
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли... Ах! помнить это надо!  
Тогда еще Скарятин не решил,  
Что общество российское есть стадо.  
Прошли года. Корейша путь свершил;  
Московского юродивого братцы  
Пошли за ним дорогою прямой.  
Нью-Лондон пал — и только кололацы  
Остались нам, читатель добрый мой.

## ТИК-ТАК! ТИК-ТАК!

Тик-так! Тик-так! Спокойно, ровно  
Свершает маятник свой круг.  
Тоска томит меня, и словно  
Меня пугает этот стук.  
Как будто с явною насмешкой,  
Связав мне ноги, лютый враг  
Мне говорит: «Иди! Не мешкай!»  
Тик-так! Тик-так!

Увы! попрежнему исправно  
Кружась, как белки в колесе,  
Вдруг слышать явственно недавно  
Тик-так, тик-так! мы стали все.  
Мы маршируем, пляшем, пишем,  
Дни коротаем кое-как,  
А ночью все с тоскою слышим:  
Тик-так! Тик-так!

Звук с детства каждому знакомый —  
Тик-так, тик-так — известный звук.  
Не знаем сами, отчего мы  
Его пугаться стали вдруг.  
То страх возьмет, то вспыхнет злоба...  
Ты будто слышишь в нем, земляк,

Стук молотка о крышку гроба —  
Тик-так! Тик-так!

Чертог твой вижу изукрашен,  
Делами предков гордый муж!  
Ты вчуже для меня был страшен,  
Владея тысячами душ.  
Ты гредишь в сумраке со страхом,  
Что всех людей твоих, собак  
Уносит время с каждым взмахом —  
Тик-так! Тик-так!

Чертог твой вижу либеральный,  
Нинон Лянкло из русских дам,  
И разговор патриархальный  
Об *мужичках* я слышу там.  
Но вам неловко... Вслед за спором  
Вдруг смолкнет весь ареопаг,  
И простучит для всех укором:  
Тик-так! Тик-так!

Я вижу, канцелярский гений,  
Твой кабинет, и труд ночной,  
И ряд твоих соображений,  
Где распустить, где крикнуть:  
«стой!»

Но тщетны мудрые уловки!  
Ты стал бледней своих бумаг,  
Услышав стук, без остановки:  
Тик-так! Тик-так!

Смотри: усердный твой поклонник —  
Медоточивый публицист,

Трудясь над составленьем хроник,  
Не кончив, вдруг бросает лист.  
Он вдруг почувал, в страшной муке,  
Всех этих гимнов ложь и мрак  
В победоносно-ровном стуке:  
Тик-так! Тик-так!

Тик-так, тик-так — в спокойной сизе  
Волнует сердце, гонит сон...  
Что ж это? Скука просто — или  
«Глагол времен, металла звон»?  
Мы слышим в ровном этом ходе  
За звуком — звук, за шагом — шаг!  
Движенья вечное в природе:  
Тик-так! Тик-так!

Мы слышим в звуках всем понятных  
Закон явлений мировых:  
В природе нет шагов понятных,  
Нет остановок никаких!  
Мужайся, молодое племя!  
В сияньи дня исчезнет мрак.  
Тебе подсказывает время:  
Тик-так! Тик-так!

[1863]

## РАПСОДИИ О НИГИЛИЗМЕ

### Вступл е н и е

Героические времена нигилизма прошли. Вдохновенно призывавший на битву Петр Пустынник-Тургенев, санкционировавший первый поход против нигилистов папа Урбан-Катков, горячий Бульон московский Юркевич с братом своим Балдуином-Лонгиновым, мудрый Роберт-Краевский с племянником своим неустрашимым Таикредом-Громекою принадлежат уже истории. На священных скрижалях оной бесстрастный Газахов изобразит приводящие во ужас сердце кровопролитные войны, для поучения воспитанников средних учебных заведений, в новом издании своей хрестоматии. Суд истории мудр и нетороплив. Неизгладимые борозды на ее каменистой почве проводятся событиями медленно. Время, в которое войны постепеновцев с нигилистами отразятся в ее ровном зеркале во всей величавой правдивости, еще не определено провидением. Прагматической истории обыкновенно предшествует художественный эпос. Бледнее

и отступая в смущении перед величи-  
стью задачи, я тем не менее берусь  
быть певцом этой войны, ибо вдохновен-  
ные барды наши не берутся: Аполлон  
Майков в Неаполе, князь Петр Виземский  
в Киссингене, Афанасий Фет, повесив на  
стенку свою лиру, взялся за плуг селянина,  
граф Толстой принял из рук Клио свиток  
с мрачными письменами времен Иоанна  
Грозного, Страхов для увеселения «Време-  
ни» играет как мячиком глобусом Урании,  
Всеволод Крестовский шалит с снисходи-  
тельной Эрато, а Щербина вымалывает  
у Полигимнии новых мифов для своего  
народного читальника. Каллиопа тщетно  
зовет русских бардов; кроме меня никто  
не откликается на ее зов.

Я делаю что могу: песни мои суть не  
что иное, как раисодии эпохи нигилизма.  
Потомству предстоит составить из них  
величественно-поучительный эпос.

24 марта 1863.

*Пр. Знаменский.*

## Песнь первая

Происхождение или, лучше сказать,  
возникновение нигилизма доселе покрыто  
еще мраком неизвестности. Первое веяние  
духа нигилизма замечается в Орловской  
губернии, славной в географии российской  
империи как место рождения И. С. Турге-

нева, который даже временно проживает в одной губернии, когда на несколько дней покидает Париж, сию вторую родину образованных россиян. Дух нигилизма зоркие Собакевичи и Ноздревы орловские воплощают в Базарове, лекаре, кончившем курс в императорской медико-хирургической академии. Вместе ли с Базаровым родился дух нигилизма и когда родился Базаров — еще не исследовано г-ми Геннадии и Бартезевым; полагают, что в начале тридцатых годов, когда еще издавался «Благонмеренный» Измайлова. Собакевичи и Ноздревы предполагают присутствие нигилизма в Базарове потому, что он режет лягушек и у него есть микроскоп. Жак Араго точно так же неприязненно встречен был дикими, потому что обходился посредством носового платка и имел при себе компас. Жака Араго дикие хотели съесть; Базарова Куролесовы хотят отодрать на конюшне. Общее суждение по этому поводу. Базаров, — говорят Собакевичи, — начинается с лягушек, а кончит нами. Он рассматривает в микроскоп всякие гадости во внутренностях лягушек, — говорят Ноздревы, — а потом будет высматривать внутренние гадости наши. Надо отодрать его! — говорят Ноздревы и Собакевичи. Надо отодрать его! — восклицает за ними весь хор. Благовоспитанный Кирсанов в краткой, но сильной речи доказывает, что система подобных наказа-

ний несвоевременна, и советует лучше идти жаловаться соседу своему И. С. Тургеневу. После долгих прений все соглашаются. Из области обыкновенных деревенских сплетен и выдумок зараза нигилизма переходит в область так называемого литературно-художественного вымысла. Слово *нигилизм* все еще не произнесено. Воспоминание об улице Рогатице древнего Новгорода.

Неожиданно, негаданно,  
Как зловещий запах ладана,  
Предвещающий покойника,  
Словно бес, из рукомойника  
Появившийся пустыннокам, —  
Перестав бродить по клиникам  
И начальству сдав экзамены,  
Юный плотью, духом каменный,  
Родом подлый, нрава ярого,  
Внук кутейника Базарова  
Вдруг в губернию Орловскую  
Всю сразу внес бесовскую.

Внес с собою он цинический  
Некий запах хирургический,  
Весь пропитанный алкоголем  
(Вроде запаха, что Гоголем  
Укреплен был за Петрушкою);



Все с испуганными лицами,  
На совет слетались птицами. —

И неслось их слово дикое:  
«Горе, горе нам великое!  
Ходит тучею огромною  
Гром над кущей нашей скромною,  
Деревенскими пенатами,  
Самоварами, халатами,  
Буколическими нравами  
И господскими забавами.  
Погибает все отечество!  
Где же наше молодечество?  
Мы ль потерпим посрамление!»  
И решили во мгновение —  
Все, от малого до старого —  
На конюшне драть Базарова.

Словно вишенка на веточке,  
Как картинка на конфеточке,  
Посреди толпы неистовой  
Вдруг, в рубашечке батистовой,  
В сюртучке сукна атласного,  
Цвета трюфельно-колбасного,  
И в шотландской легкой шапочке,  
На груди скрестивши лапочки,  
Встал Кирсанов — от Кирсанова  
Всею лавкою Рузанова,  
Всех mille fleurs<sup>1</sup> благоуханием  
Пронеслося над собранием —

---

<sup>1</sup> Тысячи цветов. — *Ред.*

И собрание это шумное  
Слово слышало разумное:  
«Укротитесь, други-братия!  
Должно взять мероприятия  
Не веками освященные,  
А гуманно-современные:  
Я приятель с сочинителем —  
Он да будет нам хранителем».

Поднялись тут рассуждения:  
— Что такое сочинения?  
— И какие там писатели?  
— И просить их будет кстати ли?  
— Петухам-де унизительно...  
Но Кирсанов так внушительно  
Объяснил движение новое,  
Что все общество суровое  
С ним к Тургеневу за славою  
Устремилось всей оравой.

Так на улице Рогатице,  
В неописанной сумятице,  
Чадь Новгорода Великого,  
Преисполняясь гнева дикого  
На Василия Буслаева,  
Чтобы в руки мать взяла его,  
Подвигалась легионами  
Ко вдове честной с поклонами.

Нет, положительно, роман  
«Что делать?» нехорош!  
Не знает автор ни цыган,  
Ни дев, танцующих канкан,  
Алис и Рягольбош.  
Нет, положительно, роман  
«Что делать?» нехорош!

Великосветскости в нем нет  
Малейшего следа.  
Герой не щеголем одет  
И под жилеткою корсет  
Не носит никогда.  
Великосветскости в нем нет  
Малейшего следа.

Жена героя — что за стыд!  
Живет своим трудом;  
Не наряжается в кредит  
И с белошвейкой говорит —  
Как с равным ей лицом.  
Жена героя — что за стыд!  
Живет своим трудом.

Нет, я не дам жене своей  
Читать роман такой!

Не надо новых нам людей  
И идеальных этических швей  
В их новой мастерской!  
Нет, я не дам жене своей  
Читать роман такой!

Нет, положительно, роман  
«Что делать?» нехорош!  
В пирушках романист — профан,  
И чудеса белил, румян  
Не ставит он ни в грош.  
Нет, положительно, роман  
«Что делать?» нехорош!

# ПРИРОДА, ВИНО И ЛЮБОВЬ

*(Из былых времен)*

Трагедия в трех действиях, без соблюдения трех единств, так как происходит в разное время, в разных комнатах и под влиянием различных страстей и побуждений.

**Л и ц а:**

П о э т.  
Р е д а к т о р.  
Ц е н з о р.

## ДЕЙСТВИЕ I. ПРИРОДА

Комната Поэта.

**П о э т**

*(пишет и читает)*

Пришла весна Увы! Любовь  
Не манит в тихие дубравы.  
Нет! негодующая кровь  
Зовет меня на бой кровавый!

Кабинет Редактора.

**Р е д а к т о р**

*(поправляет написанное поэтом и читает)*

Пришла весна. Опять любовь  
Раскрыла тысячу объятий.

И я бы, кажется, готов  
Расцеловать всех меньших братий.

Кабинет Цензора.

Цензор

(поправляет написанное поэтом и поправленное  
редактором и читает)

Пришла весна. Но не любовь  
Меня влечет под сень дубравы,  
Не плоть, а дух! Я вижу вновь  
Творца во всем величьи славы.

(Подписывает «Одобрено цензурою».)

---

*ДЕЙСТВИЕ II. ВИНО*

Поэт

Люблю вино. В нем не топлю,  
Подобно слабеньким натурам,  
Скорбь гражданина — а коплю  
Вражду к проклятым самодурам!

Редактор

(поправляет)

Люблю вино. Я в нем топлю  
Свои гражданские стремленья,  
И видит бог, как я терплю  
И как тяжел мой крест терпенья!

Цензор

(поправляет)

Люблю вино. Но как люблю?  
Как сладкий мед, как скромный танец.

Пью рюмку в день — и не терплю  
Косматых нигилистов-пьяниц.

(Подписывает.)

### ДЕЙСТВИЕ III. ЛЮБОВЬ

#### Поэт

Люблю тебя. Любовь одна  
Дает мне бодрость, дух и силу,  
Чтоб, чашу зла испив до дна,  
Непобежденным лечь в могилу.

#### Редактор

(поправляет)

Люблю тебя. Любовь к тебе  
Ведет так сладко до могилы  
В неравной роковой борьбе  
Мои погубленные силы.

#### Цензор

(поправляет)

Люблю тебя. И не скорбя,  
Подобно господам писакам,  
Обязан век любить тебя,  
Соединясь законным браком.

(Подписывает.)

Занавес падает. В печати появляется стихотворение: Природа, вино и любовь, под которым красуется имя Поэта. В журналах выходят рецензии, в которых говорится о вдохновении, непосредственном творчестве, смелости мысли, оригинальности оборотов речи и выражений, художественной целостности и гражданских стремлениях автора.

## ПРИМЕРНЫЙ ФАТ

Пуускай сатирики кричат,  
Что ты презренный фат,  
Но ты мне мил.  
Ты во всю жизнь ни разу, брат,  
Не изменил  
Своих воззрений и манер.  
Buvons, mon cher!<sup>1</sup>

Кругом тебя кричат, орут  
Про гласность, вольный труд —  
Плечами лишь  
Ты пожимаешь, тверд как Брут,  
И говоришь  
О пользе всех химер и мер:  
«C'est drôle, mon cher».<sup>2</sup>

Когда в собрании Ноздрев,  
Подняв бокал, подымет рев  
За мужика, —  
Ты взглянешь в стеклышко без слов  
На дурака  
И выпьешь молча редерер.  
Умно, mon cher.

---

<sup>1</sup> Выпьем, мой милый! — *Ред.*

<sup>2</sup> Это смешно, мой милый! — *Ред.*

Не признаешь ты женских прав,  
Но Гретхен милую обняв,  
Портного дочь,  
Рад где попало, подгуляв,  
Плясать всю ночь,  
Хоть в шустер-клубе, например.  
Aïmons, mon cher! <sup>1</sup>

Благоую часть ты выбрал, брат —  
Театр французский, маскарад,  
Обед, балет —  
И чорт ли в том, что говорят  
В столбцах газет  
Катков, Камбек, Лягерроньер...  
Все вздор, mon cher.

Ты также мил в кругу повес,  
Хоть потерял кредит и вес,  
Хоть испытал,  
Что значит время и прогресс,  
Но капитал  
Еще остался для гетер.  
Vivons, mon cher! <sup>2</sup>

Как в оны дни, хоть век не тот,  
Без размышлений, без забот,  
По старине,  
Пока кондрашка не сшибет  
С бровей пянсне,  
На рысаках во весь карьер  
Валяй, mon cher!

---

<sup>1</sup> Будем любить, мой милый! — *Ред.*

<sup>2</sup> Живем, мой милый! — *Ред.*

Валяй, mon cher! Ты мил для нас;  
Живешь без сердца, напоказ,  
Без головы,  
Но ты стыдишься пошлых фраз.  
В наш век — увы!  
И это доблестный пример.  
Vivons, mon cher!

[1886]

## ЗАВЕЩАНИЕ

Мой сын, я в вечность отхожу  
Из мрака суеты;  
Сказал бы: в рай, да не скажу,  
И не поверишь ты.  
Мой сын, я в вечность отхожу  
Из мрака суеты.

Мой сын, вверяясь небесам,  
Надейся, уповай;  
Но на бога надеясь, сам,  
Мой милый, не плошай.  
Мой сын, вверяясь небесам,  
Надейся, уповай.

Мой сын, учись — ученье свет,  
А неученье тьма;  
А жизнь на все уж даст ответ  
По-своему, сама...  
Мой сын, учись — ученье свет,  
А неученье тьма.

Мой сын, любовь — союз сердец,  
К блаженству первый шаг;  
Второй шаг будет под венец,  
А третий под баншак.

Мой сын, любовь — союз сердец,  
К блаженству первый шаг.

Мой сын, твоя опора — труд,  
Твое все счастье в нем;  
Хотя с трудом в больницах мрут  
Живущие трудом.  
Мой сын, твоя опора — труд,  
Твое все счастье в нем.

Мой сын, спокойствие души —  
Отрада беднякам;  
Зато уж в нем все барыши  
И все утехы нам.  
Мой сын, спокойствие души —  
Отрада беднякам.

Мой сын, будь честен и горяч  
В борьбе для счастья всех,  
Да только после уж не плачь,  
Услышав общий смех.  
Мой сын, будь честен и горяч  
В борьбе для счастья всех.

Мой сын, я в вечность отхожу  
Из мрака суеты;  
Сказал бы: в рай, да не скажу,  
И не согласишься ты.  
Мой сын, я в вечность отхожу  
Из мрака суеты.

## ЗАТИШЬИ

Как будто бы после блестящего  
Затемни барскими праздника  
В селе самодура-проказника,  
В губернии целой гремашего;

Как после эффекта финального  
В французской плохой мелодраме,  
Пора отрезвления печального  
Пришла и смеется над нами.

Сады, и долины с озерами,  
И горы — в чуланы заброшены,  
Костюмы плохие изношены  
И спрятаны в шкаф бутафорами.

По форме сменив бакенбардами  
Мужицкие бороды, все мы  
Надели фуражки с кокардами  
На лбы, надевавшие шлемы.

Попрежнему зажили паннами  
И, дома валяясь в халатике,  
Пейзаж называем мужланами  
По правилам русской грамматики.

Свободнее всем как-то дышится,  
И в сходках вечерних у нас  
Опять беззаботное слышится:  
«Куплю!» «Бескорытная!» «Пас!»

1866

## ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ ОДНОГО ИЗ МНОГИХ

Минувший год я весь провел прекрасно.  
Как он прошел — я не заметил сам,  
Но вообще прошел он не напрасно:  
Есть вспомнить что и детям и отцам!  
Я в Новый год обедал у вельможи.  
К шести часам собрался высший свет.  
Скучали все — и я был скучен тоже —  
Но вообще прекрасный был обед.

Ученых и общественных вопросов  
Тьму тьмущую поставил этот год.  
Прошло сто лет, как умер Ломоносов.  
Как далеко мы двинулись вперед!  
Обедал я в роскошной, светлой зале.  
Названий блюд мне не забыть сто лет...  
Не помню уж зачем и что читали —  
Но вообще прекрасный был обед.

С наукою шло об руку искусство,  
Как гибкий плющ обвив могучий дуб;  
Еще обед припомню не без чувства:  
Художники у нас открыли клуб.  
Ковры, драпри и мебель — все отлично...

Ну кое-что сказал бы про буфет,  
Да кое-что о выставке годичной...  
Но вообще прекрасный был обед.

Принадлежа и сам к числу «хозяев»,  
Я посещал усердно каждый съезд;  
Там слушали так жадно краснобаев,  
Что за столом недоставало мест.  
Сияли там, переливаясь тонко,  
Свет знания и люстр громадных свет...  
Особенно понравилась мне жженка —  
И вообще прекрасный был обед.

Минувший год во многом вспомнить любо,  
Вот, например, еще обед возьмем —  
Открытие служительского клуба —  
Участие я тоже принял в нем.  
Не показал ни жестом я, ни взглядом,  
Что для меня противен мой сосед...  
Представьте — я сидел с лакеем рядом...  
Но вообще прекрасный был обед.

Все высшие ценил я интересы  
И временем им жертвовал всегда:  
Обедал я за процветанье прессы,  
Обедал я в честь женского труда;  
Пил за успех «Русалки» и «Рогнеды»,  
За оперу, за драму, за балет...  
Тьфу! Чорт возьми! Не вспомню все обеды!  
Но каждый раз прекрасный был обед!

Держась всегда вдали от нигилистов,  
В серьезные вопросы погружен,

Я был введен в кружок экономистов  
И на обед был ими приглашен.  
Сводили там итоги и балансы;  
Я тоже свел: ведь круглый год банкет  
Однако я растрес-таки финансы...  
Но вообще прекрасный был обед.

Как год прошел — я, право, не заметил;  
Весь год не знал, что значит слово — лень.  
И Новый год с бокалом также встретил  
И на обед поехал в первый день.  
Шумели там, решали то и это;  
Разъехались — на улице уж свет.  
Вопросы все остались без ответа, —  
Но вообще прекрасный был обед.

## ВЕЛИКИЕ ИСТИНЫ

*(Большой перевод из сборника «La doctrine»)*

Повсюду торжествует гласность,  
Вступила мысль в свои права,  
И нам от ближнего опасность  
Не угрожает за слова.  
Мрак с тишиной нам ненавистен;  
Простора требует наш дух,  
И смело ряд великих истин  
Я первый возвещаю вслух.

Порядки старые не новы  
И не младенцы — старики;  
Больные люди — не здоровы  
И очень глупы дураки.  
Мы смертны все без исключения;  
Нет в мире действий без причин;  
Не нужно мертвому леченья.  
Одиножды один один.

Для варки щей нужна капуста;  
Статьи потребны для газет;  
Тот кошелек, в котором пусто,  
В том ни копейки денег нет;  
День с ночью составляет сутки.

Рубль состоит из двух полтин;  
Желают пищи все желудки.  
Одиножды один один.

Москва есть древняя столица;  
По-русски медик значит врач,  
А *чудодейка* есть вещьца,  
О коей публикует Кач.  
Профессор — степень или званье;  
Коллежский регистратор — чин;  
Кнуты и розги — наказание;  
Одиножды один один.

Покуда кость собака гложет,  
Ее не следует ласкать,  
И необъятного не может  
Никто решительно обнять.  
Не надо мудрствовать лукаво,  
Но каждый честный гражданин  
Всегда сказать имеет право:  
Одиножды один один.

В сей песне сорок восемь строчек.  
Согласен я — в них смыслу нет;  
Но рифмы есть везде и точек  
Компрометирующих нет.  
Эпоха гласности настала,  
Во всем прогресс — но между тем  
Блажен, кто рассуждает мало  
И кто не думает совсем.

[1866]

[М. Н. МУРАВЬЕВУ]

I

Сто человек, никак, ты запер в казематы,  
И мало все тебе, все мрачен как чума ты!  
Утешься, ведь господь царя благословил—  
Отвел от родины тягчайший из ударов!  
— Эх, братец! Чорт ли в том! Ведь я бы  
заморил  
Сто тысяч в крепости, когда б не  
Комиссаров.

II

Холеру ждали мы, и каждый был готов  
Дяту соблюдать и жить себе здорово.  
Но фурия хитра: надула докторов —  
Прислала за себя из Вильны Муравьева.

1866

## СВИСТОК И СТАКАН

Свистать! Свистать!  
Нам вторит эхо.  
Но, чур! Не лгать  
Орудьем смеха!  
Приходит срок,  
Взяв верх обман —  
Бросай свисток,  
Бери стакан.

Пей, чуть слышна  
Фальшивость нотки,  
Оксгоф вина  
И четверть водки,  
Ведро эль-кок,  
Эль-кукельван.  
Бросай свисток,  
Бери стакан.

Чем разделять  
Кастратов славу,  
Уж лучше спать  
Вазись в канаву,  
Без задних ног,  
Мертвецки пьян.

Бросай свисток,  
Бери стакан.

Уж лучше, брат,  
Пить мертвой чашей  
Забвенья яд,  
Чем в прессе нашей  
Зловонных строк  
Впивать дурман.  
Бросай свисток,  
Бери стакан.

Газетный лай  
И обезьянства  
Пренебрегай  
В величьи пьянства.  
Оно порок,  
Но не обман.  
Бросай свисток,  
Бери стакан.

## ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ДРОГИ

Que j'aime à voir un corbillard!

*A. Gouffé* <sup>1</sup>

Последний экипаж людской  
Пою я в песне, дроги.  
Вот выбор песни! Что ни пой,  
А всё протянешь ноги.  
Придется всем от всяких бед  
Навек освободиться;  
Что ж за несчастье — в лучший свет  
На дорогах прокатиться?

В былые дни, без лишних слов,  
В урочный час к могиле  
И богачей и бедняков  
Всех на руках тащили.  
Стал ныне человек умней  
И самых бедных даже  
Препровождает в мир теней  
В приличном экипаже.

Богач со смертью всего  
Лишается и плачет.

---

<sup>1</sup> Как я люблю смотреть на погребальные дроги.  
А. Гуффе. — *Ред.*

Я — не оставлю ничего;  
Я — в выигрыше, значит.  
Я в этот мир пришел пешком,  
Но на свиданье к деду,  
Хоть и на дорогах, хоть шажком,  
А все-таки поеду.

За колесницей богача —  
Тщеславия затей —  
Ливрейный траур волоча,  
Толпой идут лакеи.  
А я богат и без ливрей,  
Богатствами иными:  
Пойдет кружок моих друзей  
За дорогами моими.

Веселость, гений мой! я жив,  
Покуда ты со мною;  
Когда ж и ты, на мой призыв,  
Окажешься мечтою, —  
Тогда скажу, махнув рукой,  
Совсем готов к дороге:  
«Что ж делать! Стих пришел такой;  
Закладывайте дроги!»

## НА МОГИЛЕ Д. И. ПИСАРЕВА

*(Братьям-писателям)*

Еще один из строя выбыл вон,  
Где уж и так ряды не слишком тесны.  
Мир памяти скончавшегося — он  
Писатель был талантливый и честный.

Талантливый и честный! В двух словах  
Заклучена властительная сила:  
Одушевлен был ею этот прах,  
Освящена теперь его могила.

В борьбе со злом, идущей без конца,  
Им двигала полезная идея, —  
И юношам в их чистые сердца  
Он внес ее, умами их владея.

Усопший брат! Мир памяти твоей.  
Увы! Ты жил, как Добролюбов, мало.  
Ты чист, как он; зерна твоих идей  
Не подточило опытности жало.

Мы видели, как старились умы  
И как сердца прекрасные скудели.  
Поклонимся ж могиле ранней мы —  
Созревшие для неизвестной цели.

1868

## РАЗДУМЬЕ

Зол я впервые сегодня вполне;  
Зол — оттого что нет злости во мне.

Нет этой злости, которая смело  
Прямо из сердца срывается в дело.

Нету ее — ненавистницы фраз,  
Злобы святой, возвышающей нас.

Есть только жалкая, мелкая злоба,  
Не доводящая даже до гроба;

Злоба, с которой хоть семьдесят лет  
Можно прожить без особенных бед

И умереть, чтобы видели внуки  
Самый пошлейший род смерти — от  
скуки.

(1863)

## НАДОЛГО ЛИ? <sup>1</sup>

Надолго ли? Ндолго ли! С двух слов,  
Произнесенных, впрочем, благосклонно,  
Я видел ночью много диких снов  
И целый день бродил как полусонный.  
И лишь теперь, два месяца спустя,  
Отдавшись весь работе благодатной,  
Отвечу я, все шансы разочтя:  
Надолго ли? Ндолго, вероятно.

Когда больного с смертного одра,  
Где видел он вблизи мученья ада,  
Вдруг на ноги поставят доктора,  
Покорный им, он станет жить, как надо.  
Он в меру ест, он в меру пьет и спит.  
Спросите вы у доктора, примерно,  
Надолго ль он здоровье сохранит?  
Ответит врач: *надолго* — это верно.

---

<sup>1</sup> Одно из высокопоставленных лиц, когда вышло разрешение издавать „Искру“ без предварительной цензуры, заметило издателю: вам теперь дано право, которое вы искали, — *надолго ли?* Слова эти вызвали предлагаемое стихотворение, которое печатается здесь именно потому, что подобный вопрос так же естественно может возникнуть и в публике.

И с «Искрой» так. Она была больна  
Болезнью женской — недостатком воли;  
В истериках так мучилась она,  
Что прикусить язык пришлось от боли.  
Теперь характер возвратился к ней.  
— Что ж, женщина с характером!  
Прекрасно!  
Она послушней станет и скромней...  
— Надолго ли? — Надолго, очень ясно.

Свободу слова, право на журнал  
В наш век, когда кредит во всем  
непрочный,  
Как драгоценный некий капитал  
Дают вам в долг, с вас вексель взяв  
бессрочный.  
— Ну-с, вы теперь спокойны или нет? —  
Вам кредитор сказал бы, встретясь с вами:  
— Надолго ли? — Вздохнете вы в ответ:  
— Надолго ли-с? Решать извольте сами.

Все вообще писатели у нас  
Народ неизбалованный, небурный;  
В самих себе мы держим про запас  
И ножницы и карандаш цензурный.  
Тот, кто сберег среди житейских гроз,  
В сознании общественного долга,  
Для дела мысль — тот смело на вопрос:  
Надолго ли? — ответит: да, надолго.

Пока стремится общество вперед,  
В грядущее спокойным смотрит взглядом  
И сбить себя с дороги не дает

Корыстным и шипящим ретроgrадам,  
До тех пор в нем, для счастья людей,  
Не может быть свободной мысли тесно —  
И, как залог грядущих светлых дней,  
*Надо* все задуманное честно.

1969

## КАНКАНЫ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

*(Передовые статьи извет, журнальные критики,  
руководящие заметки и пр.)*

### 1

От г. Краевского г. Каткову<sup>1</sup>

И ты несчастен, дай же руку,  
Начнем друг другу помогать.

*Мерзляков*

С Гомером долю ты беседовал один,<sup>2</sup>

Я не беседовал с Гомером.

Я и с тобой теперь веду как нижний чин  
Беседу с обер-офицером.

Проснешься ль ты когда, осмеленный Катков?

Твоя надтреснутая лира

---

<sup>1</sup> Г. Катков впал в тихую меланхолию, не предвещающую, впрочем, ничего доброго. С одной стороны ему грезятся какие-то безголовые, нуждающиеся в его голове и даже *требующие его головы*, с другой около него прыгают какие-то лягушки, просящие

Нужна для общества, как чаша для пиров,  
Как *фимиа*м — для сильных мира,  
Как до обеда *шпанс*, как за обедом  
спич.

И как прислуга за обедом...  
Восстань на страх врагам, возьми  
ременный бич,  
Я петушком поспею следом.

Национальности я орган с этих пор!  
Хоть... не враждебен и Бисмарку.<sup>2</sup>  
Чуть что — так я сейчас и на попятный  
двор  
И — убежденья все на смарку!

---

*бича* (sic). Обо всем этом он весьма элегически повествует в покаянной статье № 20 „Московских Ведомостей“.

Г-н Краевский наоборот. Сей возгорел вящим жаром, переименовал себя из реалистов в классики, по спопутности распек какого-то учителя уездного училища, осмеливающегося иметь свое суждение о классицизме, и объявил, что только он с Катковым суть представители русской национальной печати („Голос“, № 23). Шовинизм его несколько охладел только тогда, когда ему показали вышереченный № „Московских Ведомостей“, передовая статья которого заключается весьма прискорбным, хотя совершенно несправедливым размышлением о какой-то якобы странной судьбе русской национальной печати. Все сие, впрочем, художественно резюмировано в предлагаемом стихотворении.

<sup>2</sup> Из отличенных слов первая строка принадлежит Пушкину, остальные Лермонтову.

<sup>3</sup> Бисмарк тут очевидно не при чем. Г. Краевский, как жена кесаря, выше подозрения в антирусских стремлениях. Еще бы Каткова кто подозревать стал. Бисмарк тут больше ничего, как троп шпон.

## Происхождение мудрости В. И. Аскоченского<sup>1</sup>

На мосту<sup>2</sup> с торговкой Аскоченский сидит,  
Бабе точит лясы, сказки говорит.  
Как от этих сказок да ляс, ляс, ляс  
Бабу так и тянет да в пляс, пляс, пляс!

<sup>1</sup> Г. Аскоченский в 4-м выпуске своей странно-примной или, лучше сказать, страмопримной газетки пишет: „Мы были бы невежливы, если бы прошли молчанием рекламу (?) снова затлевшейся „Искры“, тем более что она сама указала Аскоченскому обязанность отмечать красным карандашом все места“ и пр. Вежливость за вежливость. Представляем читателям „Домашней Беседы“ самое обстоятельное изложение на тему: „Откуда происходит мудрость Аскоченского. Мудрость же его, поистине, изумительна. В „изгарной“, статейке своей он между прочим инквизиторски выпытывает у нас — для какой надобности помещена в „Искорках“ богохульная (!) публикация: „Подписчикам журнала „Conseiller des dames“ и пр. (см. „Искру“. № 1, ст. 41), притворяясь, будто не замечает, что публикация эта перепечатана без всяких комментариев с французских газет и что обращаться с подобным вопросом можно было только к редакции „Conseiller des dames“, а теперь ко всем французским и русским газетам, ее перепечатавшим, включая в это число и „Домашнюю Беседу“.

Такова добросовестность г. Аскоченского и во всей статейке об „Искре“. Впрочем, об его добросовестности было уже неоднократно говорено и возвращаться к этому предмету не стоит. Далее он объясняет, что в продолжение всей своей деятельности следит за мазуриками — сила на мосту. Это курьезно.

<sup>2</sup> На Измайловском.

- Времена последние, знать, пришли, кума.
- Вижу, свет родименький, вижу все сама.
- Я теряю, кумушка, ум, ум, ум.
- И терять-то нечего, кум, кум, кум!

— Кумушка-голубушка, слышала ты, чать,  
Как у православных-то балует печать?  
Я лишился, кумушка, сна, сна, сна...  
— На апельсинчик, батюшка, на, на, на!

Кушает Аскоченский, кушает — молчок;  
Только соком брызгает черный сюртучок.  
Апельсинчик кумушкин гнил, гнил, гнил —  
Куманьку подарочек мил, мил, мил.

- Нет житья, голубушка, от лvihх газет.
- Народился, батюшка, знать, антихрист  
в свет.
- Эх, кабы мне, кумушка, власть, власть,  
власть —  
Задал бы я перцу им — страсть! страсть!  
страсть!

Так сидели некогда с Евою Адам  
И плоды добра и зла завещали нам.  
Плод вкусил Аскоченский — сев, сев, сев  
С некоей из плохеньких Ев, Ев, Ев.

То был плод познания не добра, не зла —  
А благоухания старого козла.  
И с тех пор городит он гиль, гиль, гиль.  
Ибо кушал с кумушкой гниль, гниль, гниль.

## В НАШЕ ВРЕМЯ...

### I

### П р о л о г

Роскошь, так уж роскошь — истинно  
беспутная;  
Бедность, так уж бедность — смерть  
ежеминутная;  
Голод, так уж голод — областию целою;  
Пьянство, так уж пьянство — всё  
с горячкой белою.

Моды, так уж моды — всё перемудренные;  
Дамы, так уж дамы — полуобнаженные;  
Шлейфы, так уж шлейфы — двух- и трех-  
саженные;  
На пол нагло брошены камни драгоценные.

Нечто лучше женщины в красоте  
искусственной,  
С шиком нарисованной, чувственно-  
бесчувственной:  
Обаянье демона, ангела незлобие —  
Во втором издании «божие подобие».

Похоть, так уж похоть — с роковою силою  
Деньгам, сердцу, разуму, — всем грозит  
могилою;

Старцы льнут и падают как грудные  
деточки,  
И за ними дети их — плод от той же  
веточки.

Воры, так уж воры — крупные,  
с кокарами;  
Кражи, так уж кражи — чуть не  
миллиардами;  
Жуликов-мазуриков в эту пору грозную —  
Как на небе звездочек в ноченьку морозную.

Мелкие скандалчики с крупными  
беспутствами;  
Разоренья честные с злостными  
банкрутствами;  
Фокусы бумажные, из нулей могущества —  
И на каждой улице описи имущества.

И на каждой улице, с музыкою, с плясками,  
Разоряют вежливо, обирают с ласками,  
И — притоны мрачные, кутежи  
с злодействами —  
И убийства зверские целыми семействами.

И работа вечная и неугомонная,  
И холодность мертвая, строгость  
непреклонная,

И с трибун словесников речь всегда медовая,  
И нужда молчащая, но на все готовая.

Скорбь, так скорбь безмолвная. Горе, как  
нахлынуло,  
Все существование разом опрокинуло:  
Знает погибающий, что никто не скажется,  
И как снам бесчувственный сам в могилу  
взлится.

Смех, так смех насильственный, злобы не  
скрывающий:  
Или разухабистый и стыда не знающий —  
Или уж отчаянный, с умоисступлением —  
Над собой, над ближними и над всем  
творением.

[1870]

## СТИХИЙНАЯ СИЛА

Где приют для мира уготован?  
Где найдет свободу человек?  
Старый век грозой озаглавлен —  
И в крови родился новый век.  
*Шиллер («Начало нового века»)*

Только одно поколение людей  
Выступит с новым запасом идей —  
И с барабанным, торжественным боем  
В вечность наш век отойдет под конвоем  
Умственных бурь и военных тревог;  
Время подпишет в кровавый итог,  
Что в девятнадцатом веке царила  
Грубая сила, стихийная сила.

Тщетен был опыт минувших веков,  
Слава героев, умы мудрецов;  
Тщетно веками скоплялись богатства  
Равенства, знания, свободы и братства.  
Нужны усилия страшные вновь,  
Жертвы, мученья, темницы и кровь,  
Чтоб хоть крупинцы от них уступила  
Грубая сила, стихийная сила.

Все силы духа во все времена  
В лапах железных держала она.

Чтоб услужить ей, из всех мифологий,  
Переодевшись, слетаются боги.  
Непобедимым считался прогресс,  
Но в наши дни 6 спримерных чудес  
Времени дух, изловчась, покорила  
Грубая сила, стихийная сила.

Вместе с богами и верой людей,  
Времени дух в услуженьи у ней.  
Зияющий дух плодотворных сомнений,  
Зло отрицающий творческий гений  
Духом сомненья в великих делах,  
Геннем смерти стал ныне в умах, —  
Так чудотворно умы извратила  
Грубая сила, стихийная сила.

Знания для жизни святой идеал  
В формулах мертвых бесследно пропад,  
Новым циклопам дав знание природы  
Для истребления людей и свободы.  
В кузницах смерти движенье и стук  
И — благо занято множество рук —  
Светоч сознания совсем загасила  
Грубая сила, стихийная сила!

Только сознания светоч угас —  
Двинулось многое множество масс  
Несокрушимым ни зноем, ни стужей  
Грамотным мясом безграмотных ружей,  
Неувядаемым цветом страны,  
Где для крошечного ада войны  
Женщин любить и рожать обучила  
Грубая сила, стихийная сила!

Массы другие в раздумьи стоят,  
Видя солдатского зверства разврат,  
Гимны поют о кровавой расплате  
Граждан, погразших в греховном  
разврате;

Даже приветствуют век золотой  
Равенства всех — перед смертью одной,  
В тучах, которыми солнце затмила  
Грубая сила, стихийная сила!

«Новый в крови нарождается век;  
Где же свободу найдет человек?» —  
Спрашивал Шиллер, взывая к свободе.  
И девятнадцатый век на исходе —  
Швабскому гению отзыва нет.  
Самую жажду свободы в ответ  
Порцией крови, смеясь, утолила  
Грубая сила, стихийная сила!

[1870]

## ПРИНЦ ЛУТОНЯ

*(Кукольная комедия)*

1-я с ц е н а. Хижина в лесу, в которой живет бедный, ободраный крестьянин-дровосек Лутоня со своей женой Лутонихой.

Квас-ат пьем да квас же и хлебаем.  
Хлеб до голых рук мы доедаем —

говорит он о своей жизни и подчеркивает, что от трудов его

жиреет барин.  
Не жалей ни рук, ни плеч, ни ног,  
Чтоб работал брюхом лежебок!

К нему случайно заходит заблудившийся в лесу во время грозы принц Слоняй. Разговорившись с Лутоней, Слоняй замечает между прочим, что богатые „несчастней бедных во сто раз“, и соглашается на предложение Лутони поменяться с ним.

2-я с ц е н а. Прием во дворце. Лутоня с трудом подчиняется этикету. Лицемерные царедворцы и придворный поэт приветствуют нового принца, который не может понять — почему поэта за „вранье“ нужно жаловать перстнем. Жрец и казначей спорят о первенстве. Обращаясь к Лутоне с просьбой рас судить их, они тут же угрожают ему: один — проклятьями, другой — разорением. Жрец ссылается на то, что во дворце всегда был „почет духовному лицу“, казначей отвечает, что это было „при царе Горохе“. В наши дни — прогресс и капитал“. Лутоня прогоняет обоих. Поэт снова читает ему хвалебные

стихи — Лутоня прогоняет и его. Придворные одобряют это, так как поэт из „простого звания людей“ от которых —

Что и ждать-то окромя разврата?..  
В городах еще туды-сюды...  
В деревнях так уж совсем обломы.

Лутоня возмущен этими словами — он говорит:

Да мужик-ат поит-кормит вас!  
и прогоняет всех остальных.]

### III. СТОЛОВАЯ ВО ДВОРЦЕ

Лутоня, Мажордом, потом 1-й публицист.

Лутоня

Ну их всех! Ушли! Теперь с охотки  
Хорошо б маненько выпить водки!  
Заморили с самого утра!  
Чай, давно уж полдничать пора!

(Мажордому)

Эй ты, милый человече. Живо!  
подавай закуску, водку, пиво —  
Все, что есть в печи, на стол мечи!

Мажордом

Ваша светлость, публицист...

Лутоня

Молчи.

Мажордом

Публицист пришел...

Л у т о н я

Неси закуску!

М а ж о р д о м

Он желает...

Л у т о н я

Взять его в кутузку!

М а ж о р д о м

Он с доносом...

Л у т о н я

Засадить сейчас!

М а ж о р д о м

(растворяя публицисту двери)

Принц просить к себе изволят вас.

Л у т о н я

Я сказал...

М а ж о р д о м

При важности доноса

Без доклада входят и без спроса.

Л у т о н я

Не донос мне нужен, а еда...

М а ж о р д о м

Принц, донос важней всего всегда!

1-й п у б л и ц и с т

(входит)

Ваша светлость, первый я газетчик,  
Тайных ков, подпольных смут разведчик.

Честь имею донести: порт  
Сочинил в стихах на вас памфлет.

Л у т о н я

Давешний-то лазарь-попрошайка?

1-й п у б л и ц и с т

Вместе с ним дворян преступных шайка,  
Удаленных ныне из дворца,  
Против вашей светлости лица  
Замышляя заговоры, ковы,  
В бунт открытый перейти готовы!..

Л у т о н я

В кандалы!

1-й п у б л и ц и с т

Принц, с ними казначей  
«Бей не палкой, а конейкой бей»,  
Овладев казенной вашей кассой,  
Поставляет банде хлеб и мясо.

Л у т о н я

Няун!

1-й п у б л и ц и с т

Он воплощал в себе кредит,  
А кредит при деньгах не вредит,  
А без денег только он и в силе.  
Ваша светлость дурно поступили,  
Выгнав казначея.

Л у т о н я

Чорт ли в том!  
Сам я крепок задним-ат ужом.  
Делать что — скажи.

1-й п у б л и ц и с т

Спасать основы.

Л у т о н я

Ну?

1-й п у б л и ц и с т

Извольте, первым долгом, новый,  
Для сего комиссию созвав,  
Дисциплины начертать устав,  
Разогнать, притиснув и прижав,  
Подвижной правительства состав,  
Так, чтобы, в соображение взяв  
Званье, род, сословье, чин и нрав,  
Не было б близ трона человека  
Возрастом моложе полувека.

Л у т о н я

Всех прогнать велишь мне? Так и сам  
Убирайся вон, ко всем чертям!

(Лакеям)

Есть давайте! Их не переслушать!

Те же, 2-й публицист.

2-й публицист

(входя)

Ваша светлость, не извольте кушать.  
На коленях смею донести...

Лутоня

Да вставай! Чего тут пол мести!

2-й публицист

Ваша светлость, как официальный  
Журналист, донос пространный, грозный  
Честь имею ныне преподнести.

Лутоня

Леший, дьявол! Дай хоша поестъ —  
Или худо будет.

2-й публицист

Будет худо,

Только, принц, дотроньтесь хоть до  
блюда...

Лутоня

До тебя дотронусь — будешь худ!  
Ребра все переломаю, плут!

2-й публицист

Принц, мы все, как нód богом, под вами:  
Розгами, нагайками, плетями,  
Принц, казни — но выслушай вперед:  
Не бери куска сегодня в рот!

Л у т о н я

Да скажи хоть...

2-й п у б л и ц и с т

Умоляю снова:

Не касайтесь вовсе до съестного.

Л у т о н я

Объясни ж мне толком наконец.

2-й п у б л и ц и с т

Ваша светлость, в древности мудрец  
Прорицал, что украшает троны  
Более, чем скиптры и короны,  
Добродетель, коей в наши дни  
Ваша светлость служите одни.  
Ибо что мы ныне примечаем?  
Патриарх, поставленный над краем  
В качестве оплота против зла —  
Верное подобие козла  
В огороде... то бишь в вертограде.

(Таинственно)

Я далек от мысли о награде,  
Но шепну, спасая вас и край:  
Первый старец — первый негодай.

Л у т о н я

Леший! Дьявол! Убирайся к черту!  
Есть хочу, а вместо ложки кó рту  
То и дело прынду тычет в нос  
Плут на плута пасквильный донос.  
Эй! Давай обедать! Люди, черти!

2-й публицист

Принд, рабу нижайшему поверьте:  
Ваш обед отравлен.

Л у т о н я

Что ты? Как?

2-й публицист

В хлебе, в супе, в соусе мышьяк.

Л у т о н я

Кем отравлен? Где мой старший повар?

2-й публицист

Старший повар — в кухне общий говор —  
Буде не совсем еще издох,  
Прележит три дня без задних ног.  
Первый старец чуть не четверть водки  
Приобщил его бездонной глотке.

Л у т о н я

Первый старец?

2-й публицист

С пьяным вслед за ним  
Обменялся платьем он своим

(Мрачно)

И под курткой поварскою белой  
Черный план пустил спокойно в дело.

Л у т о н я

А чего смотрели повара,  
Судомойки, прачки, кучера?

2-й п у б л и ц и с т

Вашу светлость отравляя ядом,  
Первый старец встал к прислуге задом.  
А у старцев — кто ж тут виноват? —  
С поварами одинакий зад.

Л у т о н я

Черти все — и спереди и сзади —  
В поварском, в господском ли наряде!  
И с чего он?

2-й п у б л и ц и с т

Ваша светлость, он  
Вами здесь глубоко оскорблен.  
Неприлично старцу, хоть злодею,  
Уступать дорогу казначею.

→

Л у т о н я

Так за это отравляет, слышь,  
Первый старец принца, словно мышь.  
Ну, хорош моельщик и предстатель —  
Отравитель, изверг и предатель!  
Я теперь, изволь-ка, голодай!  
Удружи, спасибо, принц Слоняй!  
Ах, когда б заране знать да ведать!  
Черти! Гей! Неси сейчас обедать!  
Каково! И ухом не ведут  
Господа лакеи. Где же плут,  
Где Ясам второй, каналья первый?

2-й публицист

Ваша светлость, раздражите нервы  
Понапрасну. Не придет Ясам.

Л у т о н я

Он ушел?

2-й публицист

По собственным делам.  
Он хлопочет, чтобы в связи тесной  
С вашею супругой жить совместно.

Л у т о н я

Что ты врешь? С Лутонихой моей?

2-й публицист

Вожделеньем он сгорает к ней.

Л у т о н я

И она с ним?

2-й публицист

Утверждать не смею,  
Что она с ним; он, однако, с нею.

Л у т о н я

Значит?!

2-й публицист

Ваша светлость, виноват:  
Принц Слоняй, однако, был рогат.

Л у т о н я

А! Так вот Ясам какого чина!  
Захотела эта образина  
Быть во всем взаправду мной самим!  
Погоди же! Я расправляюсь с ним!

2-й п у б л и ц и с т

Принц, уж поздно.

Л у т о н я

Поздно?

2-й п у б л и ц и с т

Тронуть вожжи  
Кучер в полдень должен был — не позже.

Л у т о н я

Он уехал?

2-й п у б л и ц и с т

С нею, не один —  
Как у Гете, знаете? — *dahin!*<sup>1</sup>

Л у т о н я

Так чего ж ты мне точил балясы?

2-й п у б л и ц и с т

Первым делом, для спасенья расы,  
Ваша светлость, чтобы принц был жив,  
А второй и главный мой мотив:

---

<sup>1</sup> Туда. — *Ред.*

Во вниманье взяв, что зла прогресса  
Ангел наш, Лутониха-принцесса,  
Не избегла, чистая вполне —  
Вымолить, чтоб ваша светлость мне  
Подписали строчку... нет! не строчку...

(На коленях)

А к прогрессу точку — только точку!

Л у т о н я

Ах ты, шут юродивый, шальной!

(Бьет его.)

На, вот точка! На, вот с запятой!

(2-й публицист плачет.)

Экой дурень! Присмирел, дружочек.  
Мог бы я наставить много точек  
На твоей, на глупой на спине —  
Да дурак ты — значит, нужен мне.  
Марш в погоню! Сядь на вороного!

(Вдогонку)

Да пришли хоть что-нибудь съестного.

---

Те же, Отец-командир, потом Герольд.

Отец-командир

(входя)

Бить тревогу! Строиться в каре!

Л у т о н я

Что случилось?

Отец-командир  
Ружья на пере-  
Вес! Равняйсь! Дирекция направо!  
Арш!

Л у т о н я  
Да кто он?

3-й публицист  
Наша честь и слава.  
Командир всех наших войск.

Отец-командир  
На ру-  
Ку!

3-й публицист  
Пришел, так значит не к добру.

Отец-командир  
Кладсь! Пли! Жай!

3-й публицист  
Страшателя командира  
Больше, чем в бою, во время мира.  
Десять тысяч с лишком мусульман  
И пятнадцать тысяч душ крестьян  
Положил костями, своей рукою...  
Уж пришел, так с восточкой дурною.

Отец-командир  
«Стой-равняйсь!»

**Л у т о н я**

Едва ль страшнее чорт?

**3-й публицист**

Принц, извольте выслушать рапорт.

**Отец-командир**

(рапортует)

Ваша светлость! Все благополучно  
Обстоит. Сейчас собственноручно  
Усмирять я буду у ворот  
Пред дворцом собравшийся народ.

**Л у т о н я**

Бунт?

**3-й публицист**

Бунт?

**Мажордом**

Бунт?

**Отец-командир**

Так точно: бунт народный.  
Просит хлеба всякий сброд голодный.

**Л у т о н я**

Знамо дело: всякий хочет есть.

**Отец-командир**

Как же смеют прямо к принцу лезть?  
У! Мужланы! Покормить их мне бы!

Л у т о н я

Хлеб родится для мирской потребности.  
Я отец народу — не злодей.

Г е р о л ь д

(народу в окно)

Принд пришлет горячих казачей!

О т е ц - к о м а н д и р

Розгачей бы!

Л у т о н я

Что?

О т е ц - к о м а н д и р

Я — сам с собою.

(Шум и волнение за-сценой усиливаются.)

Что опять там?

Г е р о л ь д

Голосят гурьбою:

Пить хотят.

Л у т о н я

И водка им нужна.

Г е р о л ь д

(в окно)

Принд велел вам выкатить вина!

(Шум еще усиливается.)

Лутона

Что еще?

Герольд

Гуторят: принц-надѣжа,  
Очень плоха у нас одѣжа.

Лутона

Без одѣжи как же работáть?  
Дать одѣжу!

(Шум растет.)

Что еще опять?

Герольд

Требуют для жен своих и дочек  
Криполинов, вышитых сорочек.

Лутона

Ну, уж это милость ваша врет:  
Этого не требует народ.

Герольд

Требуют для деток зимних кенег  
И для светских развлечений денег.

Лутона

Что за притча! Вот народ чудной!

Герольд

Требуют театров всей толпой!

Л у т о н я

Что для них, в шуты пойду я, што ли?  
Накормил, одел — чего ж им боле?

Г е р о л ь д

Ваша светлость! К этому всему  
Требует народ, чтоб вы ему  
Отдали все атрибуты власти:  
Меч, корону, скипетр.

Л у т о н я

Вот напасти!

О' т е ц - к о м а н д и р

Молодцы-ребятушки, ура!  
Дать урок горяченький пора  
Либеральным принцам-демократам,  
Лебезящим перед младшим братом!

Л у т о н я

Это ты? Отец-то командир?

О т е ц - к о м а н д и р

Ваша светлость: это мой мундир.  
Есть такая басенка Крылова:  
Не теряйте попустому слова  
Там, где нужно власть употребить:  
Сечь, стрелять, колоть, палить, рубить.  
Пусть режут сироты, старцы, вдовы —  
Были б только спасены основы.

Л у т о н я

Командир, неверен твой расчет:  
Чай, лежит в основе-то народ,

А как всех заколешь да зарубишь —  
Так основу, значит, и загубишь.

Т е ж е, Ф и л о с о ф.

Ф и л о с о ф

(входя)

Так вещает истина сама  
Выводом Лутонина ума.  
Истинно: народ есть основанье  
И за тем общественное зданье  
Вертикально принимает вид  
Хаосообразных пирамид,  
Разделенных правильно и вечно  
Как продольно, так и поперечно.

Л у т о н и я

(Герольду)

Землемер он, што ли, аль из тех,  
Что, вон, строят?

Г е р о л ь д

Принд, он выше всех.  
К построеньям лишь в пространстве  
склонен.  
Он мудрец египетский — Астронин.  
Астра — солнце. Нин... должно быть, Нин  
По-халдейски значит: *гражданин*.  
Он в Египте снял покров с Изиды,  
Изучив на месте пирамиды.

Л у т о н и я

(Философу)

Что ж нам делать, господин мудрец?

### Ф и л о с о ф

Совместить начало и конец —  
Разделить хаос на два хаоса.  
Вот одно решение вопроса  
В области динамики — и два,  
Обратимся к статике едва.  
Ибо мы, пирамиду построя  
Для движенья, можем для покоя  
Начертать горизонтально круг.  
Этот круг, с пирамидой сам-друг,  
В конусе — дает прогресс с застоєм.

### Л у т о н я

Да народ-ат как мы успокоим?

### Ф и л о с о ф

Стоит только, чтоб смирить народ,  
Конусу дать должный оборот,  
Ибо в нем совмещена двойкость...

### Л у т о н я

(в сторону)

Хоть бы слово понял — эка пакость!

### Ф и л о с о ф

В конусе — движение и покой.  
А закон один, весьма простой,  
Аналогий единиц и множеств,  
Всех множдеств, тождеств и такождеств,  
Всех времен, народностей, систем,  
Государств центральных — и затем

Дюпезов, графств, провинций, штатов,  
Префектур, кантонов, комитатов,  
Округов, сатрапий, фил и триб —  
Для людей, животных, птиц, для рыб,  
Для червей, амфибий и полипов, —  
Для отдельных особей и типов,  
На земле — сдается даже мне —  
На других планетах: на луне,  
На Сатурне, Марсе, на Венере —  
С разницей в диаметре, в размере,  
Но закон движения один:  
Пирамида — или, проще: клин —  
Клин за клином...

Л у т о н я

Выбивать клин клином,

Что ли?

Ф и л о с о ф

Нет. Но в хаосе едином,  
Разделенном на два — чтобы вдруг  
Не упал пирамидальный круг,  
Но вращался круглой пирамидой,  
Под надежной вашею эгидой,  
Чтобы, стоя, двигался народ —  
Надлежит к стремящимся вперед,  
Следуя примеру мудрых наций,  
Применить закон экскорпораций.  
Кто вперед — сейчас из ряду вон!  
Реактивной акции закон  
Не щадит для смелых построений  
Областей и делых поколений.

(Восторженно)

Принц Лутоня! Вы — прогресса ось.  
Государство — конус, как ни брось,  
Кверху ль, книзу ль — будет в каждом виде  
В круге — центр, вершина — в пирамиде.  
Ваша светлость! Пусть же весь народ  
Вокруг вас завертится вперед.

Л у т о н я

(в сторону, размышляя)

Я не понял...

Ф и л о с о ф

(в сторону)

Я польстил недурно.

(Вслух)

Принц!.. И то сказал я нецензурно.

(Гордо)

Но я тем потомству буду мил,  
Что с улыбкой правду говорил.

---

Т е ж е, т р и п у б л и ц и с т а.

1-й

Принц!

2-й

Принц!

3-й

Принц!

Л у т о н я

Вы что еще, уроды?

1-й

Государь...

2-й

Все выходы...

3-й

Все входы...

1-й

Заняты...

2-й

С, рога тинной...

3-й

С дубьем...

Л у т о н я

(гневно философу)

Это ты морочишь здесь враньем!!

Чорт!

Ф и л о с о ф

(спокойно)

Нет, принц. Есть в конусе текучесть,  
Государств решающая участь;  
Все равно: тиран, народ, палач —  
Сильным будь — задача всех задач!

Л у т о н я

Замолчи!

Ф и л о с о ф

(продолжая)

Сословных, уголовных

И — тем паче — конусо-верховных!

Л у т о н я

(замахиваясь)

Я тебя!..

(Философ убежит.)

Воистину мудрец —

Убежал. (К Отцу-командиру) Ну, выручай, отец-  
Командир. Ты глоткой, что картечью,  
Напугаешь...

О т е ц - к о м а н д и р

Нет! К народу с речью  
Обращусь теперь я... Так и так...  
Вы, мол... Я, мол... Я ведь не дурак.  
Я ведь храбр и в голове и в тыле.  
Силы долг повиноваться силе.  
Кладсь! Пли! Жай! Три темпа. Тот же счет,  
Хоть в народ стреляй, хоть за народ.

(Уходит смеясь.)

Л у т о н я

Бог с тобой, когда такой суровый!  
Вот они спасают как основы!

Сколько есть их, каждый свой живот,  
Свой маммон основою зовет.  
Дворянин — так, господи, ты веси,  
Сколько в нем господской этой спеси!  
Казначей — так всю казну своей  
Полагает — я-де казначей!  
Командир — так роже богомерзкой  
Нипочем, потехи ради зверской,  
Сокрушить все дарство, весь народ.  
Кто тут гаже — чорт их разберет!  
Да еще недоставало сраму —  
И жена достанется Ясаму!  
Ну их всех! Юродивый мудрец,  
Прокаженный лазарь, первый жрец —  
Отравитель, изверг! Эки страсти!  
Дай бог ноги! Не хочу и власти!  
Тот же лес, что наш сосновый бор —  
Так домой, Лутоня, за топор!

[4-я сцен а. Лутоня жалуется на свое одиночество. «Чуяла ты ноне поутру, что дурить я вздумал не к добру», — мысленно обращается он к жене. Мажордом докладывает, что толпа народа захватила дворец. Лутоня не только не удручен, но даже обрадован этим:

Милый мой! Пушай без депутата.  
Всё возьмут. Что взято, то и свято.

Входит Слоняй. Он говорит, что решил силой вернуть себе трон и стал во главе восстания.

Принцем был, так принцем и умру. . .  
Нет, уж в лес вперед не побегу.  
Захочу — все города сожгу.

Захочу — так с нынешним прогрессом  
Сделаю все царство темным лесом.  
Лес ко мне — не я к нему приду.

Лутоня с радостью соглашается покинуть дворец и отправляется вместе с вернувшейся Лутоньхой в свою хижину.]

*1870-е годы*

## ПЕСНИ БЕРАНЖЕ

### КАК ЯБЛОЧКО РУМЯН

Как яблочко румян,  
Одет весьма беспечно,  
Не то, чтоб очень пьян —  
А весел бесконечно.  
Есть деньги — прокутит;  
Нет денег — обойдется,  
Да как еще смеется!  
«Да ну их!..» — говорит,  
«Да ну их!..» — говорит,  
«Вот, говорит, потеха!  
Ей-ей, умру...  
Ей-ей, умру...  
Ей-ей, умру от смеха!»

Шатаюсь по ночам  
Да тратясь на девчонок,  
Он, кажется, к долгам  
Привык еще с пеленок.  
Полиция грозит,  
В тюрьму упрятать хочет —  
А он-то все хохочет...  
«Да ну их!..» — говорит,  
«Да ну их!..» — говорит,

«Вот, говорит, потеха!  
Ей-ей, умру...  
Ей-ей, умру...  
Ей-ей, умру от смеха!»

Забился на чердак,  
Меж небом и землею;  
Свистит себе в кулак  
Да ежится зимою.  
Его не огорчит,  
Что дождь сквозь крышу льется:  
Измокнет весь, трясется...  
«Да ну их!..» — говорит,  
«Да ну их!..» — говорит,  
«Вот, говорит, потеха!  
Ей-ей, умру...  
Ей-ей, умру...  
Ей-ей, умру от смеха!»

У молодой жены  
Богатые наряды;  
На них устремлены  
Двусмысленные взгляды.  
Злословье не щадит,  
От сплетен нет отбою...  
А он — махнул рукою...  
«Да ну их!..» — говорит,  
«Да ну их!..» — говорит,  
«Вот, говорит, потеха!  
Ей-ей, умру...  
Ей-ей, умру...  
Ей-ей, умру от смеха!»

Собрался умирать,  
Параличем разбитый;  
На ветхую кровать  
Садится поц маститый  
И бедному сулит  
Чертей и ад крошечный...  
А он то, многогрешный —  
«Да ну их!..» — говорит,  
«Да ну их!..» — говорит,  
«Вот, говорит, потеха!  
Ей-ей, умру...  
Ей-ей, умру...  
Ей-ей, умру от смеха!»

[1856]

## ЗНАТНЫЙ ПРИЯТЕЛЬ

Я всей душой к жене привязан;  
Я в люди вышел... Да чего!  
Я дружбой графа ей обязан.  
Легко ли! Графа самого!  
Делами царства управляя,  
Он к нам заходит как к родным.  
Какое счастье! Честь какая!  
Ведь я червяк в сравненьи с ним!  
В сравненьи с ним,  
С лицом таким —  
С его сиятельством самим!

Прошедшей, например, зимою,  
Назначен у министра бал:  
Граф приезжает за женою —  
Как муж, и я туда попал.  
Там руку мне при всех сжимая,  
Назвал приятелем своим!..  
Какое счастье! Честь какая!  
Ведь я червяк в сравненьи с ним!  
В сравненьи с ним,  
С лицом таким —  
С его сиятельством самим!

Жена случайно захворает —  
Ведь он, голубчик, сам не свой:

Со мною в преферанс играет,  
А ночью ходит за больной.  
Приехал, весь в звездах сияя,  
Поздравить с ангелом моим...  
Какое счастье! Честь какая!  
Ведь я червяк в сравненьи с ним!  
В сравненьи с ним,  
С лицом таким —  
С его сиятельством самим!

А что за тонкость обращения!  
Приедет вечером, сидит...  
«Что вы все дома... без движенья?  
Вам нужен воздух...» — говорит.  
— «Погода, граф, весьма дурная...»  
— «Да мы карету вам дадим!»  
Предупредительность какая!  
Ведь я червяк в сравненьи с ним!  
В сравненьи с ним,  
С лицом таким —  
С его сиятельством самим!

Зазвал к себе в свой дом боярский:  
Шампанское лилось рекой...  
Жена уснула в спальне дамской...  
Я в лучшей комнате мужской.  
На мягком ложе засыпая,  
Под одеялом парчевым,  
Я думал, нежась: честь какая!  
Ведь я червяк в сравненьи с ним!  
В сравненьи с ним,  
С лицом таким —  
С его сиятельством самим!

Крестить назвался непременно,  
Когда господь мне сына дал —  
И улыбался умиленно,  
Когда младенца восприял.  
Теперь умру я, уповая,  
Что крестник взыскан будет им...  
А счастье-то, а честь какая!  
Ведь я червяк в сравненьи с ним!  
    В сравненьи с ним,  
        С лицом таким —  
    С его сиятельством самим!

А как он мил, когда он в духе!  
Ведь я за рюмкою вина  
Хватил однажды: ходят слухи...  
Что будто, граф... моя жена...  
Граф, говорю, приобретаю...  
Трудясь... я должен быть слепым...  
Да ослепит и честь такая!  
Ведь я червяк в сравненьи с ним!  
    В сравненьи с ним,  
        С лицом таким —  
    С его сиятельством самим!

## СТАРЫЙ КАПРАЛ

**В** ногу, ребята, илите.

Полно, не вешать ружья!  
Трубка со мной... проводите  
В отпуск бессрочный меня.

Я был отцом вам, ребята...

Вся в седилах голова...

Вот она — служба солдата!..

В ногу, ребята! Раз! Два!

Грудью подайся!

Не хнычь, ровняйся!..

Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера!

Молод еще оскорблять

Старых солдат. Для примера

Должно меня расстрелять.

Выпил я... Кровь заиграла...

Дерзкие слышу слова —

Тень императора встала...

В ногу, ребята! Раз! Два!

Грудью подайся!

Не хнычь, ровняйся!..

Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата

Орден не выслужить вам.

Я поплзтился когда-то,  
Задали мы королям.  
Эх! наша слава пропала...  
Подвигов наших молва  
Сказкой казарменной стала...  
В ногу, ребята! Раз! Два!  
Грудью подайся!  
Не хнычь, ровняйся!..  
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее  
К нашим стадам воротись;  
Цивы у нас зеленее,  
Легче дышать... поклонись  
Храмам селенья роднова...  
Боже! Старуха жива!..  
Не говори ей ни слова...  
В ногу, ребята! Раз! Два!  
Грудью подайся!  
Не хнычь, ровняйся!..  
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?  
А! я ее узнаю...  
Русский поход вспоминает...  
Да, отогрел всю семью...  
Снежной, тяжелой дорогой  
Нес ее сына... Вдова  
Вымолит мир мне у бога...  
В ногу, ребята! Раз! Два!  
Грудью подайся!  
Не хнычь, ровняйся!..  
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?  
Нет, заглянусь еще раз.  
Близко, ребята. За дело!  
Прочь! не завязывать глаз.  
Целься вернее! Не гнуться!  
Слушать команды слова!  
Дай бог домой вам вернуться.  
В ногу, ребята! Раз! Два!  
Грудью подайся!  
Не хнычь, ровняйся!..  
Раз! Два! Раз! Два!

[1857]

## НАВУХОДОНОСОР

### 1

**В** давно минувшие века,  
До рождества еще Христова,  
Жил царь под шкурою быка;  
Оно для древних было ново.  
Но льстили точно так же встарь  
И так же пел придворных хор:  
Ура! да здравствует наш царь  
Навуходоносор!

### 2

«Наш царь бодается, так что ж,  
И мы топтать народ здоровы, —  
Решил совет седых вельмож. —  
Да здравствуют рога царевы!  
Да и в Египте, государь,  
Бык божество с давнишних хор —  
Ура! да здравствует наш царь!  
Навуходоносор!»

### 3

Державный бык коренья жрет,  
Ему вода речная — пойло.

Как трезво царь себя ведет!  
Поэт воспел царево стойло.  
И над поэмой государь,  
Мыча, уставил мутный взор —  
Ура! да здравствует наш царь!  
Навуходоносор!

4

В тогдашней «Северной Пчеле»  
Печатали неоднократно,  
Что у монарха на челе  
След царской думы необъятной,  
Что из сердец ему алтарь  
Воздвиг народный приговор —  
Ура! да здравствует наш царь!  
Навуходоносор!

5

Бык только поздри раздувал,  
Упитан сеном и хвалами,  
Но под ярмо жрецов попал  
И, управляемый жрецами,  
Мычал рогатый государь  
За приговором приговор —  
Ура! да здравствует наш царь!  
Навуходоносор!

6

Тогда не вытерпел народ,  
Царя избрал себе другого.

Как православный наш причет,  
Жрецы — любители мясного,  
Как злы-то люди были встарь!  
Придворным-то какой позор!  
Был съеден *незабвенный* царь  
Навуходоносор!

7

Льстецы царей! Вот вам сюжет  
Для оды самой возвышенной —  
Да и ценсурный комитет  
Ее одобрит непременно;  
А впрочем, слово «государь»  
Не вдохновляет вас с тех пор,  
Как в бозе сгнил последний царь  
Навуходоносор!

*1850-е годы*

## МАРКИЗ ДЕ КАРАБА

Из чужбины дальной  
В замок феодальный  
Едет — трюх-трюх-трюх —  
На кобылке сивой  
Наш маркиз спесивый,  
Наш отец и друг.  
Машет саблей длинной,  
Но в крови невинной...  
Вот какой храбрец!  
Ой, бедовый, право!  
Честь тебе и слава —  
Ах ты наш отец!

Слушать, поселяне!  
К вам — невеждам, дряни  
Сам держу я речь!  
Я — опора трона;  
Царству оборона  
Мой дворянский меч.  
Гнев мой возгорится —  
И король смирится!  
Вот какой храбрец!  
Ой, бедовый, право!  
Честь тебе и слава —  
Ах ты наш отец!

Говорят, бездельник  
Слух пустил, что мельник  
Жизнь мне подарил.  
Я зажму вам глотки!  
Сам Пипин Короткий  
Нашим предком был.  
Отыщу в законе —  
Сяду сам на троне...  
Вот какой храбрец!  
Ой, бедовый, право!  
Честь тебе и слава —  
Ах ты наш отец!

Я, как за стеною,  
За своей женою  
При дворе силен.  
Сын достигнет быстро  
Звания министра;  
Младший... тот хмелем...  
Трусоват... глупенек...  
Но жена даст денег.  
Вот какой храбрец!  
Ой, бедовый, право!  
Честь тебе и слава —  
Ах ты наш отец!

Не люблю стесненья!  
Подати с имения —  
Знать их не хочу!  
Облечен дворянством,  
Государству чванством  
Я свой долг плачу.

Местное начальство  
Усмирит нахальство...  
Вот какой храбрец!  
Ой, бедовый, право!  
Честь тебе и слава —  
Ах ты наш отец!

А! Другое дело:  
Чернь — топчите смело,  
Но делиться — чур!  
Нам одним охота  
И цветки почета  
Деревенских дур.  
Свято и едино  
Право господина.  
Вот какой храбрец!  
Ой, бедовый, право!  
Честь тебе и слава —  
Ах ты наш отец!

Кресло в божьем храме  
Перед алтарями  
Выставляйте мне.  
Мне — почет и слава,  
Чтоб дворянства право,  
Свято и вполне,  
В этом блеске громком  
Перешло к потомкам.  
Вот какой храбрец!  
Ой, бедовый, право!  
Честь тебе и слава —  
Ах ты наш отец!

## ГОСПОДИН ИСКАРИОТОВ

Господин Искарнотов —  
Добродушнейший чудак:  
Патриот из патриотов,  
Добрый малый, весельчак,  
Расстилагется как кошка  
Выгибается как змей...  
Отчего ж таких людей  
Мы чуждаемся немножко?  
И коробит нас, чуть-чуть  
Господин Искарнотов,  
Патриот из патриотов —  
Подвернется где-нибудь?

Чтец усердный всех журналов,  
Он способен и готов  
Самых рьяных либералов  
Напугать потоком слов.  
Вскрикнет громко: «Гласность! гласность!  
Проводник святых идей!»  
Но кто ведает людей,  
Шепчет, чувствуя опасность:  
Тише, тише, господа!  
Господин Искарнотов,  
Патриот из патриотов —  
Приближается сюда.

Без порывистых ухваток,  
Без сжиманья кулаков  
О всеобщем зле от взяток  
Он не вымолвит двух слов.  
Но с подобными речами,  
Чуть он в комнату ногой —  
Разговор друзей прямой  
Прекращается словами:  
Тише, тише, господа!  
Господин Искаротов,  
Патриот из патриотов —  
Приближается сюда.

Он поборник просвещения;  
Он бы, кажется, пошел  
Слушать лекции и чтения  
Всех возможных видов школ:  
«Хлеб, мол, нужен нам духовный!»  
Но заметим мы его, —  
Тотчас все до одного,  
Сговорившиеся ровно:  
Тише, тише, господа!  
Господин Искаротов,  
Патриот из патриотов —  
Приближается сюда.

Чуть с женой у вас неладно,  
Чуть с детьми у вас разлад —  
Он уж слушает вас жадно,  
Замечает каждый взгляд.  
Очень милым в нашем быте  
Он является лицом,  
Но едва вошел в ваш дом,

Вы невольно говорите:  
Тише, тише, господа!  
Господин Искарнотов,  
Патриот из патриотов —  
Приближается сюда.

[1861]

## БЕЗУМЦЫ

Оловянных солдатиков строим  
По шнурочку равняемся мы.  
Чуть из ряда выходят умы:  
«Смерть безумцам!» — мы яростно воем,  
Поднимаем бессмысленный рев,  
Мы преследуем их, убиваем —  
И статуи потом воздвигаем,  
Человечества славу прозрев.

Ждет Идея как чистая дева,  
Кто возложит невесте венец.  
«Прячься», — робко ей шепчет мудрец.  
А глупцы уж трепещут от гнева.  
Но безумец-жених к ней грядет  
По полуночи, духом свободный,  
И союз их — свой плод первородный —  
Человечеству счастье дает.

Сен-Симон все свое достоянье  
Сокровенной мечте посвятил.  
Стариком он поддержки просил,  
Чтобы общества дряхлое зданье  
На основах иных возвести, —  
И угас одинокий, забытый,

Сознавая, что путь, им открытый,  
Человечество мог бы спасти.

«Подыми свою голову смело! —  
Звал к народу Фурье: — разделись  
На фаланги и дружно трудись  
В общем круге, для общего дела.  
Обновленная вся, брачный пир  
Отпирует земля с небесами, —  
И та сила, что движет мирами,  
Человечеству даст вечный мир».

Равноправность в общественном строе  
Анфантэнь слабой женщине дал.  
Нам смешон и его идеал.  
Это были безумцы — все трое!  
Господа! Если к правде святой  
Мир дороги найти не умеет, —  
Честь безумцу, который навевает  
Человечеству сон золотой!

По безумным блуждая дорогам,  
Нам безумец открыл Новый Свет;  
Нам безумец дал Новый завет, —  
Ибо этот безумец был богом.  
Если б завтра земли нашей путь  
Осветить наше солнце забыло, —  
Завтра ж целый бы мир осветила  
Мысль безумца какого-нибудь!

## ПТИЦЫ

Зима как в саван облекла  
Весь край наш в белую равнину  
И птиц свободных на чужбину  
Любовь и песни унесла.  
Но и в чужом краю мечтою  
Они летят к родным полям:  
Зима их выгнала, но к нам  
Они воротятся весною.

Им лучше в дальних небесах;  
Но нам без них свод неба тесен:  
Нам только эхо вольных песен  
Осталось в избах и дворцах.  
Их песни звучною волною  
Плывут к далеким берегам;  
Зима их выгнала, но к нам  
Они воротятся весною.

Нам, птицам стороны глухой,  
На их полет глядеть завидно...  
Нам трудно петь — так много видно  
Громоновых туч над головой!  
Блажен, кто мог в борьбе с грозой  
Отдаться вольным парусам...

Зима их выгнала, но к нам  
Они воротятся весною.

Они на темную лазурь  
Слетятся с громовым ударом,  
Чтоб свить гнездо под дубом старым,  
Но не согнувшимся от бурь.  
Усталый пахарь за сохою,  
Навстречу вольным голосам,  
Зальется песнями, — и к нам  
Они воротятся весною.

[1862]

## НОВЫЙ ФРАК

Соблазнами большого света  
Не увлекаться нету сил!  
Откушать, в качестве поэта,  
Меня вельможа пригласил.  
И я, как все, увлекся тоже...  
Ведь это честь, пойми, чудаки:  
Ты будешь во дворце вельможи!  
Вот как!

Я буду во дворце вельможи!  
И заказал я новый фрак.

С утра, взволнованный глубоко,  
Я перед зеркалом верчусь;  
Во фраке с тальею высокой  
Низенько кланяться учусь,  
Учусь смотреть солидней, строже,  
Чтоб сразу не попасть впросяк:  
Сидеть придется ведь с вельможей!  
Вот как!

Сидеть придется ведь с вельможей!  
И я надел свой новый фрак.

Пешечком выступаю плавно,  
Вдруг из окна друзья кричат:  
«Иди сюда! Здесь завтрак славный».

Вхожу: бутылок длинный ряд!  
— С друзьями выпить? Отчего же...  
Оно бы лучше натошак...

Я, господа, иду к вельможе!

Вот как!

Я, господа, иду к вельможе,  
На мне недаром новый фрак.

Иду, позавтракав солидно,  
Навстречу свадьба... старый друг...  
Ведь отказаться было б стыдно...

И я попал в веселый круг.

И вдруг... ни на что не похоже —

Стал краснее от вина как рак.

— Но, господа, я зван к вельможе —

Вот как!

Но, господа, я зван к вельможе,

На мне надет мой новый фрак.

Ну, уж известно, после свадьбы

Бреду, цепляясь за забор,

А все смотрю: не опоздать бы...

И вот полъезд... и вдруг мой взор

Встречает Лизу... Правый боже!

Она дает условный знак...

А Лиза ведь милей вельможи!..

Вот как!

А Лиза ведь милей вельможи,

И ей не нужен новый фрак.

Она связала с меня перчатки

И как послушного вола

На свой чердак, к своей кроватке  
Вельможи гостя привела.

Мне фрак стал тяжелей рогожи,  
Я понял свой неверный шаг,  
Забыл в минуту о вельможе...

Вот как!

Забыл в минуту о вельможе  
И... скинул я свой новый фрак.

Так от тщеславия пустого

Мне данный во-время урок

Меня навеки спас — и снова

Я взял бутылку и свисток.

Мне независимость дороже,

Чем светской жизни блеск и мрак.

Я не пойду, друзья, к вельможе.

Вот как!

А кто пойдет, друзья, к вельможе,

Тому дарю свой новый фрак.

[1863]

*СТИХОТВОРЕНИЯ,  
ПРИПИСЫВАЕМЫЕ В. С. КУРОЧКИНУ*

**ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ**

**Я** нашел, друзья, нашел,  
Кто виновник бестолковый  
Наших бедствий, наших зол.  
Виноват во всем гербовый,  
Двуязычный, двуголовый,  
Всероссийский наш орел.

Я сошлюсь на народное слово,  
На великую мудрость веков:  
Двуголовье — эмблема, основа  
Всех убийц, идиотов, воров.  
Не вступая и в споры с глупцами,  
При смущающих душу речах,  
Сколько раз говорили вы сами:  
«Да никак ты о двух головах!»

**Я** нашел, друзья, нашел,  
Кто виновник бестолковый  
Наших бедствий, наших зол.  
Виноват во всем гербовый,  
Двуязычный, двуголовый,  
Всероссийский наш орел.

Оттого мы несчастливы, братья,  
Оттого мы и горькую пьем,  
Что у нас каждый штоф за печатью  
Заклеймен двуголовым орлом.  
Наш брат русский — уж если напьется,  
Нет ни связи, ни смысла в речах:  
То целуется он, то дерется —  
Оттого, что о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,  
Кто виновник бестолковый  
Наших бедствий, наших зол.  
Виноват во всем гербовый,  
Двуязычный, двуголовый,  
Всероссийский наш орел.

Взятки — свойство гражданского мира,  
Ведь у наших чиновных ребят  
На обоих бортах вицмундира  
По шести двуголовых орлят.  
Ну! и спит идиот безголовый —  
Пред зеркалом, внушающим страх —  
А уж грабит, так грабит здорово  
Наш чиновник о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,  
Кто виновник бестолковый  
Наших бедствий, наших зол.  
Виноват во всем гербовый,  
Двуязычный, двуголовый,  
Всероссийский наш орел.

Правды нет оттого в русском мире,  
Недосмотры везде оттого,

Что всевидящих глаз в нем четыре,  
Да не видят они ничего;  
Оттого мы к шпионству привычны,  
Оттого мы храбры на словах,  
Что мы все, господа, двуязычны,  
Как орел наш о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,  
Кто виновник бестолковый  
Наших бедствий, наших зол.  
Виноват во всем гербовый,  
Двуязычный, двуголовый,  
Всероссийский наш орел.

[1857]

Долго нас помещики душили,  
Становые били,  
И привыкли всякому злодею  
Подставлять мы шею.  
В страхе нас квартальные держали,  
Немцы муштровали.  
Что тут делать, долго ль до напасти,  
Покоримся власти.  
Мироеды тем и пробавлялись,  
Над нами ломались,  
Мы-де глупы как овечье стадо —  
Стричь да брить нас надо.  
Про царей поны твердили миру,  
Спьяна или с жиру —  
Сам-де бог помазал их елеем,  
Как же пикнуть смеем?  
Суд Шемякин, до бога высоко,  
До царя далеко;  
Царь сидит там в Питере, не слышит,  
Знай указы пишет.  
А указ как бисером нанизан,  
Не про нас лишь писан;  
Так и этак ты его читаешь —  
Все не понимаешь.  
Каждый бутарь звал себя с нахальством  
Малым начальством.

Знать, и этих, господи ты боже,  
Мазал маслом тоже.  
Кто слышал о 25-м годе  
В крещеном народе?  
Когда б мы тогда не глупы были,  
Давно б не тужили.  
Поднялись в то время на злодеев  
Кондратий Рылеев,  
Да полковник Пестель, да иные  
Бояре честные.  
Не сумели в те поры мы смело  
Отстоять их дело,  
И сложили головы за братьей  
Пестель да Кондратий.  
Не найдется, что ль, у нас инова  
Друга Пугачева,  
Чтобы крепкой грудью встал он смело  
За святое дело.

## ПАРНАССКИЙ ПРИГОВОР

**Ш**ум, волнение на Парнасе,  
На Парнасе все в тревоге,  
И, смущенные, толпами  
На совет собирались боги.  
С гор заоблачного Пинда  
И с вершины Геликона  
Боги мчатся в колесницах  
По призыву Аполлона.

Для чего ж богов собрание  
На заоблачном Парнасе?  
Кто сей смертный, с тусклым взглядом,  
Прилетевший на Пегасе?  
Кто он, вялый и ленивый,  
Неподвижный как Обломов,  
Стал безмолвно и угрюмо,  
Окруженный тучей гномов?..

И божественные гости,  
Полукругом став у трона,  
С нетерпением ждали речи  
От красавца Аполлона.  
И сказал он: «Смертный! молви:  
У богов чего ты просишь?»

На земле своей далекой  
Ты какое звание носишь?»  
И ответил смертный: «Русский  
Я писатель! На собрата  
Приношу донос вам, боги,  
И молю вас — в наказание  
С обвиненным будьте строги.  
Он, как я, писатель старый,  
Издав он роман недавно,  
Где сюжет и план рассказа  
У меня украл бесславно...  
У меня — герой в чахотке,  
У него портрет того же;  
У меня — Елена имя,  
У него — Елена тоже.  
У него все лица также,  
Как в моем романе, ходят,  
Пьют, болтают, спят и любят...  
Наглость эта превосходит  
Меры всякие... Вы, боги,  
Справедливы были вечно  
И за это преступление  
Вы накажете, конечно».

Смертный смолк... Вот спорят боги,  
Шум и говор окрест трона,  
Наконец громовый голос  
Раздается Аполлона:  
«Мы с сестрой своей Минервой  
Так решили, смертный! Право  
Твое дело и наказан  
Будет недруг твой лукавый.  
И за то он, нашей властью,

На театре будет вскоре  
Роль купца играть немую  
Бессловесно в «Ревизоре».  
Ты же, — так как для романа  
У тебя нет вновь сюжета, —  
На казенный счет поедешь  
Путешествовать вокруг света.  
Верно, лучшее творенье  
Ты напишешь на дороге.  
Так решаем на Парнасе  
Я, Минерва и все боги».

1860

ИЗ ЦИКЛА  
«КОНКУРСНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ НА  
ЗВАНИЕ ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕ-  
ЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»

**Я** трепетал,  
    Как говорил,  
Явившись в зал,  
    Славянофил.  
**Я** изнывал  
    От ног до плеч,  
Как он читал  
    Собратьям речь.  
**Я** тосковал  
    И тер свой лоб,  
Как он строгал  
    Европе гроб,  
Как Запад клал,  
    И мудр и строг,  
**И** прославлял  
    Один Восток.  
**И** тех идей  
    Водоворот  
В душе мей  
    Переворот

Тогда свершил,  
К Москве свой взор  
Я устремил,  
Поддевку сшил  
И стал с тех пор  
Славянофил!

[1860]

## ПРАЗДНАЯ СУЕТА

Стихотворение великосветского  
поэта графа Чужеземцева

*Посвящается автору «La nuit de St.-Sylvestre»<sup>1</sup>  
и «Истории двух калош»  
(Перевод с французского)*

Был век славный, золотой,  
Век журнальной знати,  
Все склонялись перед той  
Силой нашей рати.

Всё вельможи, важный тон...  
Но смешались краски —  
И пошли со всех сторон  
Мошки свистопляски.

Бородатый демократ  
Норовит в Солоны;  
Оскорбить, унижить рад  
Светские салоны.

Грязь деревни, дымящих сел  
В повестях выводит,

---

<sup>1</sup> «Ночь под Новый год». — Ред.

Обличает кучу зол,  
Гласность в моду вводит.

Свел с ума его — Прудон,  
Чернышевский с Миллем,  
А о нас повсюду он  
Пишет грязным стилем.

А глядишь — о, века срам!  
Прогрессистов каста  
Без перчаток по гостям  
Ходит очень часто.

А глядишь — Прудона друг,  
Сочиня книжки,  
Носит вытертый сюртук,  
Грязные манишки.

Нас нигде он не щадит,  
Отзываясь грубо,  
Даже гения не чтит  
Графа Соллогуба.

Им давно похоронен  
Автор «Тарантаса»;  
И не шлет ему поклон  
Молодая раса.

Где же автор «Двух калош»  
С грузом старой ноши?  
Нет! теперь уж не найдешь  
Ни одной калоши!

Что ж? быть может, Соллогуб  
Уступил без бою?  
Иль как старый, мощный дуб  
Был спален грозою?

Нет, он в битвах не бывал,  
Не угас в опале,  
Но свой гений пробуждал  
Вновь в Пале-рояле.

Что ж? быть может, наблюдав  
Там он русских нравы  
И себе приготавливал  
Новый путь для славы?

Нет, ему российских муз  
Лавры опостыли,  
Он в Париже, как француз,  
Ставил водевили.

Что ж? быть может, он стяжал  
Лавры и на Сене,  
И Париж его встречал,  
Павши на колени?

Нет, и там он как поэт  
Не был запеваля,  
Хоть порой его куплет  
Ригольбош певала...

Вот парадный, пышный зал,  
Туш, финал из «Цамцы»,  
Кверху поднятый бокал,  
Спичи, люстры, лампы,

И напудренный конгресс  
Старичков зеленых,  
И старушек — целый лес,  
Пышных, набеленных,

Немец-гость, сказавший речь,  
Звуки контрабаса,  
И маститый старец Греч,  
Автор «Тарантаса»,

Дев прекрасных хоровод  
В русских сарафанах  
И гостей безмолвных извод  
Длинный на диванах,

На эстраде, все в цветах,  
В виде панорамы,  
С поздравленьем на устах  
Дамы, дамы, дамы!

Все — вокруг стола; гостям,  
С гордостью сознанья,  
За столом внимает сам  
Президент собрания.

Тут парижский виц-поэт  
С расстановкой, басом  
Спел хозяину куплет  
Вслед за контрабасом:

«Не умрешь ты никогда, —  
Пел он в длинной оде: —  
Ты последняя звезда  
На туманном своде,

Ты живой улик<sup>1</sup>ой стал  
Века чахлым детям...  
И пошел, и распевал,  
Верен мыслям этим.

Пел поэт. Весь замер зал...  
Стоя за эстрадой,  
Я, как все, ему внимал  
С тайною отрадой.

О поэт! Ты тот же был  
На Неве, на Сене!  
И я мысленно твердил:  
«Bene, bene, bene!»<sup>1</sup>

В наш немой, пустынный век,  
Век без идеала,  
Ты единый человек  
Старого закала!

1861

---

<sup>1</sup> Хорошо, хорошо, хорошо! — *Ред.*

На мрачном темном фоне появляются три угрожающие тени. . . Затем следует страшная сцена, достойная Шекспира:

Тени сходятся и начинают погребальную пляску, схватившись руками.

Тень 1-я

Смерть идет,  
Гром ревет!  
Ночь и мгла!  
Смерть поет. . .

Тень 2-я

Кто поет  
Вести зла?

Тень 3-я

Черный кот!

Тень 2-я

Гром ревет!  
Тучи рвет  
Ветра стон. . .

Тень 3-я

Сгинь и сгинь,  
Пропади,  
Фельетон!

**Все вместе**  
**Пропади, пропади, фельетон!**

(Танец прекращается.)

**Тень 1-я**  
**Беда идет, беда!**  
**Летала я...**

**Тень 2-я**  
**Куда?**

**Тень 1-я**  
**В журнальный ад,**  
**Где в каждом — грех**  
**Казнит сто крат**  
**Мертвящий смех,**  
**Где судят ложь**  
**И злобы смрад,**  
**Где новых лож**  
**Открылся ряд.**  
**От эпиграмм**  
**Пощады нет...**

**Тень 2-я**  
**О срам! О срам!..**

**Тень 3-я**  
**Позор газет!..**

**Тень 2-я**  
**Скорей собирайтесь дружно в ряд!**  
**Казнить, казнить мы их должны:**  
**Готовьте зелье им и яд...**

Тень 3-я

А как зовут их?

Тень 1-я

Свистуны!

Общий хор

Мяукни, кот!

Сова, завой!

Свисток идет:

Готовьтесь в бой.

Мрак, свет гони,

Ломайся, лес!

Прогресс, прогресс

Похорони!

(Тени исчезают.)

1861

## МОСКОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

(Мотив из «Русского Вестника»)

Пусть времен новейших пресса,  
Родясь едва,  
Твердит в честь русского прогресса  
Одни слова.

Пусть мы, от времени в угаре,  
Ему сулим,  
Как говорит де Молинали:  
*Succès d'estime.*<sup>1</sup>

Когда с свистками все издания  
Пустились вскачь,  
Пусть всех смутят мои рыдания,  
Мой горький плач.

И я пошел всем демагогам  
Наперерез,  
И вдохновенным монологом  
Смутил прогресс:

«Зачем ты здесь, Европы житель?  
Какой зефир

---

<sup>1</sup> Успех из уважения к имени. — *Ред.*

Занес тебя в спю обитель,  
В славянский мир?

Иди ты к немцам для порядка,  
Иди в Париж,  
У нас все глушь, все Пермь да Вятка,  
У нас Курмыш.

В твоих писаньях много литей  
И громких слов,  
Ведь от тебя наш шумный Питер  
Пустоголов.

Одна Москва, храня преданья,  
Тебя казнит,  
И в лихорадке отрицанья  
Не задрожит.

Гляди, заносчивый прелестник,  
За тенью тень:  
У нас в зените «Русский Вестник»,  
В восходе «День».

У нас есть хлеб на многи лета,  
У нас есть квас,  
К чему нам пряности памфлета  
И перец фраз?

К чему ж шумит, что обличает  
Наш пустозвон?  
Как пес на знание он лает  
Со всех сторон.

Вся эта пляска обличенья,  
Полемика блажь  
Есть гниль и признак разложенья,  
Страстей мираж.

Схватив в науке лишь верхушки,  
Одни вершки,  
Нам кутежей зловредны кружки,  
Вредны — кружки.

Кружки — есть альфа и омега  
Всех наших бед,  
В них наша праздность, ложь и нега,  
Утопий бред.

Кружки — позор великорусса,  
Чума умов;  
В них и для минуса и плюса  
Привет готов.

В кружках читают Молешотта,  
Прудона чтут,  
А Ахшарумова и Грота  
Не признают.

## КУМУШКИ

— Эх! не плачь, кума!  
Значит — дело земское!..  
— Знаю и сама,  
Да ведь сердце женское.  
Врозь с ним — нет житья...  
— Не вернешь Кондратьева,  
Вышла — вишь — статья  
Гнать, и гнать, и гнать его.

Знай! везде бедняк  
(В умных книгах значит)  
До могилы так  
Все с бедой маячится.  
Мать на свет родит —  
Нечем воспитать его,  
И судьба спешит  
Гнать, и гнать, и гнать его.

Бедняки снесут —  
Сладко ли, не сладко ли —  
Всё: по шее ль бьют,  
Лупят под лопатку ли.  
Сирому — сна нет,  
Давит зло как тать его,

И один ответ —  
Гнать, и гнать, и гнать его.

Раз уйдет от зла —  
Словно жизнь и ладится,  
Глядь — из-за угла  
Снова горе крадется.  
Так не плачь, кума!  
Позабудь Кондратьева:  
Нужно из ума  
Гнать, и гнать, и гнать его.

1861

## ПОДРАЖАНИЕ СОВРЕМЕННЫМ ЛИРИКАМ

Мне был не страшен жизни холод,  
Когда я с ней вдвоем сидел:  
Блажен, кто смолоду был молод,  
Блажен, кто во-время созрел!  
При взгляде девы черноокой  
Я был немым ее рабом,  
Безеет парус одинокий  
В тумане моря голубом.  
Но легче призрака Ундины  
Она явилась и ушла,  
Скажи мне, ветка Палестины,  
Где ты росла, где ты цвела?  
И все мне снилась ночь свиданья,  
Скалистый берег под луной,  
Печальный демон, дух изгнанья,  
Летал над грешною землей.  
О, сколько новых угрызений,  
Рыданий жгучих и тревог!  
Деревня, где скучал Евгений,  
Была прелестный уголок.  
Как обесславленный предатель,  
Бродил я с пасмурным лицом,  
Что за комиссия, создатель,  
Быть взрослой дочери отцом!

[1862]

## ОТЦЫ ИЛИ ДЕТИ?

### *Параллель*

Уж много лет без утомленья  
Ведут войну два поколения,  
Кровавую войну;  
И в наши дни в любой газете  
Вступают в бой «Отцы» и «Дети»,  
Разят друг друга те и эти,  
Как прежде, в старину.

Мы проводили, как умели,  
Двух поколений параллели  
Сквозь мглу и сквозь туман.  
Но разлетелся пар тумана:  
Лишь от Тургенева Ивана  
Дождались нового романа, —  
Наш спор решил роман.

И мы воскликнули в задоре:  
«Кто устоит в неравном споре?»  
Которое ж из двух?  
Кто победил? кто лучших правил?  
Кто уважать себя заставил:  
Базаров ли, Кирсанов Павел,  
Ласкающий наш слух?

В его лицо взгляните строже:  
Какая нежность, тонкость кожи!  
Как снег бела рука.  
В речах, в приемах — такт и мера,  
Величье лондонского «сэра», —  
Ведь без духов, без несессера  
И жизнь ему тяжка.

А что за нравственность! О боги!  
Он перед Феничкой, в тревоге,  
Как гимназист дрожит;  
За мужика вступаясь в споре,  
Он иногда, при всей конторе,  
Рисуясь с братом в разговоре,  
«Du calme, du calme!»<sup>1</sup> — твердит.

Свое воспитывая тело,  
Он дело делает без дела,  
Пленяя старых дам;  
Садится в ванну, спать ложась,  
Питает ужас к новой расе,  
Как лев на Брюлевской террасе  
Гуляя по утрам.

Вот старой прессы представитель.  
Вы с ним Базарова сравните ль?  
Едва ли, господа!  
Героя видно по приметам,  
А в нигилисте мрачном этом,  
С его лекарствами, с ланцетом,  
Геройства нет следа.

---

<sup>1</sup> Спокойствие! Спокойствие! — *Ред.*

Он в красоте лишь видит формы,  
Готов уснуть при звуках «Нормы»,

Он отрицает и...

Он ест и пьет, как все мы тоже,  
С Петром беседует в прихожей,  
И даже с горничной, о боже!

Играть готов итти.

Как циник самый образцовый,  
Он стан madame де Одицовой

К своей груди прижал,

И даже, — дерзость ведь какая, —  
Гостеприимства прав не зная,  
Однажды Феню, обнимая,

В саду поцеловал.

Кто ж нам милей: старик Кирсанов,  
Любитель фесок и кальянов,

Российский Тогенбург?

Иль он, друг черни и базаров,  
Переродившийся Инсаров —  
Лагушек режущий Базаров,

Неряха и хирург?

Ответ готов: ведь мы недаром  
Имеем слабость к русским барам —

Несите ж им венцы!

И мы, решая все на свете,  
Вопросы разрешили эти...

Кто нам милей — отцы иль дети?

Отцы! отцы! отцы!

## ПРОСЬБА

Я, жены севера, ныне с участием  
К вам обращаюсь с благими советами,  
Ваше развитие считая несчастьем,  
Вашу ученость — дурными приметам.

Пусть перед мудростью женскою — муж  
иной

Рад предаваться в душе умилению, —  
Встретясь с Авдотьей Никитишной  
Кукшиной,

К новому я прихожу убеждению.

Женщины севера, в помыслах строгие,  
Анны, Варвары, Лукерьи и Софии!  
Бойтесь вы физики, эмбриологии,  
И математики, и философии.

Бойтесь как язвы ~~якшаться~~ с студентами  
В Думе на лекциях, в аудитории;  
Но развлекайтесь нарядами, лентами  
Вместо всеобщей и русской истории.

Лучше держитесь порядка вы старого!  
Скучно ведь думать и чувствовать заново.  
Замуж идите — но не за Базарова,  
А уж скорее за Павла Кирсанова.

Знайте, о женщины: эманципация  
Лишь унижает сословье дворянское;  
Вдруг в вас исчезнет опрятность и грация,  
Будете пить вы коньяк и шампанское.

Сбросив наряды душистые, бальные,  
Станете ногти носить безобразные,  
Юбки, манишки, белье некрахмальное  
И разговаривать, точно приказные.

Нет, позабудьте все пренья бесплодные,  
Будьте довольны, как прежде, рутиною,  
Вечно нарядные, вечно свободные,  
Бойтесь встретиться с мыслью единою.

Чем утомляться в ученых вам прениях,  
Лучше хозяйкою быть полнокровною,  
«Дамой, приятной во всех отношениях»  
Или Коробочкой, Дарьей Петровною.

## ПОСЛЕДНИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ

*(Еще свежее предание)*

Когда в челе своих дружин,  
Победу празднуя заране,  
Стоял Аксаков Константин, —  
Мужази духом все славяне.

«Маяк», дремавший столько лет,  
Вновь проявил свой голос смелый,  
И «Москвитянина» скелет  
Забыл в гробнице саван белый.

Пронесся клик: «О смелый вождь,  
Пробей к народности ты тропу,  
Лишь прикажи: каменьев дождь  
Задавит дряхлую Европу;

Иди, оставь свой дом и одр, —  
Кричат славянские витии: —  
И все, что внес в Россию Петр,  
Гони обратно из России.

Верь прозорливости друзей:  
Назад, назад идти нам надо!  
Для этих западных идей  
Безумны милость и пощада».

И вождь им радостно внимал,  
Бичуя Запада пороки.  
«Мы стоим, — он восклицал, —  
За честь „народной подошлеки“!»

В негодовании, в те дни  
Славяне фраки с плеч срывали  
И за Москвою жгли огни,  
И на кострах их сожигали;

Славяне в мурмошках, в бобрах,  
Сидели, с злобою циклопа,  
И ждали — скоро ли во прах  
Падет разбитая Европа.

Но время шло. Редел их круг;  
Не улыбалась им победа;  
Среди усилий и потуг  
Угасла «Русская Беседа»;

Перун угрюмый, чтимый встарь,  
Упал, крапивою зарастая,  
И только «Светоча» фонарь  
Чадил, кого-то впримиряя.

Во тьме гробов своих немых  
Лег за боярином боярин,  
Осталось двое только их:  
Иван Аксаков и Самарин.

Разбит славянский их кумир,  
Едва мерцает «День» в тумане,

И одиноко в новый мир  
Глядят последние славяне.

Они глядят — и взор их ждет:  
Вот богатырь Илья очнется,  
Перун поднимется, — вот-вот  
Вся Русь старинная проснется.

Ответа нет. Тот век почил;  
И вот, собрав остаток силы,  
У позабытых двух могил  
Сошлись на пир славянофилы.

Сошлись и молвили они:  
«Вот здесь, средь дедовских угодий,  
Нам близки только в эти дни —  
Один Кирилл... один Мефодий».

Пируют... речи их мертвы,  
Бессильны гневные угрозы;  
На дно широкой енды  
Они роняют только слезы.

И в даль, угрюмо, сквозь туман  
Глядят последние славяне, —  
А им Погодин как баян  
Читает спичи на кургане.

1882

## СКАЗКА О ВОСТОЧНЫХ ПОСЛАХ

Шлет нам гостинцы Восток  
Вместе с посольством особым.  
— «Ну-ка, веди, мужичок,  
Их по родимым трущобам».  
Ходят. Всё степи да лес,  
Всё как дремотой одето...  
— «Это ли русский прогресс?»  
— «Это, родимые, это!...»

В села заходят. Вросли  
В землю, согнувшись, избытки;  
Чахлае стадо пасли  
Дети в одной рубашонке;  
Крытый соломой навес...  
Голос рыдающий где-то...  
— «Это ли русский прогресс?»  
— «Это, родимые, это!...»

Город пред ними. В умах  
Мысль, как и в селах, дремала,  
Шепчут о чем-то впотьмах  
Два-три усталых журнала.  
Маски продажных метресс...  
Грозные цифры бюджета...

— «Это ли русский прогресс?»

— «Это, родимые, это!..»

Труд от зари до зари,  
Бедность — что дальше, то хуже...

Голод, лохмотья — внутри,

Блеск и довольство — снаружи...

Шалости старых повес,

Тающих в креслах багета...

— «Это ли русский прогресс?»

— «Это, родимые, это!..»

— «Где ж мы, скажи нам вожак?

Эти зеленые зимы,

Голые степи и мрак...

Полно, туда ли зашли мы?

Ты нам скажи наотрез,

Ждем мы прямого ответа:

Это ли русский прогресс?»

— «Это, родимые, это!..»

1882

## НА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКЕ

### I

Нищие (г. Гаугера)

**В**ѣтхъ нищихъ мы напрасно  
Бедняковъ несчастныхъ ищемъ:  
Мне, смотря на нихъ, ужасно  
Быть такимъ хотѣлось нищимъ.

1862

### II

Къ картине «Битая дичь»  
г. Граверта

**З**дѣсь въ указатель глядеть не приводится,  
Можно здѣсь разомъ постичь,  
Что на картинахъ предъ нами находится  
Дичь, господа, только дичь!..

1869

## ЮМОРИСТАМ

Юмористы! смейтесь все вы,  
Только пусть ваш стих  
Как улыбка юной девы  
Будет чист и тих.  
Будьте скромны как овечка,  
Смейтесь без тревог,  
Но от желчного словечка  
Сохрани вас бог!..

Без насмешки, без иголок,  
Весело для всех,  
Смейтесь так, чтоб не был колок  
Безобидный смех;  
Чтоб ребенок в колыбели  
Улыбнуться мог...  
От иной гражданской цели  
Сохрани вас бог!..

Смейтесь... ну хоть над природой —  
Ей ведь нет вреда,  
Над визитами, над модой  
Смейтесь, господа;  
Над ездой в телеге тряской  
Средь больших дорог...  
От знакомства с свистопляской  
Сохрани вас бог!..

Пойте песнь о стройном фронте,  
О ханже, хлыще,  
Только личностей не троньте,  
Смейтесь — вообще...  
И от кар, от обличений  
Вдоль и поперек,  
От новейших всех учений —  
Сохраня вас бог!..

## СОВЕТ

В собственном сердце и  
уме человека должна быть  
внутренняя полиция...

*Н. Павлов.*

От увлечений, ошибок горячего века  
Только «полиция в сердце» спасет человека;

Только тогда уцелеет его идеал,  
Если в душе он откроет бессменный квартал.

Мысль, например, расшалится в тебе не на  
шутку —  
Тотчас ее посади ты в моральную будку;

В голову ль вдруг западет неприличная  
блажь —  
Пусть усмирит ее сердца недремлющий  
страж;

Кровь закипит, забуянит в тебе через меру,  
С ней, не стесняясь, прими полицейскую  
меру.

Ставь обвинителем собственной злобы и лжи  
И на веревочке ум свой строптивый держи.  
Знайте ж, российские люди — и старцы  
и дети:  
Только с «полицией в сердце» есть счастье  
на свете.

1863

## ПРОСЕЛКОМ

Раз проселочной дорогою  
Ехал я — передо мной  
Брел с котомкою убогою  
Мужичок, как лунь, седой.

На ногах лаптишки смятые,  
Весь с заплатками армяк.  
Верно, доля небогатая  
Тебе выпала, бедняк!

Подпираясь палкой длинною —  
Путь-то, верно, был далек, —  
Брел он с песней заунывною.  
— «Дядя, сядь на облучок!»

Сел старик. Седую бороду  
Только гладит. — «Ты куда?»  
— «Пробираюсь, барин, к городу.  
Ждут оброка господа,

Крепко староста наказывал...  
Вот бреду, болит спина...»  
И, склонившись, мне рассказывал  
Свою повесть старина.

— «Погоди, дед! С тяжелой болюю  
Ты не ляжешь умирать,  
На отчизну божьей волею  
Сходит мир и благодать;

После лет долготерпения,  
Бесконечного труда,  
Под лучами просвещения  
Смокнет лютая нужда.

От Его Превосходительства  
Слышал я, — а он мне зять, —  
Что теперь само правительство  
Будет слабых защищать».

В мужике сердечный пламень я  
Этой речью оживил,  
И старик честное знаменье  
С благочестьем сотворил.

[1863]

## ФАНТЫ

*Современная земля*

*(Посвящается детям, начинающим учиться  
русской азбуке)*

Бросив газет беспорядки  
И отрицания сети,  
Будем играть хоть в загадки,  
Милые дети!

Будем, вверяясь року,  
Чужды задорного спора,  
Всё понимать по намеку  
Быстро и скоро.

Дети! в вас эти таланты  
Крепки с самой колыбели...  
Ну, так сыграемте в фанты  
Мы, в самом деле!

Классную доску я вытер.  
Слушать! займемся мы делом:  
Азбуки тридцать шесть литер  
Вывел я мелом.

Аз — первый фант, нас зовущий!  
Кто же враг западных фраков.

Западной прессы гнущей?  
Кто же? — А...<sup>1</sup>

Кто о гибели края  
С эманципацией женской  
Воеет, нам ад предрекая,  
Кто? — А...

Новая литера: *Буки!*  
Кто, русский эпос прославив,  
Сделался дивом науки?  
Кто же? — Б...

Кто в фельетонах (чуждаясь  
Всяческих *истов и слов*),  
В прессу явился, ругаясь?  
Кто же? — Б...

Литера *Веди!* В народе  
Кто для журнальных курьезов  
Гейне терзал в переводе?  
Кто? — В...

Вот подошли я к *Глаголю*.  
Кто же над «бомбами» века  
В жизни наплакался вволю?  
Кто же? — Г...

---

<sup>1</sup> Вот разгадки всех загадок по порядку: Аксаков, Асоченский, Буслаев, Безрылов, Водовозов, Громска, Глинка, Дьяченко, Дружинин, Катков, Касьянов, Краевский, Кори, Молилари, Погодин, Скаратин, Щербина, Юркевич. — *Ред.*

В чьих песнопеньях, о дети!  
Каждая строчка — слезинка?  
Кто всех скучнее на свете?  
Кто ж это? — Г...

Вот и *Добро* вам на смену.  
Кто (и его ждет оценка)  
Вывел животных на сцену?  
Кто же? — Д...

Кто для русского мира  
Вечно был скучен и длинен?  
Кто обрусил нам Шекспира?  
Кто же? — А...

Кто...  
Пишет «заметки» сурово?  
Дети все плачут, услыша  
Имя?.. — К...

Кто земляков из Парижа  
И из его ресторанов  
Гонит?.. Мазютка, пойми же —  
Кто он? — Л...

Кто постоянно рифмуем  
С рифмой избитою: «невский»?  
Кто свистунами волнуем?  
Кто он? — К...

Кто одиноке и сирот,  
В битвах ослабнувший вскоре,  
Бросил свой жезл триумфара?  
Кто ж это? — Б...

Вот и *Мыслете*. О, кто ты,  
Славивший в лютом угаре  
Разные тяжкие льготы?

Кто? — *М...*

Кто под охраной *Покоя*  
Стал для науки негоден?  
Дети! шепну на ушко я —

Это... *П...*

*Литера Слово*. Загадки  
Смысл, вероятно, понятен:  
Ржет в постоянном припадке  
Только... *С...*

Кто он, сорвавший гиматий  
С музы афинской в час сплива,  
Пост завещавший для братий?

Кто он? — *Щ...*

Кто он, воспевавший нам лозы,  
В деле наук — Собакевич,  
Бюхнеру славший угрозы?

Кто он? — *Ю...*

Здесь остановимся, дети!  
Что ж, непонятно вам? или  
Новые ребусы эти  
Вы разрешили?

ИЗ ЦИКЛА «ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ»  
С ГРАЖДАНСКИМ ОТЛИВОМ.

(Посвящается А. Фету)

I

Холод, грязные селенья,  
Лужи и туман,  
Крепостное разрушенье,  
Говор поселян.  
От дворовых нет поклона,  
Шапки набекрень,  
И работника Семена  
Плутовство и лень.  
На полях — чужие гуси,  
Дерзость гусенят, —  
Посрамленье, гибель Руси,  
И разврат, разврат!..

II

Солнце спряталось в тумане.

Там, в тиши долины

Сладко спят мои крестьяне —

Я не сплю один.

Летний вечер догорает,

В избах огоньки,

Майский воздух холодает —  
Спите, мужички!

Этой ночью благовонной,  
Не смыкая глаз,  
Я придумал штраф законный  
Наложить на вас.  
Если вдруг чужое стадо  
Забредет ко мне, —  
Штраф платить вам будет надо...  
Спите в тишине!

Если в поле встречу гуся,  
То (и буду прав)  
Я к закону обращуся  
И возьму с вас штраф;  
Буду с каждой я коровы  
Брать четвертаки.  
Чтоб стеречь свое добро вы  
Стали, мужички...

ИЗ ЦИКЛА «ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ  
БЕЗ ГРАЖДАНСКОГО ОТЛИВА»

Тихая, звездная ночь.  
Друг мой, чего я хочу?  
Сладки в сметаве грибы  
В тихую звездную ночь.

Друг мой, тебя я люблю,  
Чем же мне горю помочь?  
Будем играть в дурачки  
В тихую звездную ночь.

Друг мой! Умен я всегда,  
Днем я — от смысла непрочь.  
Лезет в меня ерунда  
В теплую звездную ночь.

1863

Пусть травы на воде русалки колышут,  
Пусть живая трель ярка у соловья,  
Но звуки тишины ночной не прерывают...  
Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я.  
Пусть широкий круг бежать по влаге  
гладкой,  
Порой тяжелый карп плеснет у тростников;  
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;  
Уснули рыбаки у сонных огоньков.  
Скользит и свой двойник на влаге созерцает,  
Как лебедь молодой, луна среди небес.  
Русалка белая небрежно выплывает;  
Уснуло озеро; безмолвен черный лес.

1863

**К ПЬЕСЕ «ЧУЖАЯ ВИНА»**

**Г. УСТРЯЛОВА**

**Э**та драма назваться должна,  
Чтоб избежать скандала немалого,  
Уж совсем не «Чужая вина»,  
А вина — господина Устрялова.

*1864*

А. МАЙКОВУ И Ф. БЕРГУ,  
СТАВШИМ ПОСТОЯННЫМИ СОТРУД-  
НИКАМИ ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА  
«ДЕЛО И ОТДЫХ»

**В**ы правы, милые певцы!  
Все изменяется на свете:  
Не признавали вас *отцы*,  
Так, может быть, признают *дети*.  
[1865]

## АНАЛОГИЯ СТИХОТВОРЦА

**«Я** — новый Байрон!» Так кругом  
Ты о себе провозглашаешь.

Согласен в том:

Поэт Британии был хром;  
А ты — в стихах своих хромаешь.

[1865]

ПРИ ПОСЫЛКЕ РОМАНА  
«ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»

Доктора в леченьи страины.  
Все они — не смело ли? —  
Говорят: морские ванны  
Многим пользу делали.

Эта книга — тоже «море  
*Взбаламученное*»,  
Встретит в нем большое горе  
Грудь измученная.

И теперь пред целым светом  
Я на ванны эти сетую  
И купаться в море этом  
Вам я не советую.

[1865]

От германского поэта  
Перенять не в силах гений,  
Могут наши стихотворцы  
Брать размер его творений.

Пусть рифмует через строчку  
Современный русский Гейне,  
А в воде подобных песен  
Можно плавать как в бассейне.

Я стихом владею плохо,  
Но — клянусь здесь перед всеми —  
Напишу я тем размером  
Каждый вечер по поэме,

Каждый вечер по поэме,  
Без усидчивой работы,  
Где слетутся через строку  
Вместе с рифмами остроты.

Начинающим поэтам  
Я могу давать уроки,  
Как писать стихотворенья  
В незначительные сроки,

Как писать такие песни  
(Изучил я ту науку),

Чтоб читатель был доволен,  
И редактор сжал вам руку.

Превосходная манера!..  
Учит нас прием готовый  
Вместо шляпы Циммермана  
Надевать венок лавровый.

Я постиг отлично тайну,  
Как писать оригинально:  
Стих начну высокопарно,  
А окончу — тривиально.

Запою я песню звездам,  
Вспомню лилий, незабудок,  
А потом замечу *кстати*,  
Что расстроил я желудок.

Расскажу я в песне «к деве»,  
Как мои объятья жарки, —  
И при этом ей напомним  
Про горячие припарки.

Фимнам курия природе,  
Я воскликну вдруг: о россы!  
Все по улицам столицы  
Курыт нынче папирсы.

Заведу я речь о неграх,  
О Жюль Симоне, Жюль Фавре,  
А потом перескачу я  
Хоть к своей кухарке Мавре.

Неожиданно сближая  
Всевозможные предметы,  
Я уверен, — о читатель! —  
Что талант найдешь во мне ты!..

А затем, чтоб журналисты  
Поднесли мне лист похвальный,  
Оскорблять я их не стану  
Эпиграммою нахальной.

Мимоходом не надену  
Я на них колпак дурацкий,  
Чтоб они меня не звали  
«Голью нравственной кабацкой».

Целый ряд живых событий  
Обходя небрежно мимо,  
Буду брать сюжет из мифов  
Древней Аттики иль Рима.

И тогда согласным хором  
Посреди журнальной свалки  
Запоют мне песню славы  
Все скворцы, стрижи и галки.

## ЛИРИК

### I

Лет . . . неизвестных он лет.  
Ясный как день, напомаженный —  
Ходит счастливый поэт,  
Словно аму́р переряженный,  
Смотрит на всех свысока...  
Барышня лет сорока  
Шлют ему с краской девической  
Вздохи любви платонической.

### II

Кудри отбросив назад,  
В песне искусственно-пламенной  
В каждой гостиней он рад  
Бросить свой стих отчеканенный,  
Нежа и сердце и слух  
Пудрой затертых старух,  
Фатов, без дела скучающих,  
И старичков расцветающих.

### III

Льется блестящий каскад,  
Звуки холодные, живые. . .

Блеском подобным горят  
Все бриллианты фальшивые.  
В зале молчанье царят:  
Только поэт говорит,  
Как он однажды в Неаполе  
С нимфой беседовал на поле...

#### IV

Чуждый житейских тревог,  
Бредит он небом Итали;  
В песне не скажет — сапог,  
Скажет наверно — сандалии.  
В Рим переносит нас он:  
Образы римских матрон,  
Лес кипарисный и тополи...  
Все мы неистово топали —

#### V

В зале, когда он читал  
Стансы свои вдохновенные.  
Даже, я сам замечал:  
Лысины очень почтенные,  
В сани влезая, с крыльца  
Вслух поощряли певца,  
Скрыть не могли одобрения  
После публичного чтения.

#### VI

Кончен парадный обед,  
Общество все дожидается,  
Вот наконец сам поэт  
Из-за стола поднимается,

Сделал классический жест  
(Публика больше не ест)  
И с градиозной свободой  
Вдруг разрешается одою.

## VII

Жалок отпетый творец!  
В прессе над ним насмеваются,  
Но не робеет певец:  
Им и теперь увлекаются —  
Барышни лет сорока,  
Два-три седых старика.  
И меж своими знакомыми  
Он осаждаем альбомами.

[1865]

## МОТИВЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

### I

#### Мотив мрачно-обличительный

Мир — это шайка мародеров,  
Где что ни шаг, то лжец иль тать:  
Мне одному такой дан норов,  
Чтоб эту сволочь усмирять.

Не буду петь я: *mia saga!*<sup>1</sup>  
«Ночной зефир струит эфир»,  
Но как гроза, как божья кара  
Заставлю дрогнуть целый мир.

Во все трактиры, рестораны  
Как зоркий страж начну ходить,  
Для вас, общественные раны,  
Я буду пластырем служить.

Во всех приказных, бравших взятки  
(Подогревая в сердце злость),  
Во всех, кто грубы, грязны, гадки,  
Мой стих вопьется, словно гвоздь.

---

<sup>1</sup> Моя дорогая! — *Ред.*

Рысак ли бешеный промчится,  
Спадет ли с злания кирпич,  
Хожалый вздумает напиться —  
Я буду всех разить как бич,  
И стану сам себе дивиться.

Людей сдержу я как уздой  
И буду в жизненном потоке  
Для них живой сковородой,  
Где станут жариться пороки.

[1865]

## II

### Мотив ясно-лирический

Тихий вечер навевает  
Грезы наяву,  
Соловей не умолкает. . .  
Вот я чем живу.  
Месяц льет потоки света. . .  
Сел я на траву, —  
Огоньки сверкают где-то. . .  
Вот я чем живу.  
В летний день в затишьи сада  
Милую зову,  
Поджидаю в поле стадо. . .  
Вот я чем живу.  
Лаской девы ненаглядной,  
Rendez-vous<sup>1</sup> во рву,

---

<sup>1</sup> Свиданием! — *Ред.*

Видом бабочки нарядной —  
Вот я чем живу.  
Я срываю шишки с ели,  
Незабудки рву  
И пою, пою без цели...  
Вот я чем живу.

[1865]

### III

#### Юбилейный мотив

*(Кому угодно)*

Когда сном крепким спал народ,  
И спячка длилась год за годом...  
*(Тут нужно древний эпизод  
Сравнить с новейшим эпизодом)*

Когда на всех, в ком сила есть,  
Смотрела Русь в немом испуге...  
*(Поэт обязан перечестъ  
Здесь юбилятора заслуш.)*

Тогда *(обеденный певец)*  
Встает в порыве вдохновенья)  
Ты появился наконец!  
*(Сбегают слезы умиленья.)*

Как луч из мрачных облаков,  
Ты вдруг сверкнул, нам дал отвагу!..  
*(Чтоб не забыть своих стихов,  
Поэт косится на бумагу.)*

И вот теперь весь этот зал  
Тебя помянет в общем тосте!..  
*(Певец хватает свой бокал,  
А лоб певца целуют гости.)*

1865

IV

М о т и в б е ш е н о - м о с к о в с к и й

Русь героями богата,  
Словно вылита она  
Из гранита и булата,  
И прихода супостата  
Не боится вся страна,  
Не обдаст врагов картечью,  
Не покажет им штыка,  
Но отбросит перед сечью  
Молодецкой, русской речью,  
Просолив ее слегка,  
Этой речью сочной, рьяной,  
Крепкой, цепкой так и сак,  
Забубенной, грозной, пряной,  
Удальством славянским пьяной,  
Едкой, меткой как кулак.  
Кто ж противиться нам может?  
Славянин перед врагом  
Руку за ухо заложит,  
Гаркнет, свистнет и положит  
Супостатов всех кругом.

[1870] «

## ДОБРЫЙ ПЕС

(Басня)

**К** тяжелой конуре привязан,  
Рвался, метался пес:

«За что, за что я так наказан?»

Его хозяин тронут был до слез

И наконец, смягчившись как-то, раз он  
От цепи пса освободил.

Ну что же пес? На шаг не отходил  
От конуры и на цепь вновь просился,  
Как будто с ней спокойствия лишился.

Так ты, газета «Голос»... но едва ль  
Здесь нужно пояснять мою мораль.

1865

\*

## В КАБИНЕТЕ ЦЕНЗОРА

**З**десь над статьями совершают  
Вдвойне убийственный обряд:  
Как православных — их крестят  
И как евреев — обрезают.

1865 (?)

## ИЗ ЦИКЛА «ЗАМЕТКИ»

*(Подражание московскому поэту)*

Проснулась в нем страстей игра,  
За то, что мысль не сходит к барду,  
И вместо прежнего пера  
Схватился он за алебарду.  
Напрасно будочника вид  
Приняв, он ею машет гордо,  
Но на Парнасе Держиморда  
Уж никого не устрасит.

1866

## У ВХОДА В ПРЕССУ

«Кто там?» — «Я истина». — «Назад!  
В вас наша пресса не нуждается». —  
«Я честность!» — «Вон!» — «Я разум!» —  
«Брат,  
Иди ты прочь: вход запрещается». —  
«Ты кто такая?» — «Пропусти  
Без разговоров. Я — субсидия!..»  
— «А, вы у нас в большой чести:  
Вас пропущу во всяком виде я!»

[1867]

## БЕЗЫМЕННОМУ ЖУРНАЛИСТУ

Сразить могу тебя без всякого усилия,  
Журнальный паразит:  
Скажу, кто ты и как твоя фамилья,  
И ты — убит.

[1808]

У тебя, бедняк, в кармане  
Грош в почете — и в большом,  
А в затейливом романе  
Миллионы ни о чем.  
Холод терпим мы, слава же,  
В доме месяц не один,  
А в причудливом романе  
Топят деньгами камин.  
От Невы и до Кубани  
Идиотов жалок век,  
«Идиот» же в том романе  
Самый умный человек.

1868

## НАСУЩНЫЙ ВОПРОС

### Гражданин

**М**олчи, толпа!.. Твой детский ропот  
Тревожит мирный сон граждан.  
Ужели был напрасно дан  
Тебе на свете долгий опыт?..  
Тебя, капризную толпу,  
Ведем мы к истине, к науке  
И, яркий светоч взявши в руки,  
Твою житейскую тропу  
Мы озаряем блеском знанья.  
Среди блестящего собранья  
Мы проливаем много слез,  
Слагая речь за бедных братьев,  
За всех, кто много перенес  
Обид, гонений и проклятий.  
Твоя невзгоды и тоску  
Мы чтим в созданиях поэта  
И среди земского совета  
Даем мы место мужичку;  
Всему, что сирь и убого,  
Мы сострадали столько раз,  
И Ломоносова дорога  
Открыта каждому из вас.  
Чего ж вам надо? Не робей,

Вкушайте знания сладкий сок:  
Сплетем лавровый мы венок  
Для гениального плебея  
И — будь он селянина простой —  
Пред ним преклонимся мы дружно.  
Чего же вам, безумцы, нужно?  
Того ль, чтоб дождик золотой  
Как манна падал прямо с неба,  
Балуя праздностью народ?  
Чего же вам недостает?  
Чего ж хотите?..

Т о л п а

Хлеба! Хлеба!..

[1868]

## РЕНЕГАТ

По недовольной, кислой мине,  
По безобидной воркотне,  
По отвращенью к новизне  
Мы узнаем тебя доныне,  
Крикун сороковых годов!..  
Когда-то, с смелостью неожиданной,  
Среди российских городов, —  
Теоретически-гуманный,  
Ты развивал перед толпой  
Из первой книжки иностранной  
Либерализм еще туманный,  
Радикализм еще слепой.

Каратель крепостного ига,  
Ты рабство презирал тогда,  
Желал свободного труда;  
Ты говорил красно как книга  
О пользе гласного суда.  
Предвестник лучшего удела,  
Такую речь бросал ты в свет:  
«И слово самое есть дело,  
Когда у всех нас дела нет!..  
Глашатай будущей свободы,

Ты в дни печали и невзгод  
Сидел у моря — ждал погоды  
И нам указывал вперед.

Но вот пришло иное время,  
Свободней стала наша речь,  
И рабства тягостное бремя  
Свалилось с крепких русских плеч.  
Открытый суд с толпой «присяжных»  
К нам перешел из чуждых стран;  
Но сонм ораторов отважных  
Вдруг отошел на задний план.  
Защитник слабых, подневольных,  
Переменив свой взгляд, свой вид,  
Теперь, в разряде «недовольных»,  
Порядки новые бранит.

Как промотавшийся повеса,  
Смолк либеральный лицемер  
В толпе друзей полупрогресса,  
Полусвободы, полумер...  
Движеньем новым сбитый с толку,  
Везде чужой, где нужен труд,  
Корит он прессу втихомолку  
И порицает гласный суд;  
Из-за угла и не без страха  
Бросает камни в молодежь  
И оперетки Оффенбаха  
В нем возбуждают злости дрожь.  
Зато порой, по крайней мере,  
Отводит душу он: готов

Отхлопать руки все в партере,  
Когда дают «Говорунов».

О ренегаты! Вам укорю  
Мы не пошлем... Козынь к чему ж  
Давно расстриженных фразеров,  
Сороковых годов кликуш!..  
Их гнев и старческая злоба  
Уже бессильны в наши дни, —  
Так пусть у собственного гроба  
Теперь беснуются они!

1868

## ЖУРНАЛУ «НИВА»

Пусть твой зонт тебя не признает,  
Мы верим в твой успех блистательный  
и скорый:  
Лишь «нива» та дает хороший плод,  
Навоза не жалеют для которой.

1870

## КЛЕВЕТА

**Н**е верьте клевете, что мы стоим на месте,  
Хоть злые языки про это и звонят...

Нет, нет, мы не стоим недвижно, но все  
вместе

**И** дружнодвигаемся... назад.

[1870]

Нельзя довериться надежде,  
Она ужасно часто лжет:  
Он подавал надежды прежде,  
Теперь дощосы подает.

[1870]

## Я. ПОЛОНСКОМУ

*(По поводу его книги «Снопы»)*

**В** поэте этом скромность мне знакома,  
Но все-таки я очень поражен:  
Свои стихи «Снопам» назвал он,  
А где снопы, там и солома.

1871

ПРИ ЧТЕНИИ РОМАНА «ПРИ ПЕТРЕ I»  
СОЧ. КЛЮШНИКОВА И КЕЛЬСИЕВА

**П**о паре ног у них двоих,  
Теперь же, видя вкупе их,  
*Два* автора, на удивленье многим,  
Являются *одним* четвероногим.

1871

**ПО ПРОЧТЕНИИ РОМАНА  
И. ТУРГЕНЕВА «ВЕШНИЕ ВОДЫ»**

**Н**едаром он в родной стране  
Слышет «талантом»... по преданьям;  
Заглавье вяжется вполне  
В его романе с содержанием.  
При чтеньи этих «Вешних вод»  
И их окончивши, невольно  
Читатель скажет в свой черед:  
«Воды, действительно, довольно...»

1872

НА СОЮЗ Ф. ДОСТОЕВСКОГО  
С КН. МЕЩЕРСКИМ

Две силы взвесивши на чашечках весов,  
Союзу их никто не удивился.  
Что ж! первый дописался до «Бесов»,  
До чортиков другой договорился.

1873

## В ФИНЛЯНДИИ

Область рифм — моя стихия,  
И легко пишу стихи я;  
Без раздумья, без отсрочки  
Я бегу к строке от строчки,  
Даже к финским скалам бурым  
Обращаюсь с каламбуром.

[1899]

## ЧИНОВНЫМ НЕМЦАМ

**В** России немец каждый,  
Чинов страдая жаждой,  
За них себя раз пять  
Позволит нам распять.  
По этой-то причине  
Перед тобою, росс,  
Он задирает нос  
При ордене, при чине:  
Для немца ведь чины  
Вкуснее ветчины.

[1889]

## ЖИТЕЙСКАЯ ИЕРАРХИЯ

Строго различаем мы с давних пор:  
Маленький воришка или крупный вор.

Маленький воришка — пища для сатир,  
Крупный вор — наверно где-нибудь кассир;

Маленького вора гонят со двора,  
Крупного сажают и в директора;

Маленький воришка сдавал и пропал,  
Крупный тоже сдавал, — нажил капитал;

Маленький воришка угодил в острог,  
Крупному же вору — в пору всё и впрок;

Маленьким воришкам — мачеха зима,  
Крупных не пугает и сама тюрьма,

И они спокойно ждут законных кар...  
Там, где шмель прорвется, берегись, комар! ..

[1881]

Ю. ЛЕМАН

*«Дама под вуалью»*

Мысль Лемана развить задумавши  
                                                упрямо,  
Явилась у меня задача сумасшедшая:  
Картину написать на тему: «Дама,  
Из комнаты ушедшая».

1881

## «САНОЖНИК»

(Кочетова)

Сюжет по дарованью и по силам  
Умея для картины выбирать,  
Художник хорошо владеет... шилом —  
Тфу! — кистью — я хотел сказать.

1881

## НА КОМ ШАПКА ГОРИТ?

**И**мея многие таланты,  
**К** несчастью, наши интенданты  
**П**реподозрительный народ.  
**И**ной, заслыша слово: «ворон»,  
**Р**ешает, что сказали: «ворон!»  
**И** на его, конечно, счет;  
**А** если кто проговорится  
**Н**евинным словом: «воробей»,  
**О**н начинает сторониться,  
**П**оймавши звуки: «вора бей!»

[1883]

**М. Н. КАТКОВУ**

**С** толпой журнальных кунаков  
Своим изданием, без сомненья,  
С успехом заменил Катков  
В России Третье отделение.

[1883]

## ПОД НЕБОМ ПРУССИИ

(Из Гейне)

С каждым днем, слава богу, редее вокруг  
Поколения старого племя;  
Лицемерных и дряхлых льстецов с каждым  
днем  
Реже видим мы в новое время.

Поколение другое растет в цвете сил,  
Жизнь испортить его не успеха,  
И для этих-то новых, свободных людей  
Петь могу я свободно и смело.

Эта чуткая юность умеет ценить  
Честность мысли и гордость поэта;  
Вдохновенья лучи греют юности кровь,  
Словно волны весеннего света.

Словно солнце, полно мое сердце любви,  
Как огонь, целомудренно-чисто;  
Сами графини лиру настроили мне,  
Чтоб звучала она серебристо.

Эту лиру из древности мне завещал  
Прометей поэт вдохновенный:

Извлекал он могучие звуки из струн  
К удивлению целой вселенной.

Эта лира ко мне перешла от того,  
Кто воспел Пайстетероса с милой  
Базилеей, с которой он к небу взвился,  
Увлечен непонятною силой.

Подражать его «Птицам» я пробовал сам,  
Их любя до последней страницы;  
Изо всех его драм, нет сомнения в том,  
Драма самая лучшая — «Птицы».

Хороши и «Лягушки», однако. Теперь  
Их в Берлинском театре играют  
В переводе немецком; они, говорят,  
В наши дни короля забавляют.

Королю эта пьеса пришлась по душе,  
Значит — вкус его тонко-античен.  
К крику прусских лягушек наш прежний  
король  
Почему-то был больше привычен.

Королю эта пьеса пришлась по душе,  
Но, однако, должны мы сознаться:  
Если б автор был жив, то ему бы навряд  
Можно в Пруссии было являться.

Очень плохо пришлось бы живому неведу,  
И бедняжка покончил бы скверно:  
Вкруг поэта мы все увидали бы хор  
Из немецких жандармов наверно;

Чернь ругалась бы, право на брань получив,  
Наглость жалких рабов обнаружа,  
А полиция стала бы зорко следить  
Каждый шаг благородного мужа.

Я желаю добра королю... О король!  
Моего ты послушай совета:  
Воздавай похвалы ты умершим певцам,  
Но щади и живого поэта.

Нет, живущих певцов берегись оскорблять,  
Их оружия нет в мире опасней;  
Их карающий гнев всех Юпитера стрел,  
Всех громов и всех молний ужасней.

Оскорбляй ты отживших и новых богов,  
Потрясай весь Олимп без смущенья,  
Лишь в поэта, король, никогда, никогда  
Не решайся бросать оскорбленья!..

Боги могут, конечно, карать за грехи,  
Пламя ада ужасно, конечно,  
Где за грешные подвиги в вечном огне  
Будут многих поджаривать вечно, —

Но молитвы блаженных и праведных душ  
Могут грешникам дать искупленье;  
Подаяньем, упорным и долгим постом  
Достигают иные прощенья.

А когда дряхлый мир доживет до конца,  
И на небе звук трубный раздастся,

Очень многим придется избежать суда  
И от тяжких грехов оправдаться.

Ад другой есть, однако, на самой земле,  
И нет силы на свете, нет власти,  
Чтобы вырвать могла человека она  
Из его огнедышащей пасти.

Ты о Дантовом «Аде», быть может, слышал,  
Знаешь грозные эти терцеты,  
И когда тебя ими поэт заклеят,  
Не отыщешь спасенья нигде ты.

Пред тобою раскроется огненный круг,  
Где неведомо слово — пощада...  
Берегись же, чтоб мы не повергли тебя  
В бездну нового, мрачного ада.

[1870]

БЕСЕДА С МУЗОЮ

*(В чисто классическом роде)*

Как-то муза мне сказала,  
Потрепав меня рукой:  
«Влас, мой друг, ты пишешь мало,  
Пой! пой! пой!»

И ответил я сестрице:  
«Я спою тебе, изволь,  
Как живет у нас в столице  
Голь, голь, голь,

В тех углах, где близ заборов  
Мостовых, панелей нет,  
Где чуть теплится Шандоров  
*Свет! свет! свет!*

Где лачужки длинным строем  
Догнивают, искосясь,  
Где лежит глубоким слоєм  
Грязь, грязь, грязь;

Где всю жизнь одни лишения  
Жалких тружеников ждут,

Где тяжел до изнуренья  
Труд, труд, труд...» —

— «Стой! — прервала муза, — вникнет  
В эту песнь сонм важных лиц  
И как раз тебе он крикнет:  
Цыц! цыц! цыц!

Скажут: песня не из лестных...  
Навлечешь как раз их гнев,  
Лучше пой, брат, про прелестных  
Дев, дев, дев.

Обратись к луне, к природе,  
Пой утех юных лет, —  
Ведь поет же в этом роде  
Фет, Фет, Фет.

Если ж жизнь тебя прельстила,  
То ты можешь воспевать,  
Как живет изящно, мило  
Знать, знать, знать.

Как столица ослепляет  
Непривычный к блеску глаз,  
Как по улице блистает  
Газ, газ, газ.

Как весь год жилося славно,  
Что в балете ты видал,  
Как Ефремов дал недавно  
Бал, бал, бал.

Как... да ну, бери же лиру  
И скорей про край родной —  
Песню сладенькую миру  
Пой! пой! пой!»

[1863]

## ПРОЕЗЖИМ

*(Раздумье горемыки)*

Что вы смотрите так подозрительно  
На заплаты одежды моей?  
Или прихоть пришла снисходительно  
Бросить мне пару медных грошей?  
Вы сегодня добры изумительно,  
Благодарен я вам от души! —

Только знайте:

Не помогут мне ваши гроши —  
Проезжайте!

Было время: с какою охотою  
За работой я грудь надрывал,  
Все боролся с нуждой да с заботою,  
Но не мог устоять — и упал.  
А теперь я почти не работаю,  
Что добуду, тащу все в кабак...

Что ж? Ну знайте,

Что я пьяница, нищий — итак,  
Проезжайте!

Было время: рукою несмелою  
Я стучался у ваших дверей...  
Да! я с матерью жил престарелою

И с несчастной сestroю моей.  
Но теперь я к вам шагу не сделаю,  
Миновала невзгоды пора,  
Поздно! — Знайте,  
Что уж мать умерла, а сестра...  
Проезжайте!

[1864]

## НАШ ПРОЛЕТАРИЙ

Смотрите, вот наш пролетарий!  
Он не успел окончить курс  
В одной из наших семинарий,  
В одной из наших бурс.

Из бурсы с скверным аттестатом  
Начальством был он исключен;  
Хотел быть по найму солдатом,  
Да плох здоровьем он.

Потом читал он и учился...  
Больной, собрав остаток сил,  
Пешком в столицу притащился,  
В студенты поступил.

Терпел нужду, терпел лишения, —  
Нет сил трудиться, нечем жить...  
Бедняга вышел из терпенья —  
И с горя начал пить.

Тут посещать не стал он лекций,  
На службу поступить хотел,  
Но не имел знакомств, протекций,  
Прав по рождению не имел.

А время шло и дни летели;  
Он, обнищать успев кругом,  
Стал в рваной фризовой шинели  
Ходить в питейный дом.

Чем он живет, он сам не знает:  
То настрочит прошение он,  
То с днем рожденья поздравляет,  
То сходит на поклон.

Бедняге-пьянице не стыдно  
Просить дрожащею рукой,  
Все человеческое, видно,  
Убито в нем нуждой.

И вот, помаявшись в столице,  
Он станет чахнуть и умрет —  
И купят для него в больнице  
Гроб на казенный счет.

[ 1864 ]

## ДУБИНУШКА

Много песен слышал я в родной стороне,  
Как их с горя, как с радости пели,  
Но одна только песнь в память врезалась  
мне,

Это — песня рабочей артели:  
«Ухни, дубинушка, ухни!  
Ухни, березова, ухни!  
Ух!..»

За работой толпа, не под силу ей труд.  
Ноет грудь, ломит шею и спину...  
Но вздохнут бедняки, пот с лица оботрут  
И кряхтя запевают дубину:  
«Ухни, дубинушка, ухни!  
Ухни, березова, ухни!  
Ух!..»

Англичанин хитрец, чтоб работе помочь,  
Вымышлял за машиной машину;  
Ухитрились и мы: чуть пришлось невмочь,  
Вспоминаем родную дубину:  
«Ухни, дубинушка, ухни!  
Ухни, березова, ухни!  
Ух!..»

Да, дубинка, в тебя, видно, вера сильна,  
Что творят по тебе так поминки,  
Где работа дружной и усердной нужна,  
Там у нас, зная, нельзя без дубинки:  
«Ухни, дубинушка, ухни!  
Ухни, березова, ухни!  
Ух!...»

Эта песня у нас уж сложилась давно;  
Петр с дубинкой ходил на работу,  
Чтоб дружной прорубалось в Европу  
окно —

И гремело по финскому флоту:  
«Ухни, дубинушка, ухни!  
Ухни, березова, ухни!  
Ух!...»

Прорубили окно... Да, могуч был напор  
Бессознательной силы... Все стали  
Эту силу ценить и бояться с тех пор...  
Наши ж деды одно напевали:  
«Ухни, дубинушка, ухни!  
Ухни, березова, ухни!  
Ух!...»

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям  
Эта песня пошла по наследству,  
Чуть на лад что пойдет, так к дубинушке  
там  
Прибегаем как к верному средству:  
«Ухни, дубинушка, ухни!  
Ухни, березова, ухни!  
Ух!...»

Эх, когда б эту песню допеть поскорей!  
Без дубины чтоб спорилось дело,  
И при тяжком труде утомленных людей  
Моноotonно б у нас не гудело:  
«Ухни, дубинушка, ухни!  
Ухни, березова, ухни!  
Ух!...»

[1865]

## ХИМЕРЫ

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,  
Что время настанет, когда у людей  
Помчатся стрелою по рельсам подводы  
Без лошадей;  
Что станут повсюду работать машины,  
Что по морю плавать без ветра начнем...  
О боже! какой бы содом  
Все подняли тотчас в защиту рутины:  
«Он рехнулся! В желтый дом,  
На цепь сумасброда!  
Ведь волнует у народа  
Он умы...»  
Что ж теперь про крик такого рода  
Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,  
Что люди со временем так будут жить,  
Что им и перуны небесного свода  
Станут служить;  
Что сила, которой пугают нас грозы,  
Покорно депеши мчать станет потом...  
В ответ бы раздались кругом  
И крик, и проклятья, и брань, и угрозы:  
«Он рехнулся! В желтый дом,  
На цепь сумасброда!

Ведь волнует у народа  
Он умы...»  
Что ж теперь про крик такого рода  
Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,  
Что станет вдруг солнечный луч рисовать,  
Что мы и портреты, и горы, и воды  
Станем писать  
Не кистью, а пользуясь солнечным светом,  
Что кисть и палитру заменит во всем  
Нам свет, покоренный умом...  
В ответ что за крик бы раздался при этом:  
«Он рехнулся! В желтый дом,  
На цепь сумасброда!  
Ведь волнует у народа  
Он умы...»  
Что ж теперь про крик такого рода  
Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,  
Что в обществе вовсе не будет рабов,  
Что время настанет, и снимет свобода  
Бремя оков,  
И новый склад жизни, склад жизни  
свободной  
Заставит все делать свободным трудом...  
Сказать бы все это, — кругом  
Раздался б немедленно крик всенародный:  
«Он рехнулся! В желтый дом,  
На цепь сумасброда!  
Ведь волнует у народа  
Он умы...»

Что ж теперь про крик такого рода  
Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в наши **хоть**  
годы,

Что время настанет такое, когда  
На свете не будет страданий, невзгоды  
С гнетом труда,

Что люди устроят склад жизни примерно,  
Что с голодом бедный не будет знаком...  
Скажите-ка это, — кругом

Поднимутся громкие крики наверно:  
«Он рехнулся! В желтый дом,  
На цепь сумасброда!  
Ведь волнует у народа  
Он умы...»

Что ж теперь про крик такого рода  
Скажем мы?

[1868]

## E PUR SI MUOVE!

Страх пытки и тюрьма вынудили Галилея отречься от убеждения в движении земли. После торжественно принятой очистительной присяги Галилей, топнувши ногою, сказал: *E pur si muove!* (А все-таки движется!)

*Примечание для непошедших  
далее классического лицея*

**Вот в черных рясах сонм судей,  
Сонм инквизиторов собрался;  
Пред ним, в оковах, Галилей  
От убеждений отрекался.  
Он говорил: «Я сатаной  
Был одержим! мое ученье —  
Безбожно, каюсь!.. Шар земной  
Стоит от века без движенья...»  
Крест Галилей поцеловал,  
Но вслед за тем, нахмутив брови  
И топнувши ногой, вскричал:  
«*E pur si muove!*»**

**Мысль Галилея понял свет:  
Земли движенье стало ясным;**

Замолк ханжа, затих аскет...  
Но свет ученьем был опасным  
Взволнован... Стали толковать  
И про движение в сфере мнений:  
Что как, мол, все на веру брать?  
Нужна свобода убеждений...  
Рим проклял ересь... Взят был бич,  
Зажглись костры, но в каждом слове  
Страдальцев слышался все клич:  
«E pur si muove!»

Гоненья вызвали борьбу,  
Кровь полилась, бой долго длился;  
Рим, наконец, кляня судьбу,  
От протестантов отступился.  
Слагаться начал новый быт,  
Снимались старые вериги,  
И тщетно хитрый иезуит  
Стал в ход пускать свои интриги.  
Опутав в сети целый свет,  
Ряд тормозов был наготове...  
Жизнь шла вперед, твердя в ответ:  
«E pur si muove!»

Прошли года; утих взрыв масс,  
Освоюсь с мыслию простою,  
Что всё в движении у нас,  
Что в жизни места нет застою,  
Что жизнь не в силах подавить  
Ни Чингисханы, ни Атиллы,  
Что силу жизни не сломить,  
Что нет плотин от этой силы

И что пора простор ей дать,  
Чтоб в каждой мысли, в каждом слове  
Могло торжественно звучать:  
«E pur si muove!»

1868

Очень грозен горизонта  
Политического вид,  
От Кале до Геллеспонта  
Всё с смущением твердит:  
«Близок взрыв! близка невзгода!»  
Шовинисты ж тешат нас:  
«Для защиты, мол, народа,  
Для блаженства целых масс  
Нам война нужна и слава...»  
— Ах, отстаньте! Полно, право,  
Вам нести всю эту ложь, —  
Нужен вам грабеж!

Там, над Сеной, в кабинете  
Сидя, думают порой:  
«Чем бы это нам на свете  
Отличиться пред толпой?  
Рейн бы взять... Тогда в народе  
Не желали б перемен...»  
И тотчас же в этом роде  
Речь заводит Жирарден:  
«Рейн нужней, мол, чем свобода,  
Для французского народа!»  
Что ж, ведь это, чай, не ложь, —  
Любят там грабеж!

План затеяв исполинский,  
Бисмарк думает тайком:  
«Всю Германию — Берлинской  
Нужно сделать!.. Всех прижмем,  
Вырвем с силой молодецкой  
Лотарингию, Эльзас...  
Где звучит язык немецкий —  
Там добыча есть для нас».  
И толкует он народу:  
«Эй, народ, свою свободу  
Ты в единстве лишь найдешь, —  
Надобен грабеж!»

В одряхлевшем Ватикане  
Тоже думают, крехтят,  
Совещаются о плане  
Старину вернуть назад,  
Чтоб в провинциях свободных  
Снова папа править стал,  
«Много там статей доходных!» —  
Шепчет каждый кардинал.  
А вокруг них уже в народе  
В Риме крики о свободе...  
Ватикану невтерпёж, —  
Он вопит: «Грабеж!»

Больше чем четыре века  
Занят турками Босфор;  
За «больного человека»  
Турка знают с давних пор,  
Доконать его есть средство,  
И вопрос теперь весь в том,  
Как начать делить наследство,

Что кому отдать потом.  
Так на этом стало дело...  
И теперь кричат все смело,  
Чуть о турке речь начнешь:  
«Караул! Грабеж!»

## СВОЙ ИДЕАЛ

*(Размышления одного из «недосвольных»  
по прочтении «Вести»)*

Глаз видит, да зуб неймет.  
*Пословица*

Упрекают все меня в застое,  
Говорят, что я б, вишь, не желал  
Улучшений в быте масс... Пустое!  
Создан мной давно свой идеал.

Не балуя хамова отродья,  
Не внося губительных начал,  
Я б улучшить быт простонародья  
До известной степени желал.

Пусть мужик у нас не ест мяквы,  
Хлеб всегда пусть будет у него,  
Даже в праздник щи из солонины  
Пусть себе он варит... Ничего!

Я кормлю охотно попугая,  
Я кормлю собаку и коня,  
Рад рабочего кормить я, зная,  
Что он тратит силы для меня.

Пусть тепло одет крестьянин будет:  
Пусть сермягу толстого сукна  
И тулуп он сам себе добудет,  
Шанка тоже для него нужна,

Ну и лапти не должны быть худы  
У рабочего, — не то беда!  
Может слечь мужик мой от простуды,  
Я лишусь рабочих рук тогда.

/ Я совсем не враг и просвещенью, —  
Пусть заводят школы мужики,  
Пусть детей их и письму и чтенью  
Обучают сельские дьячки. /

Мне рабочий грамотный полезней...  
Я беречь согласен мужиков  
И в селе на случай их болезней  
Разрешить больницу я готов!

Но затем, устроив быт рабочих,  
Я б смотреть за ними строго стал,  
И чтоб власть иметь тут, я бы прочих  
Вольнодумств в реформах не желал.

Улучшенья быта — не свобода,  
С улучшеньем быта мужики  
Дать должны нам более дохода,  
А не шлаться вечно в кабаки.

Даже пусть считается свободным  
Наш мужик, — но только на словах,  
Ведь тогда лишь будет он мне годным,  
Если он вполне в моих руках,

Если все, что труд его приносит,  
Собирать возможность мне дадут.  
Пусть мужик мой пашет, сеет, косит. —  
На себя беру я тоже труд.

Труд большой, мне с ним хлопот немало:  
Нужно мне доходы собирать;  
Назначение для капитала  
Нужно мне приличное искать.

Я б зимой поехал жить в столицу,  
Роскошью торговлю поощрять,  
А потом махнул и за границу  
Честь России с шиком поддерживать.

Подражая рабски иностранцам,  
Я б усвоил речь их, нравы, вкус, —  
В Лондоне б был истинным британцем,  
Жить в Париже стал бы как француз.

Иль, чтоб сказкой стать молвы  
стоустой,  
Патриота б корчил я подчас:  
Стал бы есть в Париже щи с капустой,  
Стал бы в Лондоне пить русский квас.

Жил везде б я пышно и богато  
И, во славу родины моей,  
Чисто русский тип аристократа  
Я в себе б осуществил, ей-ей!

А таких, как я, у нас немало, —  
Жаль, реформы губят нас вполне...

Эх, когда б их все начать сначала  
Да побольше бы дать воли мне!

Не базуя хамова отродья,  
Не внося губительных начал,  
Я б улучшил быт простонародья  
И осуществил свой идеал.

[ 1869 ]

## МЫ — ОСОБЬ СТАТЬЯ! <sup>1</sup>

(Перемиада одного из последних лотикан  
на всероссийской почве)

C'est vrai, mon cher! <sup>2</sup> П спесь и чванство  
Не в духе нынешних идей,  
Но наше *старое* дворянство  
Не грех бы поддержать, ей-ей!  
Ведь что ж нибудь да значат предки?  
Ведь что ж нибудь да значит кровь?  
У нас же *столбовые* редки,

<sup>1</sup> Мы получили это стихотворение при следующем письме автора: М. г., прилагаемое при сем стихотворение «Мы — особь статья», предназначалось мнью для газеты «Весть», как для органа тех немногих представителей *столбовых*, к числу которых принадлежу и я — автор этого стихотворения, и к которому, как я слышал, принадлежите и вы, м. г., принявшие на себя редакторство «Искры». Но «Весть», несмотря на поддержку ее *нами*, пре рати ась за истощением средств; поэтому я решился обратиться к вам с просьбою дать место моему стихотворению в вашем журнале, на который у нас, *столбовых*, теперь единственная надежда. Положитесь на нас, — мы вас поддержим. Примите и проч.»

<sup>2</sup> Это так, мой милый! — *Ред.*

Дворян пекли так много вновь:  
Крайвным семенем врывались  
В наш круг аршинники, кутья;  
Но всё же мы еще остались  
И всё же мы — особь статья!

Наш род богат был, был звездою  
Екатеринына двора,  
Ее щедроты к нам рекою  
Лились, — блаженная пора!  
Нас сам Державин в одах славил,  
Но вдруг — переменился взгляд,  
Перевернул все круто Павел,  
Пустив в ход гатчинских солдат.  
С тех пор прост ра стало мало  
Для нашего житья-бытья,  
И вся Россия забывала,  
Что мы у ней — особь статья.

Стеснен был ход родам дворянским,  
И рагуцы<sup>1</sup> презренных рой  
Полз за кутейником Сперанским  
Бюрократической стезей.  
Был век подьячих, век лакеев,  
Век кантонистов и ханжей,  
И во главе всех Аракчеев...  
Затем предания свежей  
Давайте вспомним: плац-парадом  
Русь увлеклась до забвения  
И к нам совсем уж стала задом,  
Забыв, что мы — особь статья.

---

<sup>1</sup> Выскочек. — *Ред.*

Фельдфебеля, не gentil'homme'a<sup>1</sup>  
Успех на службе ждал тогда,  
И тихим шагом в три приема  
Шли люди в люди в те года.  
Нам не везло в эпоху эту,  
Пришлось именья заложить,  
Долг опекунской совету  
Взрос, нам нечем стало жить...  
Как вдруг — реформы... Стало жутко,  
Но, ободрившись, думал я:  
Все это так... все это — шутка,  
Нас вспомнят... Мы — особь статья!

Но нет! Крестьянам очень ловко  
Отрезан был от нас надел,  
Сословных прав нивелировка  
Пошла, и гладь — мы «не у дела».  
В суде мы — нуль, и в земстве тоже  
Наш голос часто очень слаб...  
Что ж, неужели же, о боже,  
И впредь так будет?... О, когда б  
За наше право крепостное,  
За роскошь барского житья,  
Нам дать хоть что-нибудь такое,  
Чтоб были б мы — особь статья.

Пусть даже в формах либеральных  
В отчизне ход нам будет дан,  
Взамен традиции феодальных  
Пусть воскресят боярский сан.  
Дадут нам власть, значение лорда.

---

<sup>1</sup> Дворянина. — Ред.

Нам не по сердцу было б, что ль:  
И право так держаться гордо,  
И политическая роль,  
И средства жить полуцарями?  
Нет! ряд реформ — галиматья,  
Коль прежде не займутся нами,  
Parbleu!<sup>1</sup> Ведь мы — особь статья!

1879

---

<sup>1</sup> Черт возьми! — *Ред.*

Хор версальский

Мы — домовладельцы, мы — владельцы  
ренды...

Хор парижский

Ваши квартиранты мы, мы — рабочий класс.

Хор версальский

Нет, вы — коммунисты, воры, инсургенты...

Хор парижский

Вы же эксплуататоры обнищавших масс.

Хор версальский

В нас все, средства Франции, мы — ее  
богатство.

Хор парижский

В нас вся сила Франции, мы — ее весь труд.

Хор версальский

Не платить по векселю — это святотатство.

Хор парижский

Грех долги там требовать, с голоду где мрут.

Хор версальский

Плата за квартиру — это долг священный!

Хор парижский

Без квартир прикажете околеть, что ль, нам?

Хор версальский

Нет, платить вы можете; смолк ведь гром  
военный.

Хор парижский

А найти мы можем ли сбыт своим трудам?

Хор версальский

Мы не виноваты, если вы фортуною  
Несколько обижены... божья воля тут.

Хор парижский

Нет, пускай обсудится городской коммуною  
Все, как капитал заедает тяжкий труд.  
Пусть решит сомнения голос всей столицы.

Хор версальский

Голос массы уличной? Это пустяки!  
Вас в Париже тысячи, нас же единицы...

Хор парижский

Ну, так пусть все прения порешат штыки.

К СЕРОМУ ДРУГУ

Осел, мой друг! Я не прельщен  
Коней ретивых красотами,  
Но простодушно восхищен,  
Когда ты хлопаешь ушами.

Исполнен древней простоты,  
Ты так глядишь патриархально,  
Да и ревешь так внятно ты,  
Хоть и не очень музыкально.

Порою ты сменишь людей,  
Даешь им повод к едким фразам, —  
А сам в степенности своей  
На них не поведешь и глазом,

И ног надежных четверней  
Свершая мерно перестуны,  
Ты рассуждаешь сам с собой:  
«Пускай смеются! Люди — глупы».

Ты сил своих не надорвешь  
И — мало ль, много ли навьючен —  
Не торопясь себе идешь:  
Зато приходишь, неизмучен.

Ты просто презлесь для меня,  
Мой серый друг, в иную пору,  
Когда ты, голову склоня,  
Спокойным шагом лезешь в гору.

Иные... лезут и они;  
Но ты избираешься высоко,  
Сам — без связей, друзей, родни,  
Шагая честно, одиноко;

Сам проводник твой, в нравах прост  
И не брюзглив, когда устанет,  
Спешит схватить тебя за хвост —  
И брат собрата в гору тянет.

Прости, философ серый мой,  
Мне в этой песни бедность слога!  
Кончаю... Нет! Постои, постои!  
Хочу сказать еще немного.

Не все я подвиги твои  
Воспел: ты в страсти превосходен  
И в засках пламенной любви  
Ослице верно ты угоден!

Недаром итальянка — дочь  
Тех стран, где пышет атмосфера  
Под миртом, в сладостную ночь,  
Целуя страстно кавалера,

То в неге долгой и немой  
Горит, горит, не догорая,  
То шепчет: «Милый ослик мой!»  
В его объятьях замирая.

## РИФМОВАННЫЕ ПРОТЕСТЫ<sup>1</sup>

### I

Милостивые государи!

**В** настоящее время, когда и т. далее...

При развитии столь благотельной

гласности

И успехах дружин Гарибальди в Италии,

Я скажу, не вдаваясь в излишние частности,

Что теперь, когда столько вопросов

общественных,

Пробудясь ото сна, подняла наша нация,

И когда с разработкою сил невещественных

Дружно об руку двинулась эмансипация, —

---

<sup>1</sup> Всякого рода стихотворения в «Искру» обыкновенно посылаются при письмах.

Эту эпистолу мы получили при следующем письме. Выкидывая из него общие фразы о значении обличительной литературы нашего времени, приводим только самую сущность письма, поразительную по своей оригинальности.

«...отчего же до сих пор не переводятся на Руси злоупотребления и берутся взятки, несмотря на ежедневные протесты, помещаемые в «Московских Ведомостях», несмотря на ультра-обличительные статьи «Сына Отечества»? Оттого, милостивые государи, что в этих протестах и обличениях нет той силы, которою Орфей двигал камни и которая

Удивления дань от всего человечества  
Ожидает счастливое наше отечество.  
Посему-то позвольте и мне, без опасности  
(Как прогресса и правды всегдашнему фактору),

Обратиться, во имя спасительной гласности,  
Непосредственно к вам, г-ну редактору,  
С всепокорнейшей просьбой предать  
публикации

Возмутительный факт — на позор нашей  
нации,

Факт, доселе никем еще верно неизвестный:  
В нашем городе N., в NNN-ской губернии,  
Некто X. — да падут на пути его тернии! —  
Уж не раз притесняет гнуснейшею взяточ-  
Вдов, и сирых, и немощных старцев-  
чиновников,

Мне же лично, за дух мой, все грóзится  
Вяткою,

Похваляясь силой своей у сановников;  
А вчера еще сам оскорбил изумительно

---

принадлежит исключительно поэзии. Обязанность поэзии, так сказать, заклеить «тяжелым штампом стиха» всякого недостойного гражданина и этикетическими клеймами, как бы адским камнем, выжечь все язвы в болеющем организме общества. Желательно было бы, чтобы гг. редакторы обратили на сие обстоятельство внимание и всякий протест, к ним присылаемый, хотя бы о недобросовестности сапожника или о фальшивом безмене мелочного лавочника, препровождали к известным стихотворно-обличительным дел мастерам для предложения в рифмованную прозу. Позвольте мне, милостивые государи, присылать вам мои опыты подобных предложений.

*Пр. Владимирский.*

Господина Z. Z., человека почтенного...

Но довольно!.. перу продолжать

возмутительна

Все проделки его произвола надменного.

Я вам впредь сообщу интересные фактики.

Что творит моралист Y. Y. на практике,

И о том, как содержатся люди рабочие,

Буде то вы найдете достойным тиснения,

А за сим, изъявляя низжайше почтение,

Остаюсь всепокорнейшим вашим и прочее...

[1860]

## ПОСЛАНИЕ К Н. Л. ГНУТУ

*(Подражание Языкову с четырьмя  
благоприобретенными у него стихами)*

Плохих певцов плеяде бледной  
Тебе судил могучий рок  
Нравоучительно-победный,  
Хоть жесткий преподать урок!  
Чад незаконных Аполлона  
Хоть и невесело колоть, —  
Но сорных трав и с Геликона  
Не запрещается полоть.  
Пускай до времени под паром  
Лежат журналы без стихов;  
Пусть не печатаются даром  
Случевский, Страхов и Кусков.  
Пусть с пробудившейся поляны  
Слетают темные туманы;  
Пусть, слыша выстрел, кулики  
На воздух мечутся с реки!

1860

## ДЕВА И ЖРЕЦЫ

*(Фантастическая сцена времен доисторических)*

Действие в капище, посвященном Эскулапу.

### Дева

Отцы-делители и столпники науки,  
Пред сонм ваш жреческий предстать  
И с кроткою мольбой к вам простираю  
дерзаю я  
руки...

### Верховный жрец

Post hoc<sup>1</sup> — поведай нам, о чем мольба  
твоя...

### Дева

Надежда робкая и твердое желанье  
Направили, отцы, мои стопы сюда.  
Сознала я в себе высокое призванье,  
Мне тяжело жизнь влечь без пользы и  
труда!  
С младенчества глядеть я не могла без муки  
На горе страждущих, на бедствия людей,  
И просветить хочу своей разум днем науки.

---

<sup>1</sup> После этого, затем. — *Ред.*

Чтоб быть полезною им помощью моей...  
Хочу, целителя, учиться медицине.  
Хочу трудиться я... и после быть врачом...

Верховный жрец  
(строго)

Держите вашу речь в сем храме по-латыни,  
По-русски не пойму, вы просите о чем...

Дева

Увы! я языком Галена не владею,  
Но просьба так моя понятна и проста...  
Я в жизнь хочу внести известную идею,  
Что дверь научная напрасно закрыта  
Для женщины рукой обычая фатальной...  
Пора, давно пора рассеять этот мрак!..

Верховный жрец

Ты хочешь бабкою быть, верно,  
повивальной,  
Иначе речь твою я не пойму никак...  
Что ж? смело хоть сейчас беритесь за  
работу,  
Диплом — экзамена у нас бывает мздой,  
Экзамен в капище сем каждую субботу  
Во весь учебный год идет своей чредой...

Дева

Нет, смысл мольбы моей понять вы не  
хотите.  
Я знания ищу — хочу природу знать,  
Меня на лекции вы только допустите,  
А лекарский диплом от вас зависит — дать,



## Верховный жрец

(звонит для произведения спокойствия)

Не время вздохами и жалкими словами  
Нам гнев свой выражать на деву, о жрецы!  
Рассудим обо всем спокойно, между нами,  
Составимте совет... и пусть во все концы  
Молва народная несет решение наше...  
Пусть в даль грядущую веков оно пройдет...  
Скажите, например, Бомбастус, мнение  
ваше,  
А после прочие сочлены в свой черед...

## Бомбастус

Я с ясностью своей взглянув обыкновенной—  
В словах бесхитростных то мнение пложу:  
В мольбе бессмысленной сей девы  
дерзновенной  
Злоумышление я прямо нахожу...  
Сим наглым стимулом, невиданным  
афронтом,  
Собратья! поражен я более вас всех...  
Клянусь Фазесом я, Драконом и  
Гельмонтом:  
На нашу практику свершается набег!  
Не верьте в женщинах стремлению к науке!  
И если деву мы допустим быть врачом,  
Погибнем с голоду и мы и наши внуки...  
Без славы, без больных, оставшись не  
при чем...

## Хор жрецов

В словах Бомбастуса — высокой правды  
много.

Pro Dei nominis<sup>1</sup> — сомненья в этом нет...

Верховный жрец

Итак, о женщина! иди своей дорогой...  
Вот на мольбу твою единственный ответ...  
Скорее удались!..

(Деву уносят из храма.)

А мы об этом диве  
Еще недели три подумаем слегка,  
Составим протокол — и *tabulae votivae*<sup>2</sup>  
Его перенесут в грядущие века!

1862

---

<sup>1</sup> Во имя бога. — *Ред.*

<sup>2</sup> *Tabula votiva* — табличка с надписью или изображением, которую вывешивали в храме — в исполнение обета и в виде благодарности божеству по поводу избавления от опасности. — *Ред.*

## ДУРНЫЕ ВЕСТИ

Тяжесть какая-то жить не дает...  
Каждый день вести дурные несет...  
Умер один, застрелился другой,  
Этот во гробе одною ногой,  
Этот исчез. А ведь нет и недели,  
Как и еще одного мы отпели  
И опустили на вечный покой...  
Что ж это? воздух ли нынче такой?..

Время ль такое для нас подошло?  
Стало ли жить всем невмочь тяжело,  
И от страданий и слез пролитых  
Даже нет силы дышать у живых?..  
Просто не веришь, на самом ли деле!  
И утешаешь себя: не во сне ли...  
Только нет мочи от горьких вестей,  
Да и кругом всё пустей и пустей!..

Или всегда уж на свете так было,  
Или так нужно, чтоб юность и сила,  
Жажда свободы и творческий труд  
В ранних гробах находили приют?  
Что ж?.. покоряясь бесстрастной судьбе,  
Тихо угаснем в неравной борьбе...  
С верой, что вызовут наши гробы  
Новое племя для новой борьбы.

[1862]

## УТЕШЕНИЕ В РАЗЛУКЕ

*(Дуэт на голос: «Пловцы»)*

**По** реке вниз по широкой  
(Говорить не нужно где)  
Взятку гонят в край далекий  
Изменения в суде.

Река шумит,  
Река ревет,  
Власы чиновник  
На бреге рвет:  
Сердит, и страшен,  
И злобы полн,  
Глядит, как взятку  
Уносит челн!..

**Ч и н о в н и к**

*(тенор)*

О друг души моей, прощай!..

**В з я т к а**

*(дискант)*

Дитя! утешься, не рыдай!  
Не верь в беду, пока прогресс  
Еще для многих — темный лес...

Чиновник

Ах! как не верить мне, когда  
Нет больше старого суда...  
И чтоб тебя увидеть вновь...

Взятка

Уменье нужно и любовь:  
Умей в суде  
Найтись в беде,  
Всех — провести,  
Меня ввести!..

Чиновник

Но как?.. Но как?..

Взятка

Ты не дурак...

Чиновник

Совет подай...

Взятка

*Изобретай!!!*

---

Река шумит,  
Река ревет —  
Но уж чиновник  
Волос не рвет...

Чиновник

Помедли, друг! не уезжай!..

**Взятка**

Довольно выты! домой ступай!  
Уже тебе сказала я:  
Найтись умей — я вновь твоя.

**Чинovníк**

Но как найтись?..

**Взятка**

*Лишь не ленись...*

**И** вновь вдвоем

**Мы** в жизнь войдем...

**Чинovníк**

Войдем?.. прости...

**Взятка**

Войдем!.. прощай!..

**Чинovníк**

Изобрести?!?!..

**Взятка**

Изобретай!!!!..

## ОДА НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФРАНЦИИ

Ты ль это, Франция, о коей с юных лет  
Наслушался я столько разных страхов  
(В те дни, когда еще о жителях планет  
Своих словес не изрекал нам Страхов)?  
Ты ль предо мною, буйная страна,  
С конвентами, народом, гильотиной,  
Европы вождь... будивший ото сна  
Все, что кругом баюкалось рутиной!  
Где без боязни гражданин-герой  
На плаху шел за мысль свою когда-то, —  
Мой детский сон смущавшая порой  
Неотразимым образом Марата!..  
Где после дважды черни страстный крик  
На баррикадах грозно раздавался,  
А дряхлый мир — глухой, слепой старик,  
Дрожа за жизнь, от ужаса терялся!..  
Ты ль предо мной!.. иль прошлой славы сон  
Навеки свеян чутким аквилонном...  
И сам Париж — сей буйный Вавилон —  
Стал в наши дни — *клубничным Вавилоном!*..  
Канкан, канкан, опять и вновь канкан,  
Горят огнем *широкие* бульвары,  
Весь день гремит и стонет барабан,  
Снуют толпой усердные мушары...



## В РЕСТОРАНЕ

*(В прошлом году)*

— Мальчик! карту! два прибора,  
Джину, пирожков...  
Ну-с, так вновь для разговора  
С вами я готов.  
Увеличивать напрасно  
Незачем беду;  
Верьте, жрут они прекрасно  
Мох и лебеду...  
Дай сюда!.. составлен глупо  
Нынче ваш обед,  
Дайте просто: устриц, супу,  
С зеленью котлет,  
Да пулярку пожирнее  
Или... каплуна...  
Каплуна!.. каплун вернее.  
Карточку вина!

Вы напрасно всё поете,  
Что мужик забит...  
Вот и карта. . что вы пьете —  
Нью или лафит?  
Или белого хотите?  
Если все равно,  
Так лафиту... но смотрите,  
Подогреть вино.

В три рубли! зачем? оставьте:  
Moi, je paus<sup>1</sup> весь счет.  
Да бутылки две поставьте  
Редереру в лед!  
Finissez donc<sup>2</sup> ваши речи,  
Вас я не хочу  
Разорять для нашей встречи  
И за все плачу...

Вот и джин... даращем, что ли?  
Настоящий он...  
Не от голода, от воли  
По России стон!  
Я проездом видел, точно,  
Есть кой-где беда,  
Но зато ведь как порочна  
Грубая среда!  
Пьянство, буйство, лень повсюду  
Лишь на злое прыть;  
Как же, спрашиваю, худу  
В наши дни не быть?  
Изменились — так за это  
Кое-где и мрут,  
Остальное всё — газеты  
Из злорадства врут.  
Franchement<sup>3</sup> — я враг до смерти  
Мнений через край,  
И у нас не голод, верьте,  
А неурожай...

1868

---

<sup>1</sup> Я плачу.—*Ред.*

<sup>2</sup> Кончайте же.—*Ред.*

<sup>3</sup> Откровенно говоря.—*Ред.*

Честным я прожил певцом,  
Жил я для слова родного.  
Гроб мой украсьте венком!  
Трудным для дела благого  
В жизни прошел я путем.

Цел и боролся со злом  
Силой я смеха живого.  
Гроб мой украсьте венком!  
Трудным для дела благого  
В жизни прошел я путем.

[1876]

Ах ты, плут-мальчишка,  
Сын мой ненаглядный,  
На тебя гляжу я  
С нежностью жадной.

Ты идешь, каналья,  
Тоже вслед за веком,  
Будешь ты, я вижу,  
Дельным человеком!

Полон я блаженства  
И надежды сладкой,  
Глядя, как ты часто  
Подбежишь украдкой

К моему комоду.  
Ловко ключ приладишь  
И оттуда быстро  
Гривенник украдешь;

И потом слежу я  
В чистом нападении,  
Как ты эти деньги  
Пустишь в обращение,

Как сестру родную  
Ими ты ссужаешь  
И потом с нее же  
Вдвое получаешь...

Как не восхищаться,  
Глядя, как порою  
Ты перед вельможей  
Гнешься запятою;

Как ты понимаешь,  
Кто богат и знатен,  
Как в делах ты ловок,  
Тонок, аккуратен!

Бестия-мальчишка,  
Сын мой несравненный,  
Ах, какой ты будешь  
Рыцарь современный!

[1858]

Он был титулярный советник,  
Она — генеральская дочь;  
Он робко в любви объяснился,  
Она прогнала его прочь.

Пошел титулярный советник  
И пьянствовал с горя всю пѣчь —  
И в винном тумане носилась  
Пред ним генеральская дочь...

[1859]

## НЕГОРДЫЙ ЧЕЛОВЕК

Родитель мой, готовясь кинуть  
Сей свет,  
Мне дал такой благоразумный  
Совет:  
«Мой сын, ничем не брезгай в мире,  
Смотри,  
И все, что только брать возможно,  
Бери».  
С тех пор храню я свято мудрый  
Приказ,  
На все глядит с участием теплым  
Мой глаз.  
Не мучась в гордой, бесполезной  
Борьбе,  
Я все, что можно, прибираю  
К себе.  
Увижу ль где галоши лучше  
Моих —  
Беру без снеси безрассудной  
И их.  
Платок увижу ли хороший —  
Возьму.  
Кто может денег дать — нет сниска  
Тому.

Мне дали раз отличный перстень —  
Чужой,  
Чтоб передать его особе  
Другой.  
Я рассудил, что буду глупый  
Педант,  
Когда отдам такой отличный  
Брильянт.  
Другой бы брезгать стал, стыдиться,  
А я  
Не знаю спеси, и вещица —  
Моя.  
Как птица божия, не сею,  
Но жну,  
И помню заповедь благую  
Одну:  
«Мой сын, ничем не брезгай в мире,  
Смотри,  
И все, что только брать возможно,  
Бери!»

[1859]

## ТРОСТНИК И СПИНА

*(Басня для детей)*

«Как гибок я! как гнусь я превосходно! —  
Сказал молодой тростник, с тщеславьем  
на челе: —

Когда ни захочу, свободно  
Склоняюсь к земле.

Кто в гибкости со мной осмелится  
сравниться?

Кто обогнать меня решится?»

— «Я!» — вдруг раздался крик,

И видит наш тростник —

Чудовище глазам его явилось.

«Кто ты? — тростник спросил, потрянувши  
головой: —

Какое существо решилось

Померяться со мной

И в гибкости со мною потягаться?»

— «Я, — говорит чудовище, — спина,

Которая затем лишь создана,

Чтоб кланяться и до полу сгибаться;

Затем, что знаю я,

Что, чем моя порода

Способнее к сгибанию, тем у ней

Почету более, дохода,

И силы, и связей...

Конечно, и меж нами  
Такие спины есть,  
Которые — стоять какими-то шестами  
Считают за большую честь;  
Но эти спины —  
Какие-то дубины,  
И им зато на свете нет житья;  
Перед такими же, как я,  
Ты, о тростник, ничто; куда тебе  
тянуться?

Притом сгибание твое  
Тебе копейки не приносит,  
Ну, а мое  
Обогащает и возносит!»  
Тут понял истину тростник  
И головой в смущении поник...

Мораль сей басни такова:  
Нам гибкая спина нужней, чем голова.

[1860]

## ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ

*(Русская мелодия)*

**Я** люблю смотреть на звезды —  
Но не те, что в горнем мире;  
Мне милее те, что светят  
На чиновничьем мундире.

Эти Сириусы, Марсы  
Для меня смешны и странны;  
Мне милее Станиславы,  
И Владимиры, и Анны.

И люблю я слушать шелест —  
Но не вязов, не акаций;  
Мне милее шелест крупных  
Всероссийских ассигнаций.

Я люблю смотреть, как гнется —  
Но не ива в роще темной;  
Мне милей сгибание тела  
У начальника в приемной.

И люблю внимать я реву —  
Но не ветра над волнами;  
Мне милее рев *особы*  
Над мельчайшими чинами.

Я люблю ключи большие —  
Но не в скалах и пещерах;  
Мне милее те, что блещут  
На высоких камергерах.

И люблю я теплый климат —  
Но не стран благословенных;  
Мне милей теплынь родная  
Мест гражданских и военных.

[1862]

## ЭЛЕГИЯ

*(Один из современных вопросов  
с поэтической точки зрения)*

**Я** любил ее так нежно,  
Так высоко-поэтично;  
Все в ней было так эфирно,  
Так небесно-гармонично;  
Но вчера о боги, боги,  
Приключение какое!..  
Ту, которая являлась  
Мне как нечто неземное,  
Окруженная цветами,  
В обстановке идеальной, —  
Ту красавицу увидел  
Я в палате госпитальной!  
С инструментом подле трупа  
Дева милая стояла  
И, по правилам науки,  
Труп спокойно рассекала.  
Я отпрянул в изумлении  
От невиданного дела,  
А она в глаза мне прямо  
И учено посмотрела;  
Протянула мне спокойно  
Окровавленные руки

И сказала: «Друг, ты видишь  
Здесь служителя науки!»  
И опять припала к трупу...  
Я стоял, глотая слезы;  
Черной пылью рассыпались  
Поэтические грезы;  
Их как молния сменяли  
Медицинские картины,  
И шептала я: «Дева рая —  
Доктор, доктор медицины!..»

## ВЕСЕЛАЯ ПЕСЕНКА

Ах ты, русская, русская гласнѣсть!  
Сколько важныхъ вопросовъ ты в ясность  
Из тумана на свет привела!  
И какая ты чудная сила,  
И какие ты, право, свершила  
Величаво-благие дела!  
Если взятки еще не пропали,  
Так теперь получать-то их стали  
Осторожно, без грубых манер;  
Если женщины еще оскорбляют,  
Так ведь это уж дети свершают,  
Как случилось в Твери, например;  
Если мы дикарями богаты,  
Если мы на словах тароваты,  
Если лунит слугу либерал,  
Если многие спины всё гибки,  
Если подлостью пахнут улыбки,  
Если силу имеет нахал, —  
Так ведь это одни исключенья,  
И бледнеют они от сравненья  
С тем, что ты нам так щедро дала,  
О великая русская гласнѣсть,  
Всё приведшая в яркую ясность...  
Тра-ла-ла, тра-ла-ла, тра-ла-ла!

## ПЕСНЯ СУМАСШЕДШЕГО АКЦИОНЕРА

Моего вы знали ль друга?  
*Офелия.*

**В**ы знавали ль Колиньона?  
Он был бравый кавалер,  
Горделивый, важный барин  
И французский инженер!

Там, далеко, за морями,  
В пышной он сидит квартире,  
Перед ним — сундук тяжелый,  
В нем — всё русские рубли.

Колиньон! Назад три года  
Мы пришли к тебе толпой:  
«Потрудись-ка для народа  
И дороги нам построй.

Мы с тобою разных наций,  
Но у нас найдешь ты рай,  
А уж русских ассигнаций,  
Сколько хочешь, забирай!»

Он поспешно снаряжался,  
Все контракты заключил,

Всё построить страшно клялся,  
Обманул — и укатил!

Коллиньону мы сказали:  
«Ты контракты позабыл,  
Твой карман мы наполняли,  
Наш до дна ты иссушил!»

Он с усмешкой отвечает:  
«Я контрактов не забыл;  
Разве Общество не знает?  
Я шутил! ведь я шутил!»

Отпустили его мы с тугим кошельком,  
Проводили с смиренным поклоном,  
И горячие слезы струились ручьем,  
Как прощались мы с Коллиньоном!

Он не придет! он не придет!  
Сей славный гость земли российской,  
И на чужбине не вздохнет  
О линии Феодосийской!

Он не придет! он не придет!  
И там, среди французских граций,  
Во славу русских ассигнаций  
Рассказ заманчивый пойдет...  
Он не придет! он не придет!

## СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

*(В новом роде)*

Говорят, водопроводы  
Попросили Думу  
Отпустить им на расходы  
Тысяч в двести сумму.

Говорят, услышав это,  
Дума городская,  
Вместо всякого ответа —  
Странная такая —

На бассейн, громаду-зданье,  
Едко указала  
И правленью в назиданье  
Басенку сказала:

Попрыгунья-стрекоза,  
Акведукная компанья,  
Погрузилась в труд копанья...  
Вдруг, глядит — пришла гроза:  
В кассе чисто, словно в поле,  
Нет уж дней тех светлых боле,  
Как добряк-акционер,  
Щедрый выше всяких мер,

Под директорские сказки  
Снал, закрывши сладко глазки,  
И давать свой капитал  
Чистым счастьем считал.  
Дни блаженства пролетели...  
И Палибины, и Пели  
И Овсянников, и Крон  
Чуют время похорон.  
Труб печальнейшая груда  
На Сенатской площади,  
А далеко позади  
Башня смотрит как Иуда...  
Тут компания с тоской  
Лезет к Думе городской:  
«Не оставь меня приветом,  
Не срами пред целым светом,  
Одолжи для спуска вод  
Тысяч двести на расход...»  
— «Кумушка, мне это странно!  
Ты брала ведь беспрестанно  
Деньги будто на труды,  
А ни капельки воды  
В ваши трубы не спустила...»  
— «До того ль, сестрица, было!  
Ведь в правлении у нас  
Схватки, споры — каждый час,  
Так что воду я забыла...  
А притом, я без ума  
Рыла ямы ежечасно...»  
— «Рыла ямы! И прекрасно, —  
Так заройся в них сама!»

## УТЕШЕНИЕ

(Романс)

Верьте мне, о россияне,  
Верьте — прав во всем Скарятин:  
Все изменится, как должно,  
Все очистится от пятен.

Нигилисты-забияки,  
Консерваторы-тупицы —  
Все исчезнут безвозвратно  
Из провинций и столиц.

Жизнь свободную не будет  
Жать ярмо антагонизма,  
Оттого что очень много  
В нас живет либерализма;<sup>1</sup>

Ни реакции не будет,  
Ни тревоги грустно-шумной...  
«Тише едешь, дальше будешь» —  
Наш девиз благоразумный.

---

<sup>1</sup> См. статью г. Скарятин в „С.-Петербургских Ведомостях“.

Безмятежны как младенцы,  
Выбрав гладкую дорожку,  
Мы когда-нибудь до цели  
Доплетемся понемножку.

Только дайте до второго  
Нам дожить тысячелетья, —  
Оперимся мы отлично  
В эти новые столетья.

Ко второму юбилею  
Будет русский мир утешен,  
И какой тогда воздвигнет  
Новый памятник Микешин!

Подождите, потерпите!  
Все очистится от пятен;  
В этом нам залогом служит  
Зорковидающий Скарятин!

## КИТАЙСКИЙ АЛЬБОМ

### I

Душно в воздухе Пекина,  
Спят на крышах воробьи...  
Два почтенных мандарина  
Чешут бороды свои.

Говорит один другому:  
«Что-то будет?» А другой  
Отвечает, вышив рому:  
«Я не знаю, милый мой!»

- «Времена пришли плохие!»
- «Да, плохие времена!»
- «Это всё проказы змия!»
- «Это гадит сатана!»

Смолкли оба мандарина,  
Чешут бороды свои...  
Душно в воздухе Пекина,  
Спят на крышах воробьи.

## II

Ты идешь купаться в ванну,  
О красотка Лянь-Дзинь-Да!  
И кричишь, ошпарив пятку:  
«Ах, горячая вода!»

Но поверь, она не значит,  
О мой ангел, ничего  
Пред кипучею водою  
Сердца друга твоего.

Покупайся в этом сердце —  
И в мгновение одно  
Ты ошпаришь все, что небом  
Щедро так тебе дано!

## III

Нынче все молокососы  
Судят, точно старики,  
Всё какие-то *вопросы*  
Подымают, дураки.

Не дают значенья чину,  
Рады с каждым воевать  
И готовы мандарину  
Чуть не в бороду плевать.

Впрочем, мне-то что за дело!  
У меня своя беда...  
Мне терзает дух и тело  
Милый ангел Лянь-Дзинь-Да.

Эти юноши уймутся,  
Прекратят свою войну,  
Потому что разобьются  
О китайскую стену;

Но моя душа и тело  
Сокрушатся навсегда...  
Понимаешь ты, в чем дело,  
Милый ангел Лянь-Дзинь-Да?..

#### IV

Говорят, в Европе нынче  
Просто светопреставленье —  
Политические споры,  
И реформы, и движенье.

Говорят, что в ней приспело  
Знаменательное время  
И работает серьезно  
Европейцев новых племя.

Говорят, что там поэты  
Не поют, как в дни былые,  
Про любовь к небесной деве  
И про очи голубые.

Говорят, для них комичны  
Эти юные порывы,  
И схватились все поэты  
За гражданские мотивы.

Но пускай шумит Европа,  
Пусть идет тревога в мире, —  
Я изменником не стану  
Сладкозвучной, юной лире;

В мире птичек, дев, цветочков  
Буду жить всегда, как дома,  
И лишь в нем предметы черпать  
Для китайского альбома.

V

Ах, как счастлив я безмерно,  
Научась читать по-русски!  
Это чтение заменяет  
Мне десерты и закуски.

Птичьи гнезда со сметаной,  
Свекловичные котлеты  
Для меня не так приятны,  
Как российские газеты.

В них так много разных фактов  
Поучительных, блестящих  
И в ушах седых китайцев  
Как-то сладостно звучащих.

В них так много разных фактов,  
Говорящих, что Россия  
Чтит дошедшие от дедов  
Все предания святые;

Что сыны ее доселе  
Уважают дисциплину,  
Что пред старшим чином младший  
Гнет почтительную спину;

Что от глаз непосвященных  
Скрыты тайны канцелярий,  
Как у нас браминов тайны —  
Мир, неведомый для парий;

Что не в моде откровенность,  
Что святое изречение:  
«Тише едешь, дальше будешь»  
Всюду сыщется применение —

И в судебном производстве,  
И в развязке дел полезных,  
И в работах телеграфных,  
И в сетях дорог железных.

С наслаждением я вижу,  
Что шагает тихо гласность,  
Никого не повергая  
В неприятность и опасность;

Что с примерным прилежаньем  
Попирают злое семя  
Мудрый Виктор Аскоченский,  
Золотое «Наше Время»;

Что не только в мир чиновный,  
Но и в мир литературы

Проникают, слава небу,  
Мандаринские фигуры!..

Много, много мне отрады  
Доставляет это чтение,  
Из которого мне ясно  
Всероссийское движенье;

Но, как сын своей отчизны,  
Воздыхаю я глубоко  
И шепчу: «Увы! Китаю  
До святой Руси далеко!»

1863

## ДАМАМ-ПАТРИОТКАМ

**М**esdames! Я с радостью вступаю  
В патриотический союз,  
Как вы, себя освобождаю  
От ненавистных чуждых уз.  
Mesdames! вы — русские гражданки,  
А я — российский гражданин;  
Так мы ль не выдержим приманки  
Творимых Франдиею вин?  
Нет, нет! Бежим от этой скверны,  
Покажем обществу пример...  
Долой икемы и сотерны,  
Долой лафит и редерер!  
Патриотизм вполне здоровый!  
О иноземец, трепещи  
И знай — у нас есть квас фруктовый  
И русский мед, и кислы щи!  
Уйдем от этих иноземцев  
Для блага края своего  
И брать у бриттов, франков, немцев  
Не будем ровно ничего.  
Все иностранные романы  
Отныне в ссылке быть должны;  
Вы нарядитесь в сарафаны,  
Мы нарядимся в зипуны;  
На нашу сцену итальянцев

Не будем больше призывать;  
Дадим зарок — заморских танцев  
На вечерах не танцовать;  
Забудем венские кареты,  
Остендских устриц проклянем  
И страсбургские все пастеты  
Отравой губительной сочтем.  
Ура! Да здравствуют мурмолки,  
Кафтаны, с дежем сапоги,  
Капуста, бани, одноколки,  
На постном масле пироги!  
Пойдем вперед быстрее раков —  
И, внемля радостной молве,  
Иван Сергеевич Аксаков  
Подпрыгнет весело в Москве!

## ДОКТРИНА

Стучи в барабан и не бойся. . .

*Гейне.*

«Стучи в барабан и не бойся,  
Целуй маркитантку под стук;  
Вся мудрость житейская в этом,  
Весь смысл глубочайший наук.

Буди барабаном уснувших,  
Тревогу без усталости бей,  
Вперед и вперед подвигайся, —  
В том тайна премудрости всей».

Так пел знаменитый мой тезка  
И, в гордости странной своей,  
Он думал, что этой доктриной  
Составит блаженство людей;

Он думал, что эту доктрину  
На деле легко применить,  
И шел он с своим барабаном,  
Стараясь будить и будить.

Я, тезка великого Гейне,  
На вещи иначе смотрю. . .

Я, правда, поэзии жаром,  
Как он, постоянно горю,

Когда забываюсь в мечтаньях  
О птичках, девицах, луне...  
Но чуть до доктрины доходит —  
Доктрина иная во мне.

Отрекшись от дерзкой гордыни,  
Судьбу обеспечив свою,  
Я тихо, свободно и сладко  
В своем кабинете пою:

«Оставь барабан ребятишкам,  
Целуй благоправно жену,  
Спи сам и ничем не препятствуй  
Других безмятежному сну.

Где только заметишь тревогу,  
Домой удирай поскорей,  
И там лишь вперед подвигайся,  
Где пользы немало твоей.

Вся мудрость житейская в этом,  
Весь истинный смысл бытия...  
Прекрасную эту доктрину  
Изведал на опыте я.

И знаю, что кончу покойней,  
Комфортней, светлее свой век,  
Чем кончил мой тезка несчастный,  
Больной фантазер-человек!»

ИЗ ЦИКЛА «ПАРИЖСКИЙ АЛЬБОМ»<sup>1</sup>

(Посвящается А. Н. Майкову)

С легкой руки А. Н. Майкова поэтические альбомы разных местностей вошли в моду. В прошлом № «Искра» представила читателям «Венецианский альбом», теперь предлагается «Парижский». Мы надеемся еще предложить любителям поэзии альбомы лондонский, константинопольский и нагасакский. Выпуск в свет общего роскошного издания этих альбомов будет зависеть от согласия А. Н. Майкова. Без его альбома издание не состоится.

I

В русской церкви за обедней  
Весь beau monde<sup>2</sup> наш собрался;  
Там Тургенева я встретил:  
Поболтали с полчаса.

---

<sup>1</sup> Все стихотворения этого альбома относятся к Парижу прошлого года. Я уверен, что с той поры ничего не изменилось; там то же правительство, те же полисмены, тот же И. С. Тургенев; недостает только меня, но к лету я думаю побывать туда. Автор.

<sup>2</sup> Высший свет.—Ред.

«Каково, Иван Сергеевич,  
Поживаете?» — «Merci.  
Все пишу о нигилистах —  
Русь от них Христос спаси!»

— «Нет ли с Севера известий?»  
— «Вот Некрасов пишет мне,  
Будто всякий день ему я  
Все мерещуся во сне».

— «Что вы?» — «Право! зазывает  
В «Современник»; ну, да я  
Не поддамся, симпатию  
В сердце к «Вестнику» тая».

## II

Я любил за чашкой кофе  
Восседать в café Dugand;  
Там февральской революции  
Начался плохой роман.

Там фразерствовал когда-то  
Благородный гражданин,  
Автор разных медитаций  
И виконт de Lamartine.

Там в дни оны «депутаты»  
Проживали годы в час,  
Революцию создавая  
И волнуясь из-за масс!

А теперь сидят там чинно  
Буржуа и пьют лафит,

И пред входом полицейский  
Ходит мрачен и сердит...

III

*Diable m'emporte!*<sup>1</sup> Гулять я вышел  
От «Concorde»<sup>2</sup> и вдоль «аркад».  
Что ж? — едва ль не в каждой арке  
Полицейские стоят!

*Sacrebleu!*<sup>1</sup> До *Tour Saint Jacques*<sup>3</sup> я  
Прошагал всю «Риволи» —  
И клянусь вам, полисмены  
Непрерывной цепью шли!

*Sacristie!*<sup>1</sup> К Палероялю  
Выхожу я: тут и там  
Полицейские повсюду —  
Посредине, по углам!

*Cent milles diables!*<sup>1</sup> Иду я дальше:  
*Rue Saint Marc, quartier Bréda*<sup>4</sup>  
Охраняет равномерно  
Полицейская орда!

*Ventre-saint-gris!*<sup>1</sup> Вот на бульвары  
Занесла меня судьба.  
Что же? — вижу полисменов  
Я у каждого столба!

1863

<sup>1</sup> «Чорт возьми!», «Сто тысяч чертей!» и т.п. — *Ред.*

<sup>2</sup> Площадь Согласия. — *Ред.*

<sup>3</sup> Башня Сен-Жак. — *Ред.*

<sup>4</sup> Улица Сен-Марк, квартал Бредà. — *Ред.*

## ИЗ «БЛАГОНАМЕРЕННОЙ ПОЭМЫ»

Слава нам! В поганой луже  
Мы давно стоим,  
И чем далее, тем хуже  
Мы себя грязним!

*Конрад Лилиеншвагер.*

### V

**Я**, читатель, от няни старушки слышал  
В дни волшебнo-мелькнувшего детства  
Много сказок чудесных: один этот клад  
Мне она завещала в наследство.

На меня не посетуют, если теперь  
Сказку я расскажу: отчего нам  
Не запеть, как певалось в минувшие дни,  
Простодушно младенческим тоном?

Я люблю звуки песен былого, люблю  
Этих звуков волшебные песни;  
Сердцу сладко минувшие дни вспоминать,  
С ними жизнь и светлей и чудесней!..

Так начнем же: далеко, в заморских краях  
Жил волшебник Прогресс благодушный,  
Правил мирно страной да творил чудеса,  
И Прогрессу все были послушны.

Жил Прогресс, не тужил; да случилось,  
узнал.

Что есть целые грады и веси,  
Где в спокойствии добрые люди живут  
Да и знать не хотят о Прогрессе.

Он разгневался. «Ну, — говорит, —  
коли так,  
Сам иду я, своею персоной  
К этим людям: посмотрим мы, как-то у них  
Будет принят властитель законный?»

Собрался он без свиты; шел день, может  
два,

И пришел наконец: ничего-то  
Не видать — ни долинок, ни речек, ни гор,  
Лишь зловонное видно болото.

Люди разных чинов и сословий сидят  
В том болоте средь грязи смердящей,  
Жрут ее да хвалебные песни поют,  
Полагая, что пищи нет слаще.

«Что за мерзости!» — плюнул волшебник  
Прогресс

Да и прочь было... глядь: вместо суши  
Очутилась трясина под ним — и завяз  
Он в трясине по самые уши!

Оглянулся он в страхе: толпою к нему  
Разноцветные люди всплывали —  
На лицо ему плюнули грязью, потом  
Сами грязь ту облизывать стали...

И сидит в том болоте Прогресс, и досель  
Он не может уйти из болота...  
«Ну уж сказка!» — кричат мне.

Соскучились вы? —  
Самому мне невесело что-то...

«Для чего же рассказывать было ее? —  
Что за басни, давайте нам дело!»  
Для чего? — «есть причина, но я не скажу  
Ее звездам небес!»... (из «Отелло»).

Впрочем, если угодно, вам можно теперь  
Насладиться приятной мечтою:

. . . . .

То ли дело у нас-то, такой ли прием  
Был оказан прогрессу сынами  
Милой роины? принят он был, восхвален  
И осыпан в восторге цветами.

На Скарятине въехал он в славе; в Москве  
Был он встречен Катковым, лорд-мэром,  
На пути ему Павлов песок сыпал,  
И скакала Розенгейм пионером.

Все младенцы ему воспевали хвалу:  
Калиновский,<sup>1</sup> Громека, Чичерин,  
Князь Черкасский с березовой ветвью шел,  
Заливался Скарятин как мерин...

---

<sup>1</sup> Г. Калиновский — издатель ныне почившего прогрессивного журнала для детей «Светоч».

Ах, куда мы идем? до чего мы дойдем?  
 Часто слышатся эти вопросы  
 В нашем обществе мудром, и часто от них  
 Сильно духом смущаются россы.

Отвечают одни: мы идем всё вперед;  
 Но другие, исполняясь тревоги,  
 Возражают: да что же нас ждет впереди?  
 И не лучше ль присесть на дороге?

Может быть, впереди-то — спаси нас  
господь —  
 Сами будем мы жизни не рады;  
 Ну как месяцы вроде «плювьёзов» пойдут,<sup>1</sup>  
 А недели заменят «декады»?

Ну как вдруг, например, на Арбате,  
в Москве,  
 Развернутся деревья свободы?  
 И под ними российские девы начнут  
 В белых юбках водить хороводы?

Ну как вдруг целовальник у нас с мясником  
 Зашумят, загуляют не в шутку?  
 И нельзя будет их на веревке свести,  
 Для смирения должного, в будку?

---

<sup>1</sup> Здесь автор, очевидно, имеет в виду исключительно ежемесячные хронические предсказания г-на Громеки, потому что, кроме его, у нас, кажется, еще никто не предсказывал революции. Это ясно из сопоставления г. Гончарова — Марату и г-жи Кохановской — m-me Roland. Хороша вышла бы революция при таких деятелях! *Прим. наборщика.*

Ну как «Почты» редактор Иван Гончаров  
Обратится внезапно в Марата,  
Кохановская выйдет подобьем Roland?..  
Что-то мы затолкуем тогда-то!

Но к столь страшным мечтаниям склонны  
умы  
Только слишком наивного свойства,  
Я сказал уж однажды: порядок у нас —  
Так какие же тут беспокойства?

Надо только одним признаться: чтоб мы  
Были в жизни невинны и чисты  
Яко голуби, и да исчезнут как дым  
Из родимой земли нигилисты!

Это мирного общества нашего зло,  
Это Запада гнойного дети;  
Им не свято отечество самое, им  
Ничего нет святого на свете!

Им благие реформы дают: например,  
Улучшая цензуру, хлопочут  
«Предварение» вместе с «каранием» слить,—  
А они безобразно хохочут!

Вред их обществу признан давно; и теперь  
Нигилистов смиряют отлично:  
В Петербурге келейно их правят, в Москве  
Исправляет Юркевич публично.

Мне, однако, читатель, казались всегда  
Эти меры медлительны очень;

Как быстрее нигилизм истребить до  
конца —

Этим я горячо озабочен.

Порошок я хочу изобрести, чтоб сморить  
Порождение злых элементов:  
Свистунов, журналистов, писателей всех  
И, особенно, дерзких студентов.

.....

1803

## ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ ПО ПОВОДУ ВЫХОДА «СОВРЕМЕННОГО»

### I

#### В МОСКВЕ

Магазин Базунова. Два „благонамеренных“.

1-й **благонамеренный**  
Кто сей толстый, Базунова  
Запрудивший магазин?

2-й **благонамеренный**  
Это *он* явился снова,  
Нигилизма ярый сын!

1-й **благонамеренный**  
Что ж, воздержанный начальством  
Стал ли нынче он смирней?

2-й **благонамеренный**  
Нет, увы, с былым нахальством  
Все шипит, шипит как змей!

1-й **благонамеренный**  
Что ж, великого Каткова,  
Заслужившего хвалу,  
Он...

2-й благонамеренный  
Отделяет снова,  
Изрыгнув Москве хулу!

1-й благонамеренный  
Что ж, исполнен прежней блажи,  
Отвергает дерзко он  
Даже?..

2-й благонамеренный  
Ну, ему все «даже» —  
Бред, сумбур, мечтанья, сон!

1-й благонамеренный  
Что ж, ужель опять скандалы  
Он пускает, как пускал?

2-й благонамеренный  
(махнув рукой)  
Что тут! все как есть журналы  
Поголовно обругал!

1-й благонамеренный  
Что ж, ужель опять «мальчишки»  
В нем найдут себе притон?

2-й благонамеренный  
Да уж в этой первой книжке  
Им хвалы слагает он!

1-й благонамеренный  
Что ж, ужель раздастся снова  
Возмутительный «Свисток»?

2-й благонамеренный  
Да, сей бич всего святого  
В надлежащий выйдет срок!

Оба вместе  
(с ужасом)

О! бежим от Базунова:  
Нас враждебный гонит рок!

И

*В ПЕТЕРБУРГЕ*

Невский проспект. Сходятся: М. Достоевский, Громека  
и Краевский; у каждого «Современник».

Достоевский  
Появился!

Громека  
Вот он!

Краевский  
Эка  
Толщина-то, толщина!

Громека  
Да... а кто ж, как не Громека,  
*Разрешению* вина?  
В прошлой «хронике» я смело  
Стаз начальству объяснять,  
Что теперь пора приспела  
Нигилистам волю дать.

Достоевский

(язвительно)

Ну, почтеннейший мой, смею  
Объяснить вам, на свою  
Написали вы на шею  
Эту мудрую статью!  
Вот уж с ними солидарность  
Вы иметь бы не должны:  
Посмотрите, в благодарность  
Что вам пишут «свистуны».  
(Показывает ему какую-то статью.)

Громека

Что? невежда я и школьник!

(Громовым голосом)

Ну так слушай, Невский град:  
«Современник» есть крамольник!  
Нигилизм — ужасный яд!

Достоевский

(Краевскому)

А меня на «почве» милой  
Оскандалили!

Краевский

(меланхолически)

Грущу...

Достоевский

Ну, да я сберуся с силой:  
Купно с Федором отмщу,  
Иль Косиду напущу!

Г о л о с а б л а г о н а м е р е н н ы х  
и з а т м о с ф е р ы

Сей журнал — исчадь мрака!

В нем хозяин — сатана!

К р а е в с к и й

Так, друзья мои; однако,

Толщина-то, толщина!

1863

ПОСЛЕ ПЕРВОГО ЧТЕНИЯ  
Г. ЮРКЕВИЧА ПО «ФИЛОСОФИИ»

Грянул гром не из тучи...

Ах, я грешник окаянный!  
Я себя в восторге чистом  
До сегодняшнего полдня  
Называл матерьялистом.

Был я к Бюхнеру привязан,  
Покоряясь общей моде,  
И читал его девицам  
В запрещенном переводе.

Наводил на дам московских  
Больше, чем все черти, страха,  
Проповедуя идеи  
Молешотта, Фейербаха!

Но ко мне внезапно в душу  
Благодать сошла господня:  
Мне Юркевич многоумный  
Свет ее открыл сегодня.

Доказал он мне — о небо,  
Я предвидеть это мог ли! —

Психологии незнание  
В обожаемом мной Бокле!

Горько плачь, несчастный Бюхнер,  
Достождолжную острастку  
Обещает дать тебе он,  
Сняв с твоей системы маску

Для девиц и дам московских  
Ты не будешь страшной тенью,  
Не привьешься гнойной язвой  
К молодому поколенью!

Вот тебе пример: навеки  
Я прощаюсь с тобою,  
Породил меня Юркевич  
С философией иною;

Почитать я буду старших,  
Полож к ним благоговенья, —  
И в великий пост намерен  
Справить ровно два говенья!

## ЖЕНА И ЖАБЫ

*(Современная баллада)*

### I

Друг читатель! светила, что небесная сила  
В небе светлом зажгла, перечти-ка,  
Иль, попробуй, исчисли всевозможные  
мысли,  
Что роятся в мозгу моем дико.

Говорю тебе смело: на подобное дело  
Человека способного нету;  
Ибо небу от бога звезд дано страшно много,  
Точно так же, как мыслей поэту.

Это, друг, — аксиома; но не бойся, в три тома  
От того не создам я творенья.  
Будь же радостен духом и внимательным  
ухом,  
Сына Феба внимай песнопенья.

В наши дни очень в моде петь в дивиче-  
ском роде;  
С злом в стихах препираться гремящих;  
Но для этого рода не ссудила природа  
Нашим лирикам душ настоящих.

Я к поэтам подобным нахожу неудобным  
Примыкать; нет, уж лучше я стану  
Петь изящные ножки моей миленькой  
крошки  
Иль объятьями льнуть к ее стану.

В этот раз похлопочем мы, читатель мой,  
впрочем,  
В лад с эпохою петь; но не с тою,  
Где — дрожу я от страха! — так громят  
Фейербаха,  
А в которой живем мы с тобою.

## II

Начинаю ab ovo:<sup>1</sup> в дни, когда мне все ново  
Было в жизни, я читывал книжки,  
Те ужасные книжки, что читают мальчишки,  
Вольнодумству предавшись в излишке.

Вред от чтения такого нам доказан; ни слова  
Не могу возразить я на это.  
Но не скрою я мнения своего: это чтение  
Упоительно в юные лета.

Ах, я помню те ночи, как усталые очи  
До рассвета умел не смыкать я;  
Ум был знания жаждой переполнен и к  
каждой  
Новой истине падал в объятья!..

---

<sup>1</sup> С самого начала. — *Ред.*

Впрочем, дело не в этом; я поведать пред  
светом

Должен вот что: в те дни, как я в недра  
Знаний лазил глубоко, от меня недалеко  
Жил, фортуною взысканный щедро,

Некий муж Петр Беспалов; он в душе  
идеалов.

Не носил, но — по милости рока —  
Как помещик, свободно с мужичков ежегодно  
Собира́л тысяч восемь оброка.

И, как доброму мужу, дал господь все ему же  
Не супругу, а сущее злато;  
Ах, Агафья Петровна, с вами жизнь так  
любовна,  
Так мила мне казалась когда-то!

Но да будет тем стыдно, кто помыслит  
обидно.

Обо мне и почтенной сей даме:  
От нее я в экстазе, но в амурной с ней  
связи.  
Не был я — в том клянусь небесами!

Нет, сердец наших струйки пели в такт,  
как мы Функе,

Отто Функе вдвоем изучали,  
Иль когда гигиену (*grand merci*<sup>1</sup>  
Эстерлену!)

В упоеньи святом постигали.

---

<sup>1</sup> Большое спасибо. — *Ред.*



Вздрыгнул Прошка и сразу, повинувась  
приказу,  
Стал пред барином с заспанной рожей.

«Спишь как уважень словно... Где Агафья  
Петровна?»

— «В сад ушли, надо быть, прогуляться;  
Господин Цередринов<sup>1</sup> с ними там-с...»

— «Господинов  
Я не жалую этих, признаться.

Ходят, век бьют баклуши, баб морочат да  
в уши

Шепчут без толку им ахинею:  
Учат, вишь ты, науке... Дай пальто мне  
и брюки,  
Я пойду прогуляюсь в аллею».

Брюки барину Прошка подает, сам немножко  
Ухмыляется в руку; но барин  
И не зрит, что у хама на устах эпитаграмма  
И что взор его страшно коварен...

Выпив кружки две квасу, в сад идет чрез  
террасу

Петр Иванович; бродит в аллеях,  
Ищет гостя с женою — сад облит весь  
луною —

Но не может узреть он нигде их.

---

<sup>1</sup> Заметно, что Прошка из сотрудников журнала  
«Библиотека для Чтения».

«Чорт возьми! в пору эту неужель по  
секрету  
С *ним* сокрылась в беседку Агафья?  
О творец! неужели там они не без цели,  
И в своих подозрениях прав я?...»

#### IV

Светит месяц над садом, звезды ласковым  
взглядом  
Смотрят с неба сквозь сонные ветки;  
Весь взволнованный духом, Петр Иванович  
ухом  
Льнет к дверям затворенным беседки.

Он внимает в испуге: дискант милой супруги  
За дверьми раздается; ей басом  
Кто-то держит реплику; говорит про  
клубнику,  
В том нельзя усомниться и часом:

«Спать он лег? — превосходно! можем быть  
мы свободно  
Здесь до полночи... Ставни закрыли;  
Свет не виден в окошки... Ну, смотрите ж,  
я ножки  
Протяну, как меня вы учили...»

— «О мой боже, мой боже! наказуешь за  
что же?» —  
Муж вздохнул; в нем вся кровь закипела,

И — мигнуть только глазом — в дверь  
беседки он разом  
Ворвался, разъярен как Отелло!

Что ж узрел он в испуге? на скамье близ  
супруги  
Я сидел (в позе страсти — ни крошки)  
И для дела науки, простерев свои руки,  
Распинал лягушонка за ножки;

А Агафья Петровна тварь свою хладнокровно  
Изловчилась резать ланцетом...  
Мой любезный читатель, вы представите,  
кстати ль  
Наш Отелло явился при этом?..

## V

Здесь скажу я: довольно! и прерву  
самовольно  
Сей рассказ на столь милом спектакле;  
Но, читатель, едва ли нам с тобой без морали  
Разлучиться удобно — не так ли?

Вот мораль: жаба жабой будет пусть,  
баба — бабой,  
А наука — наукой; при этом  
Поученьи туманном, поклонясь россиянам,  
Остаюсь их покорным поэтом.

1862

## ИЗ ПОЭМЫ «ПРЕРВАННЫЕ ГЛАВЫ»

### Глава IV

**Я** всегда осуждал направление тех,  
Кто порядком вещей недоволен  
И в наш век положительный жаждой реформ  
И утопий мечтательных болен.

Мне порядок иной непонятен, как тот,  
Освященный веками, с которым  
Существует весь мир: удивительный вид  
Представляет пытливым он взорам.

В основаньи его вложен строгий принцип—  
Нуждам разных людей соразмерно  
Потребление давать: так богатым всем жить  
Хорошо суждено, бедным скверно.

В самом деле, нельзя же равнять меж собой  
Бедняка с богачом; ведь бедняк-то  
С колыбели к лишениям привык: меньше  
И желает скромнее он как-то.

А богатый — он роскошью вскормлен, повит  
Кружевами, парчею и шелком,

Он привык жить просторно, свежо и тепло,  
В аппетите равняется с волком.

Строго мысля, читатель, бог знает зачем  
Филантропам сочувствуем все мы:  
Ведь стремление их бедным братьям  
помочь —  
Нарушение разумной системы.

Понимают ли сами они, что творят,  
Извлекая из бездны проклятой  
Нищеты и несчастья детей? Ах! какой  
Их добро отзовется им платой!

Эти страшные люди, которым они  
Подадут нежно руку спасенья,  
Эти люди на место себя их толкнут  
В бездну зла — в этом нету сомненья.

Филантропии — думаю я — путь иной  
Нужно выбрать, чтоб братии нищей  
Радикально помочь: нужно бедных людей  
Насыщать идеальной пищей.

Эстетических презестей тайну открыть  
Нужно им, красоты тронуть струнки  
В их сердцах, объяснив, что лохмотья нужды,  
Ветхий кров хороши... на рисунке;

Что стенанья, молебны голодающих масс,  
Вид нужды, скорбный вид угнетенья  
Много песен гражданских внушают певцам,  
Возбуждая в певцах вдохновенье;

Что богатый на золото всё покупать —  
И картины и песни обязан,  
А бедняк в отношеньи таких же вещей  
Затрудненьем подобным не связан:

Стоит только взглянуть на свой ветхий  
Иль на кровлю, как дождь в нее льется,  
Иль прислушаться к стонам своим — и душа  
Эстетическим жаром зажжется!

Здесь я с гордостью должен признаться:  
Благодетели есть для народа,  
Что советуют меры на пользу ему  
Совершенно такого же рода.

Радикалы, поборники крайних начал,  
Их бездушными плутами, может,  
Назовут; но ведь мнения крайних людей  
В наши дни никого не тревожат.

Что касается лично меня, я вполне  
Благодетелям верю и внемлю  
С восхищеньем их мудрым советам:  
У крестьянина право на землю.

Неужели в народ добровольно вносить  
Тунеядство должны мы? Ах, верьте,  
Что мужик оттого на работу идет,  
Что боится голодной он смерти!

Благодетельный стимул такой отстранять  
Неразумно из жизни народной;  
Пусть как жил «мужичок» в оны дни  
крепостным,  
Точно так же живет и свободный!

Состоянье такое имеет в себе  
Благ так много: умеренность в пище  
Нашу плоть укрощает и делает дух  
Благородней, светлее и чище.

При желудке пустом обращается мысль  
Исключительно к хлебу и, праздно  
Не стремясь к разъяснению тайн бытия,  
Охраняет себя от соблазна.

## ГРАФ ШЕНГАУЗЕНСКИЙ<sup>1</sup>

*(Современная баллада)*

Торжественным Ахен весельем шумел.  
*Ауковский.*

Торжественный праздник весельем шумел  
В Версали, при главной квартире;  
Хозяин граф Отто фон Бисмарк сидел  
В блестящем майорском мундире.  
Фон Мольтке безмолвно сигару курил;  
Подбельский напитки в бокалы цедил;  
И штабные, младшие чином,  
Стояли поодаль начальников в ряд,  
На вытяжке, будто свершали парад  
Они на плацу под Берлином.

И Бисмарк, наполнивши пивом стакан,  
Вещает с приветом во взгляде:  
«Прекрасен мой пир: целый воинский стан  
Предстал сюда в полном параде;  
Блеск пуговиц, касок, погонов так чист...

---

<sup>1</sup> Факт, положенный в основу этой баллады, рассказывается во всех биографиях гр. Бисмарка, как немецких, так и английских. Биографы, конечно, приводят историю побитого кружкою радикала ради прославления прусского великого человека. С этой же целью поэт сочинил и сию балладу.

Но где ж возбудитель веселья, горнист  
С чудесно звучащей трубою?  
Чтоб сердце мне маршем военным пленить,  
Чтоб песнею прусской мой слух усладить,  
Да явится он предо мною!»

Сказал — и горниста приводят: по швам  
Он держит почтительно руки.  
Граф молвит: «Пропой, братец, что-нибудь  
нам, —

Поешь ты не хуже, чай, Лукки?»  
Весь штаб засмеялся на острый вопрос,  
И все в одобрении общем слилось:  
За юмор был граф восхваляем.  
— «Не можем мы, ваше сиятельство, знать, —  
Горнист отвечает: — что спеть или сыграть  
Прикажете, то и сыграем».

— «Не мне управлять ландвермана душой, —  
Властитель Европы вещает, —  
О чем пожелаешь, о том и запой:  
Граф Бисмарк тебя не стесняет».  
От ласковой речи сей духом горнист  
Взыграл несказанно и, будто артист,  
Почувствовал он вдохновенье;  
Глаза на начальство по форме скосил,  
Напрягся с усердьем, что было в нем сил,  
И вдруг полилось его пенье:

«Однажды в пивную заходит майор  
(Он был представителем «правой»)  
И видит: воля о правительстве вздор,  
Сидят радикалы оравой;

Он пива спросил и, присев за столом,  
Сурово поник над газетным листом;

А шум все сильнее раздавался...  
Особенно ярый один радикал,  
На власть огрызаясь как злобный шакал,  
Весьма неприлично ругался.

Вдруг бравый майор, будто столб верстовой,  
Восстал, в нем отвага вспыхнула:

Взмахнул он, не саблею, кружкой пивной  
И в лоб поразил радикала!

Посыпались на пол осколки; кругом  
Затихли ораторы в страхе немом,

Хулигель властей усмирился...  
Майор же прикрикнул лакею: «болван!  
Возьми зильберггрош за разбитый стакан» —  
И вон из пивной удалился...

Тогда, пораженный, вскочил радикал  
И, шишку на лбу осязая,

Внезапно пророческим духом вспыхнул  
И рек, тьму времен прозревая:

«О муж знаменитый! О прусский герой!  
Чело сокрушил ты мне кружкой пивной:

Сей подвиг — начало дел славных!  
Удел твой в грядущем велик: ты в судьбе  
Европы играть будешь роль, и тебе  
В майорах не сыщется равных!...»

Задумавшись, голову Бисмарк склонил:  
Минувшее в нем оживилось;

Вдруг быстрый он взор на певца устремил —  
И таинство слов объяснилось:

В горнисте он зрит радикала, чей лоб  
Подвергся одной из блистательных проб  
На юнкерский лад усмиренья...  
Все смолкли, на графа уставивши взор,  
И всяк догадался, кто бравый майор,  
И сердцем почтил провиденье.

## ПЕСНЬ О ПЕДЕФИЛЕ И ПЕДЕМАХЕ

### I

Патриоты и пророки  
Педефил и Педемах  
За любезную отчизну  
Ощутили в сердце страх.

И была причина страху:  
От полярных холодных льдов  
И до «пламенной Колхиды»  
Зрится гибель всех «основ».

Разложение проникло  
В нравы, в мысли и сердца,  
Благочиние в презренье,  
Беспорядкам нет конца...

### II

Основанье государства  
Есть семья — ковчег всех благ;  
Что же зрят в семье российской  
Педефил и Педемах?

Дети грудь сосут и мыслят —  
Чтоб развиться поскорей —

О химическом составе  
Молока их матерей!

Пососавши, начинают  
О семейном рабстве речь,  
Утверждая, что отцы их  
Не имеют права сечь!

### III

Чем народы крепки? — Верой  
В провидение; но ах,  
Веры сей не зрят в отчизне  
Педефил и Педемах.

Благочестие утратив,  
Миллионы россиян  
Убеждаются, что люди  
Родились от обезьян;

Что из всех законов вечных  
Человечеством один  
Руководит — тот, который  
В наши дни открыл Дарвин.

### IV

Отторжение окраин  
Может Русь низвергнуть в прах;  
Что же видят по окраинам  
Педефил и Педемах?

Видят ковы и интриги,  
Равнодушие «высших сфер»

К обрусительным приемам  
И забвенье прежних мер,

Видят вывески на польском,  
На немецком языках —  
И трепещут патриоты  
Недефил и Педемах.

V

Пресса здравия есть признак  
Здоровой жизни; что ж в статьях  
Русской прессы обретают  
Недефил и Педемах?

Порицание порядка,  
Непочтительность к властям,  
Недостаток уваженья  
К греко-римским словарям.

Вредный дух демократизма  
И глумление — о страх! —  
Над мужами, коих имя  
Недефил и Педемах.

VI

Обозрев все эти страхи,  
Недефил и Педемах  
Порешили непреложно  
Справить Русь во всех частях.

Ради цели сей, ликейский  
Храм воздвигнув в наши дни,

В нем работать принялись  
Древних мальчиков они.

В этих мальчиках лекарство  
Всей Руси от гнойных ран,  
Эти мальчики исправят  
Радикально россиян.

## VII

Но в лике, что содержат  
Педефил и Педемах,  
Дивных мальчиков немного,  
Русь меж тем обширна страх.

«Хорошо бы, — мнят пророки, —  
Современных всех ребят  
В древних мальчиков обделать» —  
И проект о сем строчат;

И поспешно посылают  
К славным Невским берегам  
С несомненною надеждой,  
Что его одобрят там...

## VIII

«Если нам удастся, — мыслят  
Педефил и Педемах, —  
Провести проект: к величью  
Русь пойдет на всех парах.

Нигилизма дух исчезнет  
Навсегда — и россов род,

Классицизмом просвещенный,  
Власть над миром обретет.

Если наш проект отвергнут,  
Сгибнет Русь вконец: таков  
Жребий стран, где отрицают  
Пользу древних языков!..»

### Э п и л о г

Слух идет, что сею мыслью  
Педефил и Педемах  
Занимаясь непрестанно  
Повредились в умах!

1871

## ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

— Плохо, Петр Иванович?

— Плохо, Петр Ильич!

Думал, нынче за ночь

Хватит паралич:

Слышали, в суде-то

Что творится? Ох,

Верьте мне: нас это

Наказует бог!

Школьникам, мальчишкам —

Просто стыд и срам —

Поблажает слишком

Председатель сам!

Вежлив как в салоне:

«Смею вам сказать...»

В эдаком-то тоне

С ними рассуждать!

Ну и адвокаты

Тоже молодцы-с!..

Русь, вперед пошла ты —

Эй, остерегись!

Коль в суде так будут

Вольно говорить,

Гласный этот суд-ат  
Надо затворить!

Уж и приговором  
Одолжили нас!  
Мы убийцу с вором  
Строго судим — да-с!  
Если ж — вот прогресс-то! —  
Покарать мятеж  
Надо судьям — теста  
Мягче судьи те ж!..

Коли в этом роде  
Все пойдет: ей, ей,  
Русь на полном ходе  
К гибели своей!  
Да-с, прогресс сей ввержет  
Нас злосчастья в ров,  
Если не поддержит  
Господин Катков!

## СОБАЧИЙ ПИР

(Из О. Барбье)

### I

Ложился солнца луч по городским громадам  
И плиты улиц тяжким зноем жег,  
Под звон колоколов свистели пули градом  
И рвали воздух вдоль и поперек.  
Как в море вал кипит, лучам покорный  
лунным,  
Шумел народ мятежною толпой, —  
И пушек голосам зловеющим и чугунным  
Песнь Марсэльезы вторила порой.  
По узким улдам и здесь и там мелькали  
Мундиры, каски и штыки солдат,  
И чернь, под рубищем храня сердца из  
стали,  
Встречала смерть на грудах баррикад;  
Там люди, сжав ружье рукой, от крови  
склизкой,  
Патрон скусивши задымленным ртом,  
Что издавать привык лишь крики брани  
низкой,  
Взывали: граждане, умрем!

## II

Где ж были вы тогда, в кокардах  
разноцветных,

В батисте тонком, родины сыны,  
Вожди бульварные, герои битв паркетных,  
Чьи лица женской красоты полны?  
Что делали вы в день, когда средь страшной  
сечи

Святая «сволючь», бедняки, народ  
Под сабли и штыки, под пули и картечи,  
Презревши смерть, бросались вперед?  
В тот день, когда Париж был полон чудесами,  
Смотря тайком на зрелище борьбы,  
От страха бледные, с заткнутыми ушами,  
Дрожали вы как подлые рабы!

## III

О, это потому, что Вольность не маркиза,  
Одна из тех великосветских дам,  
Что падают без чувств от каждого каприза  
И пудрятя, чтоб свежесть дать щекам!  
Нет, это женщина с могучими сосцами,  
С громовой речью, с грубою красой,  
С огнем в глазах, проворными шагами  
Ходящая пред шумною толпой.  
Всё люб народа крик, и вопль кровавой  
схватки,

И барабанов боевой раскат,  
И запах пороха, и битвы беспорядки,  
И в мраке ночи воющий набат!  
Она лишь с тем предастся сладострастью.  
Тому прострет объятия любви,

Кто черни сын родной, кто полон мощной  
властью,  
Кто обоймет ее рукой в крови!

IV

Дитя Бастилии, топча ногою троны,  
Горячей девой к нам пришла она,  
И весь народ пять лет, любовью  
распаленный,  
С ней тешился без отдыха и сна.  
Но ей наскучило быть грубых ласк  
приманкой  
И сбросила она под гром побед  
Фригийский свой колпак и стала  
маркитанткой,  
Любовницей капрала в двадцать лет!  
И вот теперь она, прекрасная, нагая,  
С трехцветным шарфом, к нам опять  
пришла  
И, слезы бедняков несчастных отирая,  
В их души силу прежнюю влила.  
В три дня ее рукой низвергнута корона  
И брошена к народу с высоты,  
В три дня раздавлено как прах величье трона  
Под грудой мостовой плиты!

V

И что ж? — О стыд! — Париж великий  
и свободный,  
Париж, столь чудный в гнев роковом  
В тот бурный день, когда грозы народной  
Над властью грянул беспощадный гром;

Париж с священными минувшего гробами,  
С великолепием печальных похорон,  
Со взрытой мостовой, с пробитыми  
стенами —

Подобием изорванных знамен;  
Париж, обвитый лаврами свободы,  
Кому дивится с завистью мир,  
Пред кем с почтением склоняются народы,  
Чье имя чтут как дорогой кумир. —  
Увы, он ныне стал зловонной грази стоком,  
Вертепом зла бесстыдного он стал,  
Куда все мерзости сливаются потоком,  
Где катится разврата мутный вал;  
Салонных шаркунов он сделался притоном:  
К пустым чинам и почестям жадна —  
Толпа их бегаёт из двери в дверь  
с поклоном,

Чтоб выпросить обрывок галуна!  
Торгуя честью, и теша черни страсти,  
В нем нагло ходит алчности порок,  
И каждая рука лохмотьев павшей власти  
Окровавленный тащит клоч!

## VI

Так издыхающий далеко от берлоги,  
Сражен свинцом безжалостным стрелка,  
Лежит кабан; под жгучим солнцем ноги  
Он вытянул, и пена с языка  
Струится с кровью... Уж он не рвет  
капкана,  
Он замер в нем... Вздрогнул последний  
раз

И умер, пасть открыв кровавую как рана. . .

И вот труба победно раздалась:

Тогда, как волн рялы, собак свирепых стая

Рванулась вдруг, и слышен там и тут

В долине резкий гул их смешанного лая,

Как будто псы пронзительно зовут:

«Пойдем, пойдем! Кабан лежит сраженный  
в поле!

Теперь настал победы жданный миг,

Нас цепь охотника не сдерживает боле,

Он наш, он наш! точите острый клык!»

И бросившись на труп в порыве алчной  
злости

И когтем и клыком готовая терзать,  
Вся свора роется внутри его утробы,

И каждый пес спешит кусок урвать,  
Чтоб, встретившись потом на псарне с сукой  
жадной,

Открыв в крови дымящуюся пасть,  
Ей бросить кость, издавши вой злорадный:  
«Вот и моя в добыче часть!»

## ИЗ В. ГЮГО

Когда позор и угнетенье  
Царят над Францией моей,  
И с укоризною презренья  
Повсюду говорят о ней;

Когда, республика святая,  
Деяния твоих сынов  
Поносит, дерзко осуждая,  
Толпа лакеев и рабов;

Когда свобода в тьме могилы  
Погребена, и низкий страх  
Пред самовластьем дикой силы  
Повергнул души все во прах;

Когда, подъявши меч кровавый,  
Бесчеловечная вражда  
Своих убийств гордится славой —  
Где мир душе найти тогда?

В моем изгнании одиноком  
Брожу, с печалию в груди,  
На этом острове далеком,  
И жду лишь бедствий впереди.

Лежит на небе мгла тумана,  
Катясь к подножью серых скал,  
Бушуют волны океана,  
И ветер воет как шакал.

С тоской внимаю бури звуки,  
И мнится мне, стихий в борьбе  
Я слышу голос тайной муки  
О человеческой судьбе.

О мир проклятий, мир страданий,  
Мир властелинов и рабов!  
Когда ты отдохнешь от браней,  
Когда ты сбросишь гнет оков?

Иль вечно, полны неприязни,  
Презрев свободу и любовь,  
Осуждены все люди казни —  
Лить человеческую кровь?

Увы, в грядущем, полный горя,  
Не вижу я пределов зла;  
А в настоящем... Волны моря!  
Шумите громче, с ветром споря,  
Ложись темнее, бури мгла!

[1871]

У КУХНИ

О, судьба лихая, для чего дала ты  
Мне в удел лишь бедность, горе да заплата,  
Да еще в придачу ловко подшутила,  
Давши мне желудок, как у крокодила!..  
Мимо знатной кухни прохожу однажды,  
Мучимый от глада, мучимый от жажды.  
Я прильнул к окошку и смотрел, как быстро  
Сочиняли блюда жирных два кухмистра.  
Но почуяв носом запах вкусный, слобный,  
Я в бобер немецкий нос закутал злобно  
И смотрел в окошко с сокрушенным

сердцем:

Как фаршировали, посыпали перцем  
Разную дичину к званому обеду  
И вели кухмистры меж собой беседу:  
«Бедный господин наш! говоря без шуток,  
Страшно как расстроен у него желудок;  
Точно на желудок навалило плиту,  
Мучится бедняга — нету аппетита!..»  
Мысль вдруг пресмешная, надобно сознаться,  
В голову пришла мне: что бы поменяться  
Мне моим желудком, как у крокодила,  
С этим господином? Мне бы лучше было

Быть без аппетита, а то что в желудке,  
Как стоишь у кухни: славно пахнут утки,  
Рябчики, фазаны, гуси и индейки, —  
А в кармане только двадцать три копейки!!

[1860]

## ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАРОВЕРЫ

*(Баллада)*

В ресторане собразись  
    Староверы злые,  
И беседы их велись  
    Про дела былые.  
И бунтует и кричит  
    Громко шайка эта,  
Что теперь уже молчит  
    Старая газета.

И ватага эта зла,  
    И ломает стулья,  
Что их главная пчела  
    Выбыла из улья;  
Что теперь им ходу нет  
    И карманы голы;  
Что теперь коварный свет  
    Жаждет новой школы;

А что их давно не чтут  
    И труды их — боже!  
На Толкучем продают  
    С хламом на рогоже.

В заседаниях был нахал  
И кричал без складу, —  
Вот который сочинял  
Для волос моладу;

Куплетист он и актер,  
В старенькой бекеше,  
Остроумие протер  
Он себе до плечи.  
Был еще тут драматург,  
Очень злой и хворый,  
В оны годы Петербург  
Восхищал который.

Много было тут персон,  
И больших талантов,  
И болгарияских времен  
Хилых фигурантов.  
Собралися и поют —  
И кружок их тесен;  
Много было спето тут  
Очень старых песен:

«Боже мой! теперь во всем  
Голая натура,  
Ах! пропахла мужиком  
Вся литература!  
И писателей у нас  
Развелось так много;  
Всякий лезет на Парнас,  
Без наук и слога.

И журналы издают  
Всё молокососы

И преважно задают  
Новые вопросы.  
Для возвышенных вещей  
Их таланты слабы,  
Только слышишь запах шей  
Да крестьянской бабы.

Ну, пожалуй, выводи  
Чернь, но для потехи;  
Да приличьем огради  
И зашей прорехи.  
Напомадь и причеши,  
Скинь им сапожищи;  
А потом и опиши  
Как-нибудь почище.

Например: мужик живет;  
Не горюя, пашет,  
Про любезную поет,  
И поет и пляшет;  
Отработав — вечером  
Ходит в хороводе...  
Отчего же бы в таком  
Не писать вам роде?

А то что у вас? — во всем  
Голая натура,  
Ах! пропахла мужиком  
Вся литература!...»  
В ресторан со всех сторон  
Собралась братья;  
Слышны ахи, слышен стон,  
Слышатся проклятья.

Секта эта — новый век  
И пилит и режет;  
В рестора е человек  
Слышит стон и скрежет  
И, крестясь, отходит прочь,  
Но не молкнут ахи...  
И младенцы в эту ночь  
Вздрагивали в страхе...

## КАРЬЕРА

У старухи нанимал  
Я себе каморку —  
И частенько в ней глодал  
Я сухую корку,

Но ведь я переносил  
Беззаботно голод;  
Ах, в каморке этой был  
Я здоров и молод!

Хоть каморка у меня  
Освещалась редко,  
Но не нужно мне огня  
С милою соседкой...

Ведь, бывало, прибежит, —  
И пойдет потеха!  
Так, что комната дрожит  
С ней у нас от смеха.

Песни, хохот и любовь —  
И нужда забыта;  
А хозяйка хмурит бровь  
И на нас сердита.

И брѹзжит она с печи:  
«Перестаньте, стыдно!»  
— «Ладно, думаем, ворчи,  
Чай, самой завидно!»

И пойдет тут кутерьма,  
А ведь плут старуха! —  
Будто дремлет, а сама  
Навострила ухо.

Вдруг негаданно — поди ж!  
Туча налетела:  
У начальника *Катишь*  
Замуж захотела.

Все он сделать принужден,  
Как велит подруга:  
Для меня назначил он  
Ампула супруга.

Благодетель и отец  
Наградил каретой;  
Потащили под венец  
Нас с Катиньей этой.

И теперь уж я женат  
И, по воле рока,  
Стал заметен и богат —  
И живу широко.

Проложил через жену  
Я себе дорогу;  
Я и сам уж младших гну  
Нынче, слава богу.

Счастлив, кажется, вполне:  
Ем и пью я вкусно,  
Но порою что-то мне  
Тяжело и грустно...

Или вдруг среди семьи,  
Как резвятся дети,  
Все мне мнится: не мои  
Ребятишки эти!

И в груди бушует ад,  
В рот не лезет пища,  
Побежал бы я назад  
В старое жилище,

Со старухой поболтать  
И соседке милой  
Со слезами рассказать  
Свой роман унылый,

И зажить, как в старину,  
Бедно, без излишек,  
Бросив верную жену  
И чужих мальчишек.

[1860]

## НЕЗАБУДКА

Для камелий скорбна моя лира,  
Для камелий — карман мой убог;  
На Крестовском цветет, у трактира,  
Для поэта попроще цветок.

Незабудка, ты скромный цветочек,  
Для меня ты камелий милей;  
Грациозно повязан платочек  
На головке красивой твоей.

Незабудка по будням с иглою  
В магазине сидит у окна, —  
Только в праздник, вечерней порою,  
На Крестовский стремится она.

И как только увидит студента,  
Что пленился ее красотой, —  
Заколышется алая лента  
У нее на груди молодой.

Ей не нужно подарков иль денег, —  
Хоть в кармане у ней только грош;  
Что за важность, что милый бедняк, —  
Но как молод и как он хорош!

На гулянье она не спешива,  
Ей порою предложит бедняк  
На Крестовском бутылочку пива;  
Ну, а больше обходится — так!..

У дружка в конуре небогатой  
Незабудка работу найдет:  
Иль поставит к мундиру заплаты,  
Иль разорванный галстук зашьет.

Пусть камелия мчится в коляске;  
Пусть купается в блондах, в шелку —  
И претомные делает глазки...  
Незабудка милей бедняку.

[1860]

## ТОВАРИЩУ

Товарищ, не ропщи!  
Хоть мы с тобой иззябли  
И лишь пустые щи  
Едим, как мизерабли;  
Пускай у богачей  
В роскошном бель-этаже  
Уха из стерлядей,  
Сюпремы и потажи;  
Пусть к ним судьба добра,  
Палаты их нагреты;  
Пусть им кроит Сарра  
И брюки и жилеты,  
А мы бежим с тобой  
К российскому тайлёру —  
Какой уж тут покрой,  
Лишь только было б впору!  
Пускай богач несет  
Мешки в ломбард, для росту,  
А мы же свой доход  
Несем подалее к мосту!  
Зато ведь богачам  
Подагрой сводит ногу,  
А мы, привыкши к щам,  
Здоровы, слава богу!

На днях вот богача  
От избытка пищи  
При помощи врача  
Стащили на кладбище;  
Какой был крик и вой —  
Пересказать нет средства!  
Ну, точно на Сенной —  
Из-за его наследства.  
Придет пора и нам!  
Но мы с тобой, дружище,  
Отправимся к отцам  
Без шуму на кладбище.  
Поташат нас с двора  
На скорбной колеснице...  
Adio! <sup>1</sup> фельдшера  
Обуховской больницы.

1862

---

<sup>1</sup> Прощайте! — *Ред.*

## ЧИЖИК

На грош не верят в лавке,  
Начальник строг и лют,  
И мне, увы! прибавки  
За службу не дают;  
От службы хуже кля  
Иссох я, — ну, хоть брось!  
А между тем другие  
Всё лезут врозь да врозь...

Болтают, что начальник  
Непрочь подчас того...  
На днях вот умывальник  
Он взял у одного,  
А у другого дрожки  
Взял нынче по весне...  
По этой вот дорожке  
Пройтись бы надо мне...

Ох! смертная охота,  
Да участь-то горька:  
Ведь из вещей всего-то  
В каморке бедняка  
Лишь пара ветхих книжек,  
Гитара да пенсне,

Да мой приятель-чижик,  
Висящий на окне.

Постой, постой!.. вот штука!..  
Я вскрикнул в тот момент:  
Начальнику снесу-ка  
Я чижика в презент;  
Признаться, тяжело мне  
Расстаться было с ним:  
Он другом был в Коломне  
Единственным моим!

Ах! сняв с окошка клетку,  
От горести дрожа,  
И завернув в салфетку  
И клетку и чижа,  
Расстроен, с мутным взглядом,  
Крепясь от горьких слез,  
К начальнику я на дом  
Чиликалку понес.

Увидевши, что ношей  
Я был обременен,  
Начальник мой хороший  
Прислугу выгнал вон;  
И стал со мной — о диво! —  
Любезен невпример,  
И спросил учтиво:  
«Что это — несессер?..»

— «Нет-с, — говорю я, — клетка;  
А в клетке чижик...»

— «Что-с? —

Сказал начальник едко,  
Здравши кверху нос: —  
Вы думали, что взяткой  
Прельщусь я! — крикнул он: —  
Ах, вы мальчишка гадкий!..  
Извольте выйти вон!..»

И, право, уж не помню,  
Как в милые края,  
В любезную Коломню  
С чижом вернулся я.  
Поступок неуместный  
Надежды все пресек  
И доказал, что честный  
Начальник человек.

[1863]

Лира моя, лира,  
Добрая подруга,  
Ты бренчишь для мира  
Скромно в час досуга...

В небогатой келье,  
Век с нуждою споря,  
Ты полна веселья —  
Ну, а больше горя...

Светских львиц богатых,  
С выточенным станом,  
Страсти и наряд их  
Воспевать куда нам!..

Жирного богатства  
Не дара куплетом,  
Я лишь там, где братство,  
Делаюсь поэтом:

Где любовь живет,  
Где хоть люди нищи,  
Но умом трезвее  
И душою чище...

Юность! для тебя лишь  
Я играю рифмой:  
Ты одна похвалишь  
Искренний мотив мой!..

(1867)

**ПЕРЕД МИЛЮТИНЫМИ ЛАВКАМИ**

Пошли, господь, свою подачку  
Тому, кто жаркою порой,  
Как утлый челн в морскую качку  
Идет по знойной мостовой...  
Он смотрит к Вьюшину тоскливо  
В окно на крупный виноград,  
На абрикосы, дули, сливы,  
На пастилу и мармелад.  
Не для него кокос, арбузы,  
Гранаты в золотом огне,  
Не для него и толстопузый  
Гомар разлегся на окне...  
И фрукт привозный, из Мессины,  
Напрасно взор его манит:  
Сок ароматный, апельсиновый,  
Увы, его не освежит!..  
Так облегчи, господь, вериги,  
Тому, кто много претерпел,  
Кто в здешней жизни кроме фиги  
Других плодов еще не ел.

[1860]

## НА КЛАДБИЩЕ

Я взобрался на могильную плиту  
И внимательно смотрел, как на лету  
Два тяжелые, кургузые жука  
Колошиматили друг друга под бока,  
Как в объятиях березу дуб сжимал,  
Как под деревом опёнок вырастал,  
Как паук, среди своих дневных хлопот,  
Фантастический выплясывал матлот.  
Так на кладбище за жизнью я следил,  
И Случевский мне на память приходил:  
Вспомнил я, как он на кладбище лежал,  
Как под ним мертвец о камень лбом  
стучал,  
Как мертвец М-г Случевского просил,  
Чтобы тот его на время хоть сменил...  
По закону же *содружества идей*,  
Вспомнил случай я другой, еще страшней:  
Вспомнил нищего, разрушенный гранит,  
И восставшего из гроба страшный вид  
Ветра свист, луны дрожащий свет,  
Мертвеца прѣтест и нищего ответ...  
И невольный трепет в сердце проникал,  
Но попрежнему на камне я лежал,

И попрежнему сшибались жуки,  
Отличались в матюге науки,  
Всё с березами амурились дубы,  
Всё росли еще под деревом грибы.

1860

## КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

Я доживал в одном квартале  
Десятый год;  
Но вот почил квартальный вмазе —  
Я просьбу в ход:  
К стопам начальства припадая,  
Квартал просил.  
И как-то вывезла кривая:  
Наш утвердил!  
Квартал достался мне богатый...  
Тут на меня  
Надели каску, и с гранатой,  
Но без огня.  
И обыватель под защиту  
Ко мне бежал,  
Всех обворованных, побитых  
Я утешал,  
И всяк за это утешенье  
Благодарил;  
Но вдруг сердечное движенье  
Я ощутил.  
Раз, по грошовому взысканью,  
К себе в квартал  
Одно прекрасное созданье  
Я вызывал.

Клянусь, клянусь богиней Фреей! —  
Я, кстати, швед —  
Подобных плеч, подобной шен  
На свете нет.  
Что за глаза! — очарованье!  
Я весь дрожал,  
Когда управы предписанье  
Я ей читал;  
Когда, склонив свои ресницы  
И вся в огне,  
Она, вротка как голубица,  
Внимала мне...  
Я прежде думал, что во власти  
Я у себя,  
Что застрахован я от страсти,  
Как от огня;  
Но я прочел, сидев в конторе  
С пером в зубах,  
Себе капут в прелестном взоре,  
В ее очах.  
Однажды я, тот взгляд встречая,  
Не успел;  
Письмоводителю, вставая,  
Уйти велел.  
Я ей сказал: «К началу ночи,  
Когда езда  
Совсем затихнет, что есть мочи  
Валяй сюда!»  
Заря, бледнея, умирала  
И умерла,  
А ночь роскошно выплывала,  
Как день светла.

Затихло все. Сребристый тополь  
    Благоухал,  
И, по трудах дневных, Петрополь  
    Оночизал.  
На перекрестке ждал я встречи,  
    И долго ждал;  
В мечтах грудь пышную и плечи  
    Я рисовал.  
Прошел патруль, глядел мне в очи  
    И созердал,  
Как бедный я в прохладе ночи  
    Самосгорал.  
Уж зарумянилась девица,  
    И ночь ушла...  
Так вот как, скромная девица  
    Ты не была...  
Тогда ее на жертву мщенью  
    Я осудил:  
Насчет билета сочиненье  
    Я смастерил...  
И я смотрел, как исполнялся  
    Приказик мой,  
Как с ней в прихожей объяснился  
    Городовой.

## УТЕШЕНИЕ

*Когда, что звали вы своим,  
Навек от вас ушло,  
И юре камнем пробовым  
Вам на сердце легло, —*

Помочь в печали ближним рад,  
Поэт вас позовет  
Пройтись с ним, бросить белый взгляд  
Туда, по склоны вод.

Он вам покажет, как струи,  
Одна другой вослед,  
Бегут ни чей-то зов вдали  
(На чей? — вам дела нет).

Вам нужно будет хоть на час  
Взор в речку устремить,  
Чтоб слезы брызнули из глаз,  
Чтоб стало в них рябить.

Тогда, как ни были б тоской  
Вы зло удручены,  
Все горе выльется слезой,  
И вы исцелены!..

[1860]

Ах, взгляните: закрывает тучкой *боязливо*  
Бледный, томный лик свой интересная луна;  
*Робко* в озеро склонилась ветвями ива;  
*Боязливая* целует их *тайком* волна;  
Ветерок *украдкой* бродит в липовой аллее,  
И привет ему деревья *робко* шелестят;  
Дергачи во ржи *трещат слабее и слабее*,  
Соловьи над розами *от робости* молчат...  
Вы взглянули!... перемена прежних

декораций.

Тучки нет уже, луна приветно светит вновь,  
Исполняют соловьи под сению акаций  
Ряд блестящих, звучных, гармонических

варьяций

На мотивы нежные: «взаимная любовь...»  
Прежней робости ни в чем как будто не  
бывало

С той поры, как вы, мой друг, ее *познали*  
*прочь*...

О! еще б такая перемена не настала,  
Когда милая, дрожа, певцу презентовала  
«Тихо всю в одно лобзанье *слившуюся* ночь!»

1860

RÉSUMÉ  
ВЕСЕННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ  
Г. КРЕСТОВСКОГО

Не томите... выходите,  
Моя милая!  
А какая ночь, взгляните,  
Молчаливая!  
В павилинке без улики  
Жду заране я  
Разговоров о клубнике  
И лобзания...  
Без огласки ваши глазки,  
Ваша талия  
Встретят пламенные ласки —  
И так далее...

1860

### Г. ПР. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Вы не поверите, что мне недавно  
                                приснилось!  
Будто минувшее наше опять возвратилось;  
Лиры тридцатых годов вновь звучат  
                                тихострунные,  
Будто восстали из тлена Ершovy,  
                                Трилуныe.

Ожили с ними ручьи, соловьи пережатные,  
Пеночки, просеки, гроты, поля ароматные —  
Все это будто бы снова у нас водворилось...  
Крайне прискорбно, конечно!  
А все же приснилось...

1860

Душе становится легко хоть на мгновенье,  
Как напечатаешь свое стихотворенье,  
И миз тогда нам строк печатных самый вид,  
Стих каждый как-то так приветливо

глядит...

И все равно: то наш ли будет плод  
Или чужих стихов тяжелый перевод,  
Измены горечь в нем, любви ль взаимный  
нектар,

И весь ли свет его восторженно прочтет,  
Иль только пробегут редактор да корректор,

1860

СТИХОТВОРЕНИЯ  
В ГЕЙНЕВСКОМ ДУХЕ

I

(С саркастическим оттенком)

**Я** верю: меня ты любила,  
Да я-то тебя не любил;  
Меня ты еще не забыла,  
Тебя я давно позабыл.

II

(С оттенком иронии)

**М**еня ты когда-то любила,  
Тогда я тебя не любил;  
Теперь ты меня позабыла —  
И что ж? я тебя не забыл.

III

(Ординарное)

**Т**ы меня любила,  
Я тебя любил, —  
Ты меня забыла,  
Я тебя забыл.

[1861]

В самом деле, шли бы вы на взморье,  
Где в жемчужных звуках грохот льется.  
Вот где петь, так, точно, уж раздолье —  
Пойте всё, что на душе споется...  
Спелся вздор (ведь может же случиться!),  
Так никто о нем и не узнает;  
Над певцом там некому грумиться:  
Водяной пародий не слагает!  
Только знайте — рифмами играйте;  
*Моря — вторя — лилий — белых крылий...*  
Много весу мысли не давайте —  
Песнь споется без больших усилий.  
А устали вы от песнопений,  
Наигрались в трелях ночи нежных, —  
Ждет вас много новых наслаждений  
Скромных, чистых, самых безмятежных:  
Понабравши *ракушек* в лукошко,  
Рикошетом в море их швыряйте  
Иль, пожалуй, помячьте кошкой,  
Или хохот по морю пускайте!  
Но печатно в этом развлечении  
Лучше б вы не делали признанья:  
Что как вдруг да все стихотворенье  
За ребячье примут лепетанье?

[1861]

Ох, время тяжкое настало!  
Нам смерть голодная грозит:  
Случевский, *иный небывалый*,  
«Молчанье строгое хранит».

Не слышно страстных песен Креля,  
Давно немотствует Кусков,  
З. Тур молчит... нет, ваша воля,  
А против нас устроен ков!

Вот Страхов вдруг исчез куда-то,  
А он так много обещал,  
Когда кометою *могнатой*  
Нам в «Русском Вестнике» сиял!

Крестовский наш ушел на взморье.  
Сбирает ракуш — *p'tit malin!*<sup>1</sup>  
Пропало важное подспорье!..  
*Donnez, Messieurs, aux orphélins!*<sup>2</sup>

Иль разве мы еще не сирь?  
Увы! поэтиков тех нет,  
Под чьи девниды, дудки, лиры  
Легко слагался наш куплет!

---

<sup>1</sup> Плутышка. — *Ред.*

<sup>2</sup> Господа, подайте сиротам! — *Ред.*

Ах, мы и голодны и нищи,  
Как истощился весь запас  
Рифмованной духовной пищи,  
Какой они питали нас!

И вот мы в страхе и печали  
Возносим к вам свой томный глас:  
Уж вы *для славы* пописали,  
Создайте что-нибудь *для нас!*

О, не оставьте меньших братьей!  
Внемлите нашему refrain:<sup>1</sup>  
Не все творить для хрестоматий —  
Donnez, Messieurs, aux orphélins!

1861

---

<sup>1</sup> Рефрен, припев. — *Ред.*

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Под кустом густой малины  
В полдень часто я лежу —  
И на все тогда так мрачно,  
Как философ, я гляжу.  
Скандинавские преданья,  
Поэтические сны,  
И народные сказанья,  
И поверья старины,  
Все, что важно, что глубоко,  
Носит след неясных дум,  
До чего нам всем далеко...  
Вот что мой решает ум.

Отчего к шарам воздушным  
Не приделают руля?  
Отчего, не уставая,  
Вечно вертится земля?  
Отчего не постоянно  
Звезды на небе блещут?  
Непонятные вопросы!  
Непонятный результат!

11859]

## МЕЛОДИИ

### I

**Я** мрачно сидел за бутылкой,  
На мир, на людей рассердись —  
Когда между мною и ромом  
Какая-то связь родилась.

Стихи я писал, но какие?  
Не помню, а кажется, вздор!  
Ром сразу меня отуманил,  
И ром полюбил я с тех пор.

### II

**И** ветер и дождик шумели  
В деревне далекой, степной,  
Мы с нею у печки сидели  
С какою-то глупой хандрой.

Она была в теплой камали,  
И я был закутан в халат,  
А на сердце столько печали,  
Как будто бы в нем целый ад!

И вижу я: духи толпою  
Танцуют пред нами канкан.  
О друг мой, скажи, что с тобою?  
Я понял давно, что я пьян.

[1859]

## ДЛЯ МНОГИХ

Господь мне не дал дарованья  
Изображать в моих стихах:  
И сонных листьев трепетанье,  
И сонм созвездий в небесах.  
Стихи мои не воспевают  
Обеды знатных, высший свет —  
Зато их многие читают,  
И я для публики поэт.

Я не взываю к сильным лицам,  
Мои стихи — для их ушей  
Подобны дерзким небылицам  
Мальчишки глупого. Речей  
Моих не слушают народы,  
Зато туманного в них нет. —  
Я не певец цветов, природы,  
Но я для публики поэт.

Не веря в честность Немезиды  
И в бескорыстие судей —  
Я не прощаю им обиды  
Безгласных, маленьких людей.  
И подвиг грязный и скандальный  
В моих стихах найдет ответ;  
И скажет не один квартальный,  
Что я для публики поэт.

Я знаю: люди есть иные,  
Которым правда колет глаз.  
Они не любят, чтоб другие  
Над ними тешились хоть час.  
Я, как поэт, их презираю, —  
Но чтоб об них проведаль свет,  
Я их печатно обличаю.  
Да, я для публики поэт!

1860



ИЗ ЦИКЛА «АНТОЛОГИЧЕСКИЕ  
СТИХОТВОРЕНИЯ»

НЕПОНЯТЫЙ ВОПРОС

Скажи мне, подруга, не сам ли Зевес,  
Спустившись на облаке светлом с небес,  
В блаженстве со смертной три ночи провел  
И дочку такую на свет произвел?  
С обидной насмешкой глядя на меня,  
Наивно сказала подруга моя:  
«Какой тут Зевес и какая тут ночь!  
Я просто военного писаря дочь».

[1859]

## ПОЕЗДКА В ПАРГОЛОВО

Забыв поэзию, людей и все на свете,  
Я ехал с милою в извозничьей карете,  
Спеша под кровлею крестьянской отдохнуть  
И в тишине ночной в восторгах утонуть.  
То было первое блаженное свиданье:  
Красавица, склонясь на страстное желанье,  
Решилася тайком покинуть отчий дом,  
Чтоб сутки провести с любовником вдвоем.  
(Кто любит истинно, в том безгранична вера!)  
Для смелости с собой мы взяли редерера,  
Бутылку коньяку, наливку двух сортов  
И вкусных 35 с грибами пирожков.

(К несчастью, одарен я страшным  
аппетитом,

А поделуями, увы! нельзя быть сытым.)

Но вот приехали. С улыбкой на лице  
Встречает толстая нас баба на крыльце  
И в комнату ведет, где, пар густой пуская,  
Сердито самовар ворчит, на нас пеняя...

.....  
.....  
Остались мы одни. Обвив меня руками,  
Подруга милая впилась в меня устами.  
И этот поцелуй так много говорил,  
Что понял я его и — свечку погасил...

## ЗЛОВЕЩИЕ ПРИМЕТЫ

На берегу реки, заросшем камышом,  
Я часто вечером с подругою вдвоем  
Сидел, обняв ее горячими руками,  
Любуясь, как луна со светлыми волнами  
Играла трепетным серебряным лучом,  
Как мышь летучая, скользя над камышом,  
Едва касалась волн, крылом их задевала  
И, оставляя круг, во мраке исчезала.  
И сладки были нам свиданья в тишине  
На берегу реки, при звездах, при луне —  
Когда мы всей душой Киприде отдавались  
И ночи целые в блаженстве забывались.  
Не в силах смертные судьбу преодолеть:  
Красавица моя вдруг начала полнеть,  
На гибкой талии не сходятся корсеты...  
И скоро явные, зловещие приметы,  
Следы блаженные промчавшихся ночей,  
Подвергнутся суду завистливых ханжей.

REQUIEM

Не плачьте над трупами павших борцов,  
Погибших с оружием в руках,  
Не пойте над ними надгробных стихов,  
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам  
Отдайте им лучший почет:  
Шагайте без страха по мертвым телам,  
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,  
Ведите их бой до конца!  
Нет почести лучшей, нет тризны святей  
Для тени достойной борца!

[1865]

Пробудилась Русь родная —  
Ну, довольно спать!  
И, сапожки надевая,  
Начала вставать...

Быстро вся пришла в тревогу,  
Бодро так глядит,  
Но, увы, обувши ногу,  
Уж опять хранит!

С этим видом торопливым,  
Вновь объята сном,  
Сладко дремлет и сонливый  
Клонится челом...

И красуется у спящей  
На одной из ног  
Прогрессивный и блестящий  
Скороход-сапог...

[1865]

## СВИДАНИЕ

*(Мотив из североамериканского поэта)*

За честь и свободу родимой страны  
Мы храбро с врагами дрались,  
Поля боевые все кровью полны,  
И стоны до неба неслись.

За честь и свободу в кровавом бою  
Я честно и храбро стоял,  
Вдруг свистнула пуля — и руку мою  
Навек я одну потерял.

Но к милой невесте с полей боевых  
Пришел я — увечный солдат —  
И вот предо мной кровли хижин родных  
Приветливо снова блещут.

И ты, мое счастье промчавшихся дней,  
В затишье родного села,  
Лобзая, встречаешь с любовью своей,  
Как ангел прелестный мила!

Страшна мне разлука, и пули больней  
С тобою утратить мой рай,  
Но храбро пришел я к невесте моей —  
Навеки ей молвить: прощай!

Прощай, моя радость, все клятвы твои  
Тебе возвращаю назад:  
Какое даст счастье для юной любви  
Безрукий, увечный солдат!..

---

— Мой храбрый, мой верный, всегда дорогой  
В бою пострадавший солдат!  
Ты с боя увечный вернулся домой  
Отдать мой клятвы назад!..

Ты полон все прежней любовью ко мне,  
Ты честно и храбро дрался,  
И вот над тобою опять в тишине  
Родные блестят небеса!..

Увечье свое ты меж нами считал  
Разрывом любви, но поверь:  
Сын верный отчизны в увечьи мне стал  
Милей несравненно теперь!

В нем чувство солью я к отчизне родной  
С любовью страстной моей,  
Пусть гордую этим обнимет герой  
Одною рукою своей!..

[1865]

## ВЕЧНОЕ БЫТИЕ

Кипят поколения несметных людей,  
Как мелкая пена морская,  
Проходят ряды королей и царей,  
Во мраке веков исчезая.

В хаосе стремлений, трудов и забот  
Мрут люди обычной чредою,  
Одна лишь идея растет и растет,  
Сияя бессмертной красою.

Одни возникают из праха других  
И в прах рассыпаются сами:  
Разложенный прах их из глыб земляных  
Впивают растения корнями.

Бесчисленных форм вся природа полна,  
Все вид изменяем мы, тлея,  
Но в этом движении вечном одна,  
Одна лишь бессмертна идея.

Приверженцы папы сожгли на огне  
Ничтожное Гусово тело,  
Но Гуса идея, с ханжами в войне,  
На этом костре не сгорела.

И вот на горящий костер оттого  
Он смело так шел без боязни —  
Он знал, что сожгут только тело его,  
Идея ж окрепнет от казни.

Он чуял и знал, что воскреснет опять  
В грядущих вождях поколений;  
Пусть форму одну смерть разрушит как  
тать,  
Другие найдет себе гений!..

В аккорды и звуки певец перелил  
Свои задушевные грезы  
И все, чем он страстно и пламенно жил,  
И думы, и радость, и слезы.

Та скрипка разбита в куски, и гниют  
Давно его кости в могиле,  
Но думы, и грезы, и звуки живут  
Во всей обаятельной силе!

О нет, он не умер! он в наших сердцах  
Воскрес и живет с полнотою;  
Мы, слушая, тонем в его же мечтах,  
Страдаем его же душою...

Вот труженик мысли за тусклой свечой,  
Весь творческой думой объятый,  
В полночном затишьи бессонной главой  
Поник над тетрадкою смятой.

Быть может, велики идеи его,  
Для мира труды благотворны,

И в души толпы из ума своего  
Он сеет священные зерна.

Но годы проходят за тяжким трудом,  
И суетный свет, без вниманья,  
Его не украсит достойным венцом,  
Награды не даст за страданья...

Пусть в мелком разврате, пошлея, вокруг  
Тревожно спешат поколения  
Насколько есть силы исчерпать все вдруг  
В болотной грязи наслажденья...

Но он не грустит и идее своей  
С глубокою служит любовью,  
Несет ее знамя, готовый для ней  
Пожертвовать жизнью и кровью...

Он знает: идея растет и растет,  
Все чище, ясней и светлее,  
Он знает, что сам он в веках не умрет,  
Живя в той бессмертной идее...

Как золото в горне, в борьбе и в трудах,  
В крови и в слезах поколений  
Горит и растет, очищаясь в веках,  
Живой человечества гений.

Во всех нас тот гений великий живет,  
Пусть мрут скоротечной толпою  
Минутные формы, но он не умрет,  
Бессмертной блеста красотою!

[1937]

## **ПРИМЕЧАНИЯ**

Настоящий сборник составлен на основе одноименной книги, вышедшей под моей редакцией в «большой серии» «Библиотеки Поэта» в 1933 г.

Стихотворения каждого поэта расположены по возможности в хронологическом порядке, за исключением переводов, которые помещены в конце. В тех случаях, когда даты написания не могли быть установлены, пришлось руководствоваться датами первой публикации. Последние заключены в квадратные скобки.

Из упоминающихся в стихотворениях имен разъяснены, с одной стороны, наименее известные, а с другой — наиболее существенные для понимания данного стихотворения.

### *В. Курочкин*

Отец В. и Н. Курочкиных был крепостным кн. Шаховской. В 1813 г. его отпустили на волю, он поступил на государственную службу и дослужился до чина, дававшего дворянство. Василий Степанович Курочкин родился в 1831 г. Учился в Дворянском полку. Восемнадцать лет был

выпущен оттуда прапорщиком в гренадерский полк. Офицером был недолго. В 1853 г. вышел с отставку и определился мелким канцелярским чиновником в министерство путей сообщения, где получал 14 рублей в месяц, но скоро бросил службу и занялся только литературной работой. Писал с детства, печататься начал в 1848 г. Оставив службу, должен был сотрудничать первое время в мелких журнальчиках и газетах, а также работал для рыночных издателей. Имя Курочкина стало широко известно в 1858 г., после выхода песен Беранже в его переводе отдельной книжкой. Переводы имели большой успех и несколько раз переиздавались при его жизни, дополняясь все новыми вещами. С 1859 г. редактировал «Искру» — сначала вместе с Н. А. Степановым, а с 1865 г. один. В 1861 г. вступил в члены революционного общества «Земля и Воля», был одним из пяти лиц, руководивших им. В 1864 г. отстранен цензурой от официального редактирования «Искры» (вплоть до 1868 г.), но фактически продолжал ее редактировать. С 1865 г. почти до самой смерти состоял под негласным надзором; полиция аттестовала его и Минаева как «нигилистов, мало дающих надежды к исправлению». После покушения Каракозова был арестован и просидел в Петропавловской крепости 4 месяца. В 1866 г. выпустил первый том своих стихотворений, где были собраны не-

реводы, а в 1869 г. — двухтомное собрание стихотворений. С 1870 г. Курочкин добился разрешения печатать журнал без предварительной цензуры, но зато и без карикатур. В том же 1870 г. его снова отстранили от редактирования. В 1873 г., после долгих цензурных мытарств, «Искра» была закрыта. После этого Курочкин продолжал печататься в «Отечественных Записках» Некрасова, где стал сотрудничать еще с 1868 г., и принужден был ради заработка писать фельетоны в идейно чуждой ему газете «Биржевые Ведомости». Написал в 70-х годах ряд агитационных пьес, но до нас дошла лишь одна («Принц Лутоня») — и то в несколько искаженном виде. Умер в 1875 г.

*Общий знакомый. Образ мыслей неподобный видит в бороде.* В 50-х годах дворянам, занимавшим выборные должности, придворным, чиновникам, военным было еще запрещено носить бороду; борода считалась у обывателей символом некоторого вольномыслия.

16 июля 1857 года. 16 июля 1857 года — день смерти Беранже. Торжественные похороны поэта были организованы правительством Наполеона III с целью предотвратить народные волнения и демонстрации.

*Полезное чтение.* Аскооченский В. И. (1813—1879) — реакционный писатель и

публицист, редактор журнала «Домашняя Беседа». В «Домашней Беседе» преследовались малейшие проявления освободительных идей, осмеивались все значительные произведения искусства, отрицался театр, сеюший будто бы только разврат, оспаривались достижения науки и т. д. — Весною 1859 г. газета «С.-Петербургские Ведомости» писала о систематической порче памятников в Летнем саду, оценивая ее как вандализм. Аскоченский взял хулиганов под защиту, утверждая, что их поступки вызваны нравственными побуждениями.

Бедовый критик. *Бедовый критик* — Кс. А. Полевой (1801—1867). В молодости радикальный критик и публицист, он перешел затем в лагерь реакции и стал постоянным сотрудником «Северной Пчелы» Булгарина. Стихотворение вызвано его клеветнической статьей о Белинском. В «Искре» к словам «сухой как жердь» было сделано следующее примечание: «Выражение «сухой как жердь» мною заимствовано из известного стихотворения г. Майкова «Отрывок». «Отрывок» А. Н. Майкова («Над прахом гения свершать святую тризну») — отклик на подобную же статью Полевого о Пушкине (1854).

Сон на Новый год. *Кумбери* — владелец фабрики ламп, люстр и пр. Знаменский — псевдоним Курочкина. *Примиренье*

интереса с святыми чувствами людей и другие выражения в следующих строках заимствованы из публицистики того времени. *Взятки задки...* — намек на слова героя комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856), неоднократно высмеивавшиеся как образец чисто внешней либеральной фразеологии. *Сорокин и Тармаламаки* — пародийные прозвища, данные «Искрой» крупному петербургскому домовладельцу Воронину и откушнику Бенардаки.

**Явление гласности.** В основу стихотворения легли некоторые факты биографии публициста С. С. Громеки (1823—1877). Во второй половине 50-х годов он напечатал несколько наделавших шуму статей о полиции, взятках и пр. и высказывался за подлинную, ничем не ограниченную гласность. В 1859—1860 гг. Громека принимал участие в делах Русского общества пароходства и торговли и редактировал издававшийся им «Листок». Слова о «здоровой» гласности взяты Курочкиным из «Листка». Но формулы, как в алгебре, встречаю. Речь идет об «алгебранческой» или «алфавитной» гласности, получившей в то время широкое распространение — об обличительных статьях, в которых, по цензурным причинам или из либеральной «осторожности», место действия, имена и пр. заменялись буквами. Как Истину когда-то Баратынский. «Явление гласно-

сти» — «перенев» стихотворения Баратынского «Истина». *Мы оба не созрели* — см. стр. 465.

Возрожденный Панглосс и Скандал. В 1860 г. вышли отдельной книгой «Очерки из петербургской жизни Нового Поэта» (И. М. Панаева). Правая критика в своих отзывах о ней пыталась не только развенчать самого Панаева, но и нанести удар революционной сатире. Н. Воскобойников утверждал в «Библиотеке для Чтения», что «Новый Поэт» — предтеча и глава сатириков «Искры» и «Свистка», упрекал их в пустоте, бездарности и вместе с тем взял под защиту Случевского и других представителей «чистой поэзии». Стихотворение «Возрожденный Панглосс» и является ответом на эту рецензию. Название его следующего происхождения. В очерке «Русский джентльмен-оптимист» Панаев высмеял некоего литератора, которому дал имя Панглосса (героя романа Вольтера «Кандид»). Воскобойников защищал осмеянного Панаевым героя. Это и натолкнуло Курочкина на мысль отождествить с Панглоссом самого Воскобойникова. «Отечественные Записки» откликнулись на книгу Панаева статьей «Литература скандалов». Редакционное послесловие к ней имеет тот же смысл, что и рецензия «Библиотеки для Чтения». Революционная сатира охарактеризована в нем как сплетня, клевета,

паясничество. На выпад «Отечественных Записок» Курочкин ответил «Скандалом». Эпиграф к «Возрожденному Панглоссу» — из стихотворения Жуковского «Узник к нотыльку, влетевшему в его темницу». Мерзляков А. Ф. (1778—1830) — критик, эстетик и поэт начала XIX в. О какой песне идет речь, установить не удалось. Когда уже австрийский лагерь... От имени вымышленного австрийского поэта Якова Хама Добролюбов поместил в «Свистке» ряд стихотворений, переведенных будто бы другим вымышленным поэтом Конрадом Лилиеншвагером. Стихотворения Якова Хама об итальянской национально-освободительной войне 1859 г., восторженно воспевающие австрийское владычество в Италии, являются сатирой на ура-патристическую, монархическую поэзию. У нас жуки сшибались лбами... С березой нежничает дуб. Намек на стихотворение Случевского «На кладбище». Перейра был военет стихами. Перейра И. (1806—1880) — французский банкир. О сатирическом стихотворении «Чувства русского журналиста с капиталом при взгляде на банкира Исаака Перейру в собрании Общества железных дорог», включенном в фельетон Ивана Чернокнижникова (А. В. Дружинина) 1860 г. В стих Розенгейма исполинский. Розенгейм М. И. (1820—1887) — поэт и журналист либерального лагеря, неоднократно служивший мишенью насмешек Добролюбова и «Искры».

*Триолет «Лизета».* Точное название стихотворения Карамзина — «Триолет Лизете». *Как много лиц отозвалось... У Пушкина: «Москва... как много в этом звуке... Как много в нем отозвалось!» Хвала, хвала тебе, Скандал! — «перепев» строки «И так — хвала тебе, чума!» из «Пира во время чумы» Пушкина. Аскоценский — см. стр. 445.*

*Дружеский совет.* Обращено к рецензенту «С.-Петербургских Ведомостей», который смешал вольтеровского Панглосса с Пантагрюэлем Рабле.

*Эпитафия Бавию.* Эпиграмма на П. А. Вяземского; «перепев» пушкинского четверостишия «К портрету Вяземского». *Бавий* — древнеримский поэт; имя его стало символом бездарного поэта, исполненного всяческих претензий.

*Мирмидоны Куролесовы.* Впервые напечатано в 1863 г. в статье Курочкина о крепостниках — «Шалости Мирмидонов»; в «Собрании стихотворений» 1869 г. датировано 1861 г.; возможно, впрочем, что эта дата поставлена или по ошибке, или для того, чтобы читатель яснее представлял — о чем идет речь. *Мирмидоны* — древнегреческое племя; в «Илиаде» Гомера они отважно воюют под начальством Ахиллеса с троянцами. *Куролесов* — герой «Семейной хроники» С. Т. Аксакова, помещик-самодур и деспот. Курочкин говорит

в статье о тщетных попытках крепостников вернуть прошлое: «Эти неблагоприятные мирмидоны все еще тянутся кто за шлемом, кто за панцирем сына Пелеева», но «платье Ахилла им не по росту... Ахиллес рухнул 19 февраля 1861 года».

Семейная встреча 1862 года. *Российского весь блеск тысячелетия* — см стр. 495. *Жданов Н. И.* — инженер технолог; изобрел средство для уничтожения зловония. И наконец — детей в воскресных школах. Воскресные школы стали возникать с 1859 г., отвечая на потребность радикально мыслящей интеллигенции поделиться своими знаниями с народом. Летом 1862 г. они были закрыты правительством. Разумеется, Чичиковы 60-х годов принимали в них участие только на словах.

Из цикла «Казачьи стихотворения» и «Юмористическим чутьем...» *Чичерин Б. Н.* (1828 — 1904) — юрист, историк и публицист; профессор Московского университета; во 2-й половине 50-х годов — сотрудник «Русского Вестника», а затем «Нашего Времени» Н. Ф. Павлова. Стихотворения связаны с рядом его статей 1861—1862 гг. Все они проникнуты охранительными тенденциями, ненавистью к революционному движению и революционной мысли, которую Чичерин назвал «ушественным и литературным казачеством», стрем-

лением доказать необходимость сохранения сословных преимуществ русского дворянства и его первого места в государстве. Курочкин принял кличку казака — сторонника казачьей вольницы, но тут же переосмыслил ее и вернул Чичерину с отличительным признаком казака-усмирителя — нагайкой. Первое стихотворение — «перев» пушкинского двустихия «На перевод Илиады».

Юмористам «Отечественных Записок». В 1862 г. «Отечественные Записки» сделали попытку организовать, по примеру «Современника», юмористический отдел. Стихи и фельетоны этого отдела, беззубые, а иногда и технически безграмотные, были направлены преимущественно против Чернышевского, «Свистка», «Искры». — «Поморными» (от слова «помора» — смех до упаду) прозвали искровцев их враги. Они же пренебрежительно окрестили всю левую журналистику *свистунами*. «Современник», «Искра», «Русское Слово» подхватили эти клички и нередко иронически употребляли их. В «Искре», где стихотворение было опубликовано в составе фельетона Курочкина, ему предшествовали следующие слова: «Муза юмористики, так сказать поморная муза, — девица очень капризная, прибавим от себя:

Поморная муза резва» и т. д.

Цепочка и грязная шея. Печатается по «Искре». В «Собрании стихотворений» Курочкина сдены названы «Два скандала», а имя Чернышевского — разумеется, по цензурным причинам, — ни разу не упомянуто в них. В «Искре» сдены сопровождаемы следующим примечанием Курочкина (по техническим причинам оно не могло быть помещено в тексте):

«Г. Чернышевский, явившись перед избранною публикою, вел себя в высшей степени неприлично. Он то ложился на кафедру и боком и животом, то полусадился на нее (?), то делал разные телодвижения, нетерпимые в мало-мальски порядочном обществе, то вертел часовой цепочкой, — у меня, дескать, часы есть! (!) Одним словом, при двух или трех тысячах образованных людей Чернышевский вел себя, как Ноздрев на губернаторском бале». (Как Ноздрев на губернаторском бале, т. е. был мертвецки пьян и, по окончании чтения, сел на пол и хватал за ноги выходивших из зала дам и мужчин.) («Северная Пчела», № 70.)

Я был на литературном вечере 2-го марта, но так как, подобно всей публике, слушал, что в этот вечер читалось, то и не заметил, каким боком ложился г. Чернышевский на кафедру — правым или левым, даже не знаю, ложился ли. Цепочкою же он играл — это точно. Такое преступление г-на Чернышевского меня возмутило, возмутило тем более, что повествование об

нем напечатано не в какой-нибудь гнро-глифической газетке, а в «Северной Пчеле»; следовательно, цитированные выше строки проведены «сквозь горнило вдохновения и претворены в перл создания» г-ном Усовым, если только почтенная газета не возвратилась опять под редакцию г-д Греча и Булгарина.

В «Библиотеке для Чтения», в фельетоне, подписанном чрезвычайно остроумным псевдонимом *Петр не скажусь*, автор очень ловко шутит над совершенно неуместным присутствием дам на публичных чтениях. Вот один грациозный эпизод из этого вообще благовоспитанного и благонравного фельетона, в котором, разумеется, и Чернышевскому достается.

«Уж студент женского пола не будет вам носить ни косы, ни сетки, а непременно обстрижется по-мужски, и шапку наденет и какую-нибудь невозможную мантилью...

При мне произошла такая сцена в александровской зале Думы...

Стояла кучка молодых людей у выхода.

Поодаль от них, облокотясь о скамейку, помещалась какая-то *фигура*, именно *фигура*, потому что, говоря совершенно серьезно, нельзя было различить, что это такое — мужчина или женщина, мальчик или девочка.

Трудно даже описать внешность этой особы. Стриженная почти под гребенку голова, мужской (*подозрительной белизны*) сто-

лчий воротничок, *грязная шея*, затем какое-то коричневое одеяние, состоящее из кофты и узенькой юбки, и в руках мужская шапка.

— Это католический ксендз, — сказал один из молодых людей.

— Нет, это аптекарский ученик, — заметил другой.

Они подошли поближе к фигуре, постояли и, наконец, у одного из юношей вырвалось:

— Если она женщина, так это *цинизм* — являться в таком виде!..

Существо неизвестного рода, сошедши вниз, *надело сапоги*.

Грязная шея дамы взволновала меня не менее цепочки Чернышевского. Мне хотелось узнать подробности как о даме, так и о г. Чернышевском, чтобы с своей стороны предать их общественному позору посредством гласности. Для этого мне нужно было имя нечистоплотной дамы и настоящие имена обоих фельетонистов. Я был убежден, что ни один из современных русских литераторов, не исключая даже Аскоченского, придя на публичные лекции, посещаемые женщинами, но большей части небогатыми и за модами не следящими, не станет инспектировать их наряды и осматривать, у всех ли вымыты шеи и нет ли у которой-нибудь траура под ногтями. Русские литераторы, думал я, так малодушны и до такой степени трусы, что не осме-

лится заявлять публично свои фешенебельные наблюдения над женщинами, желающими учиться, если бы даже были способны и подготовлены светским воспитанием к таким наблюдениям. Русский литератор, полагал я, заметив, что собрат вертит часовую цепочку, непременно как-нибудь покривит душою, а не скажет своим читателям с геройскою откровенностью, что, мол, это бахвальство вертеть цепочкою; часов-то, может, и нет у голубчика. Очевидно, оба фельетона написаны не литератором, решил я, и направил свои поиски в иную сторону. Поиски увенчались успехом. Оказалось, что на вечере 2-го марта и на одной из публичных лекций в числе прочих были г-жа Хлестова и шесть князей Тугоуховских, помните, которые в 1821 году так дружно провозгласили Чацкого сумасшедшим. Княжны всё еще в девушках, они заметно состарились (младшей уже шестьдесят лет с хвостиком), но всё еще так же милы, веселы и умны. Я узнал достоверно, что именно шесть княжен, г-жа Хлестова и графиня Хрюмина-внучка (тоже девушка, уже лет десять как отпраздновавшая свой пятидесятилетний юбилей) написали оба эти фельетона. Слог поправлял Молчалин, а в редакции сообщил фельетоны Загорецкий. Как все это происходило, я потрудился изобразить в предлагаемых сценах.

Выступление Чернышевского с воспоминаниями о незадолго до этого умершем

Добролюбове послужило поводом для возобновления его травли со стороны реакционной и либеральной прессы. Кроме Чернышевского, в вечере принимали участие Некрасов, Достоевский, В. Курочкин, историк П. В. Павлов. Один кричал: *безумцы!* О Павлове, произнесшем речь о тысячелетии России, за которую он был выслан в Ветлугу. Другой расписывал какой-то мертвый дом. О Достоевском, читавшем отрывки из «Записок из мертвого дома». — Публичные лекции в здании Городской думы, о которых идет речь во второй сцене, возникли в связи с закрытием Петербургского университета после студенческих волнений 1861 г. По мысли организаторов, они должны были материально помочь нуждающимся студентам, как арестованным, так и оставшимся на свободе, поддержать внутреннюю связь между последними и в известной степени заменить чтение университетских курсов. Вслед за высылкой Павлова лекции были демонстративно прекращены. *Герооглифическая газетка* — «Русский Мир», выходивший под редакцией А. С. Герооглифова. *Сквозь юрнallo вдохновенья* и т. д. — из объявления об издании «Северной Пчелы». В нем П. С. Усов, к которому газета перешла от Греча, заявил о новом направлении газеты. С переходом к Усову она стала несколько приличнее по тону, подчас заигрывала с либералами, но скоро вернулась на путь воинствующей реакции.

Курочкин и пронизывает над мнимым либерализмом Усова. *Петр не скажусь* — псевдоним П. Д. Боборыкина. Милонов М. В. (1792—1821) — поэт начала XIX в. Краевский — см. стр. 460. «Московский Зритель» — журнал, выходивший в 1806 г. под редакцией эмигранта Карамзина кн. П. И. Шаликова. — Курочкин умело использовал не только персонажей «Горя от ума» Грибоедова, но также ряд ситуаций и выражений,

«Молитвой нашей бог смягчился...» В «Собрании стихотворений» Курочкина имя Чернышевского было заменено словами «некий критик»; восстанавливаем по «Искре». При первоначальной публикации стихотворения в «Искре» в примечании к нему поэт писал:

«Отечественные Записки» увлеклись новым романом г-на Тургенева «Отцы и дети», как ни одна барышня былого времени не увлекалась романами Жанлис, Коттень, и Радклиф. Рецензенты, хроникеры, публицисты, свистуны и фельетонисты этого почтенного журнала только и говорят, что об «Отцах и детях»... Рецензенты, хроникеры, публицисты, свистуны и фельетонисты «Отечественных Записок» все единодушно порешили, что с появлением романа г-на Тургенева время отрицания и обличения прошло безвозвратно. Пришла пора строить, — декламируют они на все тоны: — отрицать более нечего, обличать

некого. «Речь идет теперь о создании приятного и удобного, — говорит г-н Громека: — сердцем и умом домохозяина (т. е. г-на Краевского) овладевает строительное искусство: архитекторы новых идеалов получают предпочтение перед разрушителями старых — идеалисты сменяют нигилистов» («Современная хроника России», апрель). «Теперь нужно долото и топор, — говорит г-н Скарятин, — а лаки, подшивки, столярная работа придут после, когда зальем фундамент и возведем стены здания» («Отечественные Записки», апрель, «Об изменении цензурного устава»). Для нашей архитектурной фантазии мы избрали именно момент этих предварительных работ гг. инженеров «Отечественных Записок».

Все писавшие в «Отечественных Записках» о романе Тургенева видели огромную заслугу в развенчании нигилизма. Нигилисты, мол, «продолжают еще свое отрицание в то время, как общество, отринув что нужно было, начинает уже постройку нового»; правительство, по словам публицистов «Отечественных Записок», гораздо лучше нигилистов понимает стоящие перед страной задачи: столь же энергично борясь с темными сторонами государственного и общественного строя, оно не ограничивается одной разрушительной работой. Подобные заявления обозначали неприкрытый переход и без того весьма умеренных либералов в число верных слуг

самодержавия. «Жители планет» — статья Н. Н. Страхова во «Времени» Достоевского. *Ериком*, т. е. «-Ъ-», была подписана статья А. В. Эвальда «Учиться или не учиться?», направленная против студенческого движения. *Прогрессистов* и, повидимому, *Синеус* — псевдонимы того же Эвальда в юмористическом отделе «Отечественных Записок» (см. о нем стр. 43 и 452). *Заочный* — псевдоним видного чиновника министерства внутренних дел В. К. Ржевского (1811—1885), сотрудника «Русского Вестника», а затем «Вести». *Чичерин* — см. стр. 451. *Громека С. С.* (1823—1877) — публицист умеренно-либерального направления; стоял во главе публицистического отдела «Отечественных Записок». *Которым сокрушил Скарятин*. Скарятин В. Д. — редактор реакционной газеты «Весть» (см. стр. 489); до 1863 г., в пору своего относительного либерализма — сотрудник «Отечественных Записок», «Русского Вестника» и др. В своих корреспонденциях из Парижа, печатавшихся в «Современной Летописи» «Русского Вестника», и в других статьях Скарятин резко отзывался как о революционном прошлом Франции, так и о революционных силах тех лет. Всю вину за социальные противоречия и произвол, царивший при Наполеоне III, он возлагал не на истинных виновников, а на «беспрерывные революции». *В стихах Воейкова для вас. О «Доме сумасшедших»*. Краевский А. А. (1810—1889) —

журналист — предприниматель капиталистического типа, умеренный либерал; редактор-издатель журнала «Отечественные Записки» (1839—1867) и газеты «Голос» (1863—1884).

Лорд и маркиз или жертва казенных объявлений. Печатается по «Искре». В «Собрании стихотворений» Курочкина Катков и Павлов не названы; всюду говорится просто «лорд» и «маркиз». Катков М. Н. (1818—1887) в молодости — член кружка Белинского; с 1856 г. — редактор журнала «Русский Вестник», который был в первые годы своего существования органом русского либерализма; с начала 60-х годов Катков все более правел, а после польского восстания 1863 г. стал крупнейшим идеологом дворянской реакции; с 1863 г., кроме «Русского Вестника», редактировал газету «Московские Ведомости», где сосредоточил свою публицистическую деятельность. Павлов Н. Ф. (1805—1864) — беллетрист, поэт, критик и публицист; в 30-х годах прославился несколькими выдающимися повестями, вызвавшими негодование Николая I; в 50-х годах — либеральный критик и публицист, сотрудник «Русского Вестника»; в 1860—1863 гг. — редактор реакционной газеты «Наше Время». — До мая 1862 г. печатать частные объявления могли только «С.-Петербургские», «Московские» и «Полицей-

ские Ведомости». Катков поднял вопрос о распространении этого права на все периодические издания. Когда в конце 1862 г. «Московские Ведомости» перешли в его руки, то аналогичного вопроса о казенных объявлениях он уже, конечно, не возбуждал. На этой почве и возникла полемика между ним и Павловым. «*Tartuffe*» («Тартюф») — известная комедия Мольера; «*Les affrontés*» («Обнаглевшие») — пьеса Э. Ожье (1861), в которой обличалась продажная пресса. В статьях, что пишет он и господин Чичерин. О цикле статей Чичерина, напечатанных в 1862 г. в «Нашем Времени», в которых он ратовал за сохранение сословных привилегий дворянства. *Принадлежит не мне, а университету.* «Московские Ведомости» принадлежали Московскому университету и были сданы Каткову в аренду.

«Ты помнишь ли, читатель благосклонный...» В стихотворении высмеян либеральный период журнала Каткова «Русский Вестник», круто повернувшего вправо, и вообще поверхностные либеральные увлечения второй половины 50-х годов. *Зарин Е. Ф.* (1829 — 1892) — переводчик и критик, сотрудник «Отечественных Записок», непримиримый враг революционной литературы и публицистики. *Охочеконный* — псевдоним реакционного публициста Д. Ф. Щеглова (ум. в 1902 г.), сотрудника «Библиотеки для Чтения». *Когда*

тебя не оскорбляя Безрылов. Под псевдонимом «Никита Безрылов» А. Ф. Писемский поместил в «Библиотеке для Чтения» 1861—1862 гг. несколько наделавших много шуму фельетонов, направленных против радикальных кругов русского общества и левой журналистики. И «Парусом», разорванным судьбой. Славянофильская газета «Парус», выходившая в 1859 г., была запрещена после выпуска двух номеров. Усвоенное после его смерти М. Н. Катковым. Московский юридический И. Я. Корейша, которого посещали представители высшего света, на вопрос одной дамы, «женится ли такой-то», ответил: «Без працы не бенды колодцы». Катков использовал это «изречение» в борьбе с «Современником». «Изречение преображенского оракула только на взгляд бессмысленно... — писал он в 1861 г. — Изречение его есть не что иное, как польская пословица, имеющая такой смысл: *без труда не будет калачей*... Не худо, чтоб этот смысл представлялся нашим доморощенным мыслителям. Без труда ничего не дается... Кто выдает себя за мыслителя, тот не должен принимать на веру, без собственной мысли, ничего ни от г. Аскоченского, ни от г. Бюхнера, ни от Ивана Яковлевича, ни от Фейербаха». И все дальнейшие рассуждения Каткова посвящены «философским понятиям господ, пишущих в «Современнике». Отповедь на эту статью дал Каткову Чернышевский в «Полемических красотах».

*Как он ходил на Зотова войной.* Зотов В. Р. (1821—1896) — беллетрист, драматург и журналист. В журнале «Иллюстрация», выходявшем под его редакцией, появились в 1858 г. антисемитские статьи. В ответ на них в двух номерах «Русского Вестника» был помещен протест, подписанный огромным числом писателей и литераторов различных направлений. *Как им в Москве основан был Илю-Лондон.* Намек на англоманство Каткова в годы его либерализма. *Как он был юрд своим Байбородой.* Байборода — псевдоним Каткова, П. М. Леонтьева и Ф. М. Дмитриева. В 1857—1858 гг. в «Русском Вестнике» было напечатано несколько «Изобличительных писем» Байбороды, направленных против славянофильской «Русской Беседы», в частности против ее сотрудника, профессора римского права Н. И. Крылова, который был уличен в ряде грубых ошибок. *Полемикой с Евением Тур.* О полемике в связи с помещенной в «Русском Вестнике» статьей писательницы Е. Тур «Госпожа Свечина» (1860), после которой она прекратила сотрудничество в журнале Каткова. *Николай Филиппыч — Павлов* (см. о нем на стр. 461). Соллогуб был жертвой дружбы той. Имеется в виду статья Павлова о комедии В. А. Соллогуба «Чиновник», напечатанная в «Русском Вестнике» (1856). *Как Дюма был Павловым сконфужен.* О фельетоне Павлова «Вотяки и г. Дюма» (1858), в котором он писал о бессодержательности

произведений А. Дюма-отца. Ты помнишь ли, как некогда в Пассаже... В 1859 г. в зале петербургского Пассажа состоялся диспут о деятельности Русского общества пароходства и торговли. Когда публика начала шикать одному из ораторов, председательствовавший на диспуте финансист Е. М. Ламанский закрыл заседание, заявив, что «мы еще не созрели» для публичного обсуждения важных общественных вопросов. Через три месяца состоялся диспут историков Н. И. Костомарова и М. П. Погодина (см. о нем на стр. 480) о происхождении Руси. Погодин, заигрывая с публикой, выдал ей «патент на зрелость», и это вызвало немало сатирических откликов. Тогда еще Скарятин не решил... О Скарятине см. стр. 460. Курочкин имеет в виду его статью «О табунных и некоторых других свойствах русского человека». — Размер стихотворения и кольцевое строение строфы заимствованы из «Рефутации Бранжера» Пушкина.

Тик-так! Тик-так! *Нинон Ланкло* (1615 — 1705) — французская куртизанка, в салоне которой бывали многие знаменитости ее времени. *Глагол еремен, металла звон* — первая строка оды Державина на смерть кн. Мещерского.

Рансодии о нигилизме. «Отды и дети» Тургенева (1862) послужили одним

из главных поводов для настоящего крестового похода против нигилизма консервативной и либеральной журналистики. Особых участников антинигилистической войны — философа-идеалиста П. Д. Юркевича (1823—1874), библиографа и историка литературы М. Н. Лонгинова (1823—1875) и др. — Курочкин сравнивает с героями первого крестового похода. Назвав Юркевича «горячим Бульоном», он использовал ходовой историко-литературный анекдот, согласно которому в переводе «Освобожденного Иерусалима» Тасса, сделанном С. Е. Раичем (1828), есть строка: «Искинел Бульон, потек во храм». В действительности в нем такой строки нет. *Фет взялся за плуг селянина.* В 1860 г. Фет купил имение Степановку в Орловской губ. и занялся сельским хозяйством. Толстой принял из рук Клео свиток... О романе А. К. Толстого «Князь Серебряный», напечатанном в 1862 г. *Страхов играет как мячиком мябусом Урании.* О статье «Жители планет». Для своего народного читальника. План «читальника» был изложен Н. Ф. Щербинной в статье «Опыт о книге для народа» (1861). Вышла эта верноподданническая книга под названием «Пчела» в 1865 г. *Пр. Знаменский* — псевдоним В. Курочкина. И *Авдеевы тореньями.* Курочкин имеет в виду не только произведения М. В. Авдеева (1821—1876) — беллетриста либерального лагеря, пользовавшегося известной популярностью в 50—

60-е годы, но и писания его матери Е. А. Авдеевой (1780—1865) — автора «Записок о старом и новом русском быте», «Записок и замечаний о Сибири», а также книг по кулинарному искусству и домашнему хозяйству. Рузанов — владелец парфюмерного магазина. Так на улице Рютице. Имеется в виду былина о Ваське Буслаеве.

«Нет, положительно, роман...» Пародия на статью о «Что делать?» Чернышевского реакционного критика и цензора Ф. М. Толстого. Он обвинял Чернышевского во всех смертных грехах — беспочвенных утопических мечтаниях, плебейских вкусах, безнравственности, незнании светской жизни и пр.

Затишье. Фуражки с кокардами — дворянские фуражки.

Чистосердечное признание одного из многих. Прошло сто лет, как умер Ломоносов... Столетие со дня смерти Ломоносова было отпраздновано в казенно-патриотическом духе. В стихотворении речь идет о торжественном обеде в зале петербургского дворянского собрания. Принадлежит и сам к числу «хозяев»... О съезде «сельских хозяев» в Петербурге в ноябре 1865 г. На этом съезде выступал ряд идеологов наиболее реакционных слоев помещичьего дворянства. Обедал я в честь женского

труда. Об «Обществе женского труда», возникшем в Петербурге в 1865 г. Вопреки намерениям учредителей, руководство перешло в руки представителей аристократии, которые быстро привели Общество к ликвидации. «Русалка» — опера А. С. Даргомыжского. «Гоинеда» — опера А. Н. Серова.

Великие истины. Курочкин использовал общий замысел и конструкцию стихотворения А. Charlemagne «Les grandes vérités» (1796), но совершенно изменил тематические и формальные детали. Переводом является лишь последняя строфа. Стихотворение Шарлеманя вошло в сборник произведений французских песенников «La goguette ancienne et moderne», Paris, 1851. Кач — владелец петербургского универсального магазина, прославившийся своими рекламами. И необязного не может. . . Перифраза одного из афоризмов Козьмы Пруткова. Точек компрометирующих нет. Точками заменялись слова и места, не пропущенные цензурой.

[М. Н. Муравьеву]. После покушения Каракозова на Александра II в Петербурге, по приказу назначенного председателем следственной комиссии Муравьева-Вешателя (1796—1866), были произведены многочисленные аресты. Был арестован и Курочкин. Эпиграммы написаны во время заключения в Петропавловской крепости.

Надолго ли? После долгих хлопот Курочкин добился разрешения издавать «Искру» начиная с 1870 г. без предварительной цензуры. Стихотворение напечатано в № 1 за 1870 г. В нем — а еще более отчетливо в передовой статье — Курочкин недвусмысленно заявил, что «Искра» осталась верна своим революционным идеалам, но принуждена говорить о них вполголоса.

Канканы российской прессы. I. От г. Краевского г. Каткову. О Краевском и Каткове см. на стр. 460 и 461. В начале 1870 г. «Московские Ведомости» получили предостережение за то, что в слишком пессимистических, с точки зрения министерства внутренних дел, красках изобразили итоги истекшего года. Катков немедленно согласился с указаниями министерства, и это вызвало чувство безгласности во всей не только радикальной, но и либеральной прессе. В качестве защитника Каткова от ее нападков выступил только «Голос» Краевского. В статье, которую цитирует Курочкин, говорилось, что «Голос» и «Московские Ведомости» объединяет «служение национальным интересам», что их общим непримиримым врагом является космополитизм и пр. Первая строка — из послания Пушкина к Н. И. Гнедичу. *Проснешься ль ты когда, осмеленный Катков* — «перечев» строки из «Порты» Лер-

монтова. Как чаша для пиров, как филиал — оттуда же. Хоть... не враждебен и Бисмарку. Катков был в то время резким противником германофильской политики русского правительства, Краевский же разделял правительственную точку зрения.

II. Происхождение мудрости В. И. Аскоченского. Об Аскоченском см. на стр. 445. Стихотворение Курочкина «Надолго ли?» и передовая статья в первом номере «Искры», вышедшем без предварительной цензуры (см. стр. 469), вызвали злопыхательскую заметку «Домашней Беседы», вернее, не заметку, а донос. Что это за «пора самых светлых надежд», о которой пишет «Искра»? — спрашивает Аскоченский, и отвечает: «Искра» сожалеет о «Колоколе» Герцена, статьях Чернышевского, студенческих демонстрациях и т. д. Аскоченский говорит, что в продолжение всей своей деятельности «следил за мазуриками свободной мысли», и высказывает убеждение, что «Искра» загорелась ненадолго. — У Измайловского моста помещалась редакция «Домашней Беседы».

Принц Лутоня. Переделка комедии М. Монье «Le roi Babolein». «Принц Лутоня» написан не раньше 1872 г., а опубликован после смерти Курочкина. По цензурным причинам пришлось кое-что изменить, в частности смягчить конец, который в дошедшем до нас тексте совершенно не

гармонизирует с бунтарским духом всей пьесы. Как у Гете, знаете? — *dahin!* Намек на песню Миньоны «*Kennst du das Land . . .*». А к прогрессу точку — только точку! В 1872 г. черносотенный публицист кн. В. П. Мещерский заявил, что необходимо поставить «точку к реформам». *Есть такая басенка Крылова, «Кот и повар». Реактивной акции закон. Реактивной акции — реакции Что с улыбкой правду говорил. Ср. в «Памятнике» Державина: «И истину дарям с улыбкой говорил».*

Как яблочко румян. Перевод стихотворения «*Le petit homme gris*».

Знатный приятель. Перевод стихотворения «*Le sénateur*».

Старый капрал. Перевод стихотворения «*Le vieux caporal*». Император — Наполеон I.

Навуходоносор. Перевод стихотворения «*Nabuchodonosor*». Сделан между 1855—1858 гг. См. также стр. XXX.

Маркиз де Караба. Перевод стихотворения «*Le marquis de Carabas*», написанного в 1816 г., после реставрации, когда дворянская знать стала возвращаться из эмиграции и требовать восстановления всех ее привилегий и возвращения конфискованного во время революции имущества.

*Маркиз де Караба* — герой французской народной сказки «Кот в сапогах».

**Господин Искарнотов.** Перевод стихотворения «*Monsieur Judas*». Долго печатался под невинным названием «Сплетник», между тем как речь идет, конечно, о шпионе, агенте Третьего отделения.

**Безумцы.** Перевод стихотворения «*Les fous*». *Фурье III*. (1772—1837), *Сен-Симон А.-К.* (1760—1825), *Анфантен П.-Б.* (1796—1864) — виднейшие представители утопического социализма во Франции. *Нам безумец открыл Новый Свет.* О Колумбе. *Нам безумец дал Новый завет.* Об Иисусе Христе, который, по представлениям некоторых утопистов первой половины XIX в., был предшественником социалистов.

**Птицы.** Перевод стихотворения «*Les oiseaux*», написанного в 1816 г. по поводу изгнания из Франции поэта Арно. Есть указание, что Курочкин, переводя его, имел в виду Герцена и Огарева.

**Новый фрак.** Перевод стихотворения «*L'habit de cour ou visite à une altesse*».

### *Д. Минаев*

Дмитрий Дмитриевич Минаев родился в 1835 г. Учился, как и В. Курочкин, в Дворянском полку. Затем служил в Симбирской

казенной палате и земском отделе Министерства внутренних дел. В 1857 г. вышел в отставку и занялся исключительно литературной работой. В 1859 г. издал сборник «Перепевы. Стихотворения Обличительного Поэта», а в 1860 — книжку о Белинском, первый опыт его биографии. Скоро после этого стал постоянным сотрудником обоих журналов, занимавших левый фланг русской журналистики — «Современника» и «Русского Слова». В «Искре» сотрудничал с 1860 г. вплоть до ее прекращения, напечатав в ней за 14 лет огромное количество пародий, эпиграмм, фельетонов в стихах и прозе, переводов и пр. Редко попадается номер, в котором бы не было чего-нибудь минаевского под одним из его многочисленных псевдонимов. Активное участие принимал также в редакционной работе «Искры». В 1862 г. редактировал сатирический журнал «Гудок». Именно в это время в «Гудке» появилась «крамольная» виньетка, на которой был изображен Герцен. С 1865 г. параллельно с «Искрой» писал в «Будильнике», затем в «Деле» и «Отечественных Записках» Некрасова. С самого начала 60-х годов привлек к себе внимание «властей предержащих»; с 1865 г. состоял под постоянным полицейским надзором, а в 1866 г., после покушения Каракозова, был, как и ряд других литераторов, арестован и посажен на четыре месяца в Петропавловскую крепость. Очень много переводил

западноевропейских классиков: Гейне, Байрона, Шелли, Данте, Гюго и др. Умер в 1889 г. Минаев издал свыше 25 книг. Главные из них: «Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного Поэта», 2 тома (1863—1864), «Евгений Онегин нашего времени» (1866), «Здравия желаю!» (1867), «В сумерках» (1868), «На перепутьи» (1871), «Песни и сатиры» (1878), «Не в бровь, а в глаз» (1883) и др.

**Парнасский приговор.** В марте 1860 г., после появления «Накануне», состоялся третейский суд между Тургеневым и Гончаровым. Гончаров, познакомивший Тургенева с планом своего романа «Художник» («Обрыв»), увидел в «Дворянском гнезде» и «Накануне» частичное осуществление собственного замысла и обвинял их автора в плагиате. Обвинения болезненно подозрительного Гончарова были, разумеется, неосновательны. Третейский суд пришел к заключению, что «произведения Тургенева и Гончарова, как возникшие на одной и той же русской почве, должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях». *У меня Елена — имя, у него — Елена тоже.* Героиня «Обрыва» Вера первоначально называлась Еленой. То же имя носит героиня «Накануне». *Роль купца играть некую...* Намек на состоявшийся в апреле 1860 г. спектакль

в пользу Литературного фонда с участием ряда крупных писателей. Был поставлен «Ревизор». Тургенев играл одного из купцов. *На казенный счет поедешь...* Намек на факт биографии Гончарова. Еще в 1852—1854 гг. он принял участие в экспедиции адмирала Путятина в Японию. Литературным результатом этого путешествия явился «Фрегат Паллада» (1858).

Из цикла «Конкурсные стихотворения на звание члена Общества любителей российской словесности». В эти годы наиболее активными членами и руководителями Общества были славянофилы и близкие к ним литераторы. — «Перепев» стихотворения Полежаева «Провидение».

Праздная суета. В марте 1861 г. было отпраздновано пятидесятилетие литературной деятельности П. А. Вяземского. Благодаря неумеренным восторгам его почитателей и их выпадам против передовых литературных течений 1860-х годов, это само по себе незначительное событие вызвало резкую полемику — результат обострения классовой борьбы на литературном фронте. «Праздная суета» направлена и против самого юбиляра и, главным образом, против его апологета, писателя В. А. Соллогуба (1814—1882). Граф Чужеземцев и есть граф Соллогуб. В 1856 г. он, по пору-

чению министра двора Адлерберга, поехал за границу для изучения постановки театрального дела в европейских столицах. Особенно долго был он в Париже, где между прочим поставил свою комедию «*La preuve d'amitié*» («Доказательство дружбы»), «*La nuit de St.-Sylvestre*» — французский водевиль Соллогуба. «*История двух калош*» (1839) и «*Тарантас*» (1845) — повесть и роман Соллогуба, относящиеся к тому периоду, когда он еще представлял собой заметную литературную величину. Солоон (639—559 до н. э.) — афинский реформатор и законодатель. Чернышевский с Миллем. Милль, Д. С. (1806—1873) — английский экономист, публицист и философ. В 1860—1861 гг. в «Современнике» были напечатаны его «Основания политической экономии» в переводе и с примечаниями Чернышевского. Ригольбош — парижская каскадная певица и танцовщица. — Вторая половина стихотворения довольно точно передает детали празднования юбилея Вяземского в Академии наук. «*Цампа*» — опера Герольда. Греч Н. И. (1787—1867) — реакционный журналист и беллетрист, соратник Ф. Булгарина. — «Праздная» суэта — «перепев» «Современной песни» Д. Давыдова. Название сатиры Минаева взято из стихотворения Соллогуба, которое он спел на юбилее Вяземского.

[Разговор трех теней]. «Три тени, — писал Минаев, — не призраки из

шекспировского «Макбета», но три всеобщие знакомые издания». Стихотворение вызвано нападками «Русского Вестника», «Отечественных Записок» и «Русской Речи» на сатирическую журналистику и поэзию. *Свисток идет* — т. е. очередной номер «Свистка».

**Московская элегия.** Насмешка над новым политическим курсом «Русского Вестника», отчетливо обозначившимся в 1861 г., в частности над статьей «Элегическая заметка». В ней Катков резко нападал на революционную мысль начала 60-х годов, на «безголовых прогрессистов», на «атмосферу кружков», в которых «царит гниль разложения», и пр. Отдельные выражения Каткова использованы в стихотворении. *Молилари, Г.* (1819—1912) — бельгийский политикорэконом, воинствующий буржуа и фанатический противник социализма, сотрудник «Русского Вестника», а затем и «Московских Ведомостей» Каткова. *Succès d'estime* — выражение, направленное Молилари по адресу Прудона. *Зачем ты здесь, Европы житель?..* — «перепев» стихотворения Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу». В восточной «День». Славянофильская газета «День» начала выходить в 1861 г. *Молешиот* — см. стр. 503. *Ахшарумов Н. Д.* (1819—1893) — беллетрист и критик, сотрудник «Русского Вестника», «Отечественных Записок», «Эпохи». *Грот Я. К.* (1812—1893) — историк литературы и

лингвист; академик. Неиздолго до этого выступил со статьей против радикальной критики, назвав всех ее представителей лжеучениками Белинского.

**К у м у ш к и.** Стихотворение построено на каламбурах. За словами «лупят под лопатку **ли**» скрывается «лупят подлю **Паткули**», за словами «гнать, и гнать, и гнать его» — «гнать и гнать **Игнатьева**». А. В. Паткуль — петербургский обер-полицмейстер; П. Н. Игнатьев — петербургский военный губернатор.

**П о д р а ж а н и е с о в р е м е н н ы м л и р и к а м.** Насмешка над рабским подражанием поэтам 20—30-х годов. Третья и четвертая строки каждого четверостишия — цитата: из «Евгения Онегина» Пушкина, «Паруса», «Ветки Палестины» и «Демона» Лермонтова, опять из «Евгения Онегина» и из «Горя от ума» Грибоедова.

**О т ц ы и л и д е т и?** Направлено против «Отцов и детей» Тургенева. *Кто устоит в неравном споре?* — строка из «Клеветникам России» Пушкина. «Норма» — опера Беллини. *Российский Тогенбург*. Ср балладу Шиллера «Рыцарь Тогенбург» и гл. XVII «Отцов и детей». — Построение строфы заимствовано из «Бородина» Лермонтова.

**П р о с ь б а.** Направлено против «Отцов и детей» Тургенева; «перечень» «Молитвы»

Лермонтова («Я, мать божия, ныне с молитвою...»). *Якшатся с студентами*. Ср. последнюю главу «Отцов и детей», где говорится, что Кукшина «попрежнему якшется с студентами». В Думе на лекциях. См. сцену 2-ю «Цепочки и грязной шеи» В. Курочкина и примеч. к ней, стр. 453. *Вечно нарядные, вечно свободные* — «перепев» строки «Вечно холодные, вечно свободные» из стихотворения Лермонтова «Тучи».

Последние славянофилы. «Перепев» «Последних язычников» Майкова. Написано по поводу чествования памяти Кирилла и Мефодия славянофилами в мае 1862 г. При первоначальной публикации стихотворения в «Искре» Минаев в примечании к нему писал: «Рыцари» народной подоплеки», отвергая мудрость новейших нигилистов, не забывают почитать память словенских мудрецов и наставников... Торжественный праздник «последних могиканов» славянщины... мы не можем оставить без внимания. Хотя и без нас, вероятно, М. П. Погодин увековечит этот праздник и оставит потомству полную его летопись, мы все-таки обязаны для наших современников сказать о нем несколько слов, тем более что этот пир есть полное выражение настоящих сил и деятельности московских славянофилов. Так как г. Полонский прекратил печатание своего «Свежего предания», то мы, желая угодить поэту, реши-

лись продолжать его». *Свежее предание* — роман в стихах Полонского; печатался в 1861—1862 гг., но так и не был окончен. Аксаков К. С. (1817—1860) — поэт, драматург, критик, публицист; один из основоположников славянофильства. «Маяк» — журнал, выходивший в 1841—1845 гг. под редакцией мракобеса С. Бурачка; проповедовал ненависть к западному просвещению, объявлял греховной поэзию Пушкина и т. д. «Москвитянин» — журнал, выходивший в 1841—1856 гг. под редакцией М. П. Погодина, орган «официальной народности». Погодин М. П. (1800—1875) — реакционный историк и журналист; развивал взгляд на историю как на «охранительницу и блюстительницу общественного спокойствия»; резко враждебно относился к западникам. «Русская Беседа» — журнал славянофилов, выходивший в 1856—1860 гг. Минаев говорит, что идеи «Маяка» и «Москвитянина» возродились в «Русской Беседе». За честь «народной подоплеки». Выражение «народная подоплека» принадлежит А. С. Хомякову. Чадил, кого-то примиряя. В программе журнала «Свечеч» (1860—1862) говорилось о необходимости примирения западничества и славянофильства. Аксаков И. С. (1823—1886) — публицист и поэт, один из главных идеологов славянофильства, редактор ряда славянофильских изданий. Самарин Ю. Ф. (1819—1876) — публицист и общественный деятель славянофильского лагеря. «День» — славяно-

фильская газета, выходившая в 1861—1865 гг.

Сказка о восточных послых. Написано в связи с приездом в Петербург летом 1862 г. японского посольства.

Юмористам. Так, как иронически рекомендует смеяться Минаев, смеялся, по его словам, П. А. Вяземский «в лучшую пору своей деятельности». *Над ездой в телеге тряской.* Намек на стихотворение Вяземского «Русский бог» и др.

Проселком. В стихотворении есть ряд соответствий со «Школьником» Некрасова. Та же сюжетная схема использована для разоблачения либеральной болтовни об освобождении крестьян.

Фанты. *Кто же враг западных фрактов...* и *Кто земляков из Парижа...* О корреспонденциях известного славянофила И. С. Аксакова «Из Парижа», печатавшихся в «Дне» в 1863 г. под псевдонимом «Касьянов». *Аско-ченский* — см. на стр. 445. *Кто, русский эпос прославил...* О полемике между «Современником» и профессором Ф. И. Буслаевым (1818—1897) — историком русского языка и народной словесности. Работы его подверглись критике в статьях А. Н. Пышина и Чернышевского. *В прессу являлся, ругался.* О Безрылове см. на стр. 463. *Водоголов В. И.*

(1825—1886) — переводчик и педагог. *Ито же над «бомбами» века...* О статье С. С. Громеки, в основе которой лежат типичное для либералов утверждение, что революционеры своими «крайностями» лишь способствовали усилению реакции. Отмечая единодушные журналистики конца 50-х годов, которая якобы атаковала общими силами твердь старого мира, он писал: «Вдруг посреди атакующих и атакованных упала со свистом и шумом бомба отрицания. Первые осколки посылались на лагерь осаждавших. Осажденные обрадовались и вздохнули свободнее... Пока в рядах осаждавших шла междоусобная перепалка, осажденные возводили укрепление за укреплением, запасали оружие и умножали свои силы». *Глинка Ф. Н.* (1785—1880) — поэт; в молодости декабрист, впоследствии мистик и реакционер. *Вывел животных на сцену.* Модный в те годы драматург В. А. Дьяченко (1818—1876), постоянный поставщик пьес для Александринского театра, не раз был высмеян на страницах «Искры». В данном случае Минаев приписал ему, однако, «заслугу» другого драматурга — А. Соколова. В пьесе последнего «Новгородцы в Ревеле», шедшей в сезон 1861—1862 гг., действительно на сцене появлялась лошадь — вещь необычная в те времена. *Дружинин А. В.* (1824—1864) — известный критик антидемократического лагеря, редактор журнала «Библиотека для Чтения»

в 1856—1860 гг. Вечно был скучен и длинен. О критических статьях Дружинина. Кто обрусил нам Шекспира. О его переводах. Свои переводческие принципы Дружинин изложил в предисловии к переводу «Короля Лира». Пишет «заметки» сурово. «Заметки» — полемические статьи «Русского Вестника», большая часть которых принадлежит Каткову (о нем см. на стр. 461). Краевский — см. стр. 460. Бросил свой жезл триумфира. В январе — мае 1863 г. реакционный журналист Г. И. Корн редактировал вместе с В. Д. Скарятиным и Н. Н. Юматовым газету «Русский Листок»; с конца мая он перестал принимать в ней участие. Молины — см. стр. 477. Погудин — см. стр. 480. Скарятин — см. стр. 460. Эта строфа связана с его статьей «О табунных и некоторых других свойствах русского человека». Кто он, сорвавший гиматий... Намек на «греческие стихотворения» Щербины, в которых, кстати сказать, слово «гиматий» (верхняя одежда древних греков) встречается неоднократно. Кто он, воспевший нам лозы... П. Д. Юркевич утверждал в одной из своих статей (1860), что розги пока еще «неизбежное зло» и что только «страх божий» может избавить детей от необходимости применять к ним телесные наказания. Бюхнеру славший угрозы — см. стр. 502.

Из цикла «Лирические песни с гражданским отливом». Весь цикл

направлен против крепостнических статей Фета, напечатанных в 1863 г. Фет жалуется в них на трудности хозяйственной жизни помещного дворянства после реформы 1861 г., на грубость и нерадивость крестьян и т. д. *И работника Семена...* Фет утверждает, что интересы помещиков в меньшей степени ограждены законом, чем интересы батраков, и в доказательство рассказывает о нерадивом работнике Семене, которого он принужден был уволить и с которого еле удалось взыскать обратно одиннадцатирублевый задаток. *На полях — чужие гуси...* В главе «Гуси с гусенятами» Фет рассказывает о крестьянских гусях, которых он поймал на своем поле; хотя они и не успели еще принести ему никакого вреда, Фет взыскал с их владельцев штраф. — Являясь сатирами на статьи Фета, «лирические песни» пародируют в то же время его стихотворения «Шопот. Робкое дыханье...» и «Серенада» («Тихо вечер догорает...»).

Из цикла «Лирические песни без гражданского отлива». Пародия на стихотворение Фета «Тихая звездная ночь...»

«Пусть травы на воде русалки  
колыхают...» Эта пародия представляет собою стихотворение Фета «Уснуло озеро. Безмолвен черный лес», напечатанное снизу вверх.

При посылке романа «Взбаламученное море». Роман А. Ф. Писемского является пасквилем одновременно и на «людей сороковых годов» и на революционеров 60-х годов.

«От германского поэта...» *Голью нравственной кабацкой*. Полемизируя с Г. З. Елисеевым, публицист «Голоса» А. В. Лохвицкий назвал сотрудников «Современника» «умственной голью кабацкой». *Все скворцы, стрижи и галки*. Стрижами назвал Салтыков редакцию и сотрудников журнала Достоевского «Эпоха».

Лирик. Стихотворение направлено, по-видимому, против Майкова.

Мотивы русских поэтов. «Мотив ясно-лирический» — пародия на Фета, вернее всего на его «Серенаду» («Тихо вечер догорает...»); «Мотив бешено-московский» — на стиховые приемы Бенедиктова; по содержанию же это скорее пародия на славянофилов; в «Юбилейном мотиве» Минаев, по-видимому, имел в виду стихотворения Майкова и Розенгейма к столетию со дня смерти Ломоносова. *Почной эсфир струит эфир* — начало стихотворения Пушкина.

Добрый пес. Написано вскоре после освобождения умеренно-либеральной газеты «Голос» от предварительной цензуры.

Из цикла «Заметки». Весь цикл является ответом на стихотворные «Заметки» П. А. Вяземского, проникнутые ненавистью к революционному движению и литературе 60-х годов.

«У тебя, бедняк, в кармане...» Относится к роману Ф. М. Достоевского «Идиот».

Насущный вопрос. *Земский совет* — земские собрания, введенные в 1864 г. Они были всецело в руках дворянства, а представители крестьян не имели никакого влияния на ход дел.

Ренегат. «*Говоруны*» — пьеса И. А. Манна, пасквиль на нигилистов.

При чтении романа «*При Петре I. Ключников В. П. (1841—1892)*» — реакционный беллетрист. *Кельсиев В. И. (1835—1872)*. Революционер и близкий сотрудник Герцена, Кельсиев в 1867 г. отдался в руки русских властей, был прощен правительством и стал сотрудничать в реакционной прессе.

На союз Ф. Достоевского с кн. Мещерским. В 1873—1874 гг. Достоевский редактировал реакционную газету кн. В. П. Мещерского «*Гражданин*».

М. Н. Каткову. О Каткове см. стр. 461.

Под небом Пруссии. Перевод последней главы «Германии» Гейне (1844). Заглавие принадлежит Минаеву. Король, к которому обращается Гейне, — прусский король Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861), мистик, видевший идеал общественного строя в средних веках; считал себя знатком и покровителем искусства. *Презисний король* — Фридрих-Вильгельм III. «*Птицы*» и «*Лягушки*» — пьесы Аристофана. *Пайстетерос* — герой «Птиц».

### В. Богданов

Василий Иванович Богданов родился в 1838 г. В 1861 г. окончил медицинский факультет Московского университета, а в 1862 переехал в Петербург. Начиная с 1864 г. служил врачом в Балтийском флоте. В 1866—1867 гг. совершил кругосветное плавание. Сблизился с искровцами скоро после переезда в Петербург и сотрудничал в «Искре» вплоть до ее прекращения. Систематически печатая свои стихотворения, он кроме того вел в течение нескольких лет обзор иностранной политической жизни — «Заметки со всех концов света», в которых рассыпано много интересных образцов политической поэзии. Умер в 1886 г.

Беседа с музою. *Влас, мой друг...* Первые годы Богданов печатал стихи под псевдонимом «Влас Точечкин» (или «Точ-

кин»). *Шандоров свет* — освещение керосином фирмы А. Шандор, введенное в Петербурге в 1862 г. Несколько центральных улиц уже освещалось в это время газом. *Ефремов* — со- держатель петербургского ресторана-танц- класса.

*Дубинушка*. Прообраз известной ре- волюционной песни. Автор ее, А. А. Оль- хин, переделал в конце 70-х годов стихо- творение Богданова, заимствовав у него размер и перенес в свою «Дубинушку» три куплета почти без изменений. Припев богдановской «Дубинушки» — переделка ана- логичного припева бурлацкой песни. *Про- рубили окно...* Ср. с «Медным Всадником» Жушкина: «В Европу прорубить окно».

*E r u g s i t i o v e!* Слова «примечание для непошедших далее классического ли- кая» — насмешка над сторонниками класси- ческой системы образования, в первую очередь над Катковым и Леонтьевым, от- крывшими в 1868 г. в Москве свой лицей.

«Очень грозен горизонт...» В 1868 г. в воздухе пахло порохом. Шла уси- ленная подготовка франко-прусской войны; папа Пий IX, светская власть которого после 1859 г. распространялась лишь на Рим, не переставал мечтать о реставрации; Австрия предложила созвать конференцию великих держав для раздела Турции. *Большой*

ным человеком издавна называли Турцию публицисты и государственные деятели, ожидавшие из года в год ее раздела. Жирарден Э. (1806—1881) — французский публицист.

Свой идеал и Мы — особь статья! Стихотворения вызваны рядом статей газеты «Весть», в которых высказывалось недовольство реформой 1861 г. Это была критика реформы справа. «Весть», представлявшая интересы самых реакционных слоев помещного дворянства, ратовала за полное обезземеление крестьянства, ссылаясь на его неумение вести хозяйство.

[Диалог версальского и парижского хора]. Квартирная плата и платежи по векселям упоминаются в связи с двумя декретами Парижской коммуны.

### *Н. Курочкин*

Николай Степанович Курочкин родился в 1830 г. Начал печататься еще гимназистом. В 1849 г., будучи студентом Медико-хирургической академии, посещал кружок петрашевца С. Ф. Дурова. Двадцати четырех лет окончил академию. В конце 50-х годов около трех лет служил морским врачом; был в Западной Европе, Сирии, Египте. В 1860 г. бросил медицину и занялся исключительно литературой. Н. Курочкин был деятельным сотрудником «Искры» со дня

ее основания, печатал в ней стихи, переводы, фельетоны, статьи и пр.; принимал близкое участие в редакционной работе. В 1861—1862 гг. редактировал кроме того «Иллюстрацию», а в 1865—1866 — «Книжный Вестник», который из списка новых книг превратил в боевой орган. В 1861 г. Н. Курочкин вступил в революционное общество «Земля и Воля». С 1862 г. состоял под полицейским надзором. В 1866 г. был арестован и привлечен к следствию по делу Каракозова. Четыре месяца просидел в Петропавловской крепости. С 1868 г. работал в «Отечественных Записках» Некрасова, заведывая в течение нескольких лет библиографическим отделом. В середине 70-х годов тяжело заболел и до смерти почти не выходил из своей комнаты, не оставляя, однако, литературной деятельности. Умер в 1884 г.

**Рифмованные протесты.** Написано не раньше 1859 г. Насмешка над мелочным обличительством и «алфавитной» гласностью (см. о ней на стр. 447). В настоящее время, когда . . . — пародийная формула, высмеивающая либеральные излияния о пользе гласности, великих реформах и пр. Впервые употреблена Добролюбовым. *Пр. Владимирский* — псевдоним Н. С. Курочкина.

**Послание к Н. Л. Гнуту.** *Гнут* — псевдоним Н. Л. Ломана. Написано в связи с его пародиями на враждебных «Искре»

поэтов (см. также примечания к ним на стр. 506—509) Первые четыре строки — «перепев» элегии Языкова «Поэту радости и хмеля...»; последние целиком заимствованы из нее с одним незначительным изменением.

**Дева и жрецы.** В начале 60-х годов усиленно дебатировался вопрос о предоставлении женщинам возможности получить высшее образование и связанные с ним права и преимущества. Неоднократно писали в частности о высшем медицинском образовании женщин, причем многие представители медицины резко высказывались против женщин-врачей. Автор одной статьи, появившейся одновременно со сценкой Курочкина, недвусмысленно заявил по этому поводу: «Самые несговорчивые противники женщин ни слова не говорят против того, чтобы женщины только учились медицине... Вся война против того, чтоб они, выучившись, не получили диплома и не рискнули заниматься медицинской практикою... Из всех противников допущения женщин к изучению медицины самые яростные — врачи, которые живут исключительно «практикою». Неужели они боятся, что женщины отобьют у них «практику»? Как известно, путь к высшему образованию был еще долго закрыт для женщин.

**Утешение в разлуке.** Отклик на судебную реформу 1862 г. «Пловцы» — по-

пулярный романс композитора А. Е. Варламова.

Ода на современное состояние Франции. «Жители планет» — статья Н. Н. Страхова. Где после дважды черни страстный крик... О революциях 1830 и 1848 гг. Широкие бульвары. См. стр. XXIX. Мушары (mouchards) — шпионы. Шальной поэт. Очевидно, имеется в виду В. Гюго. Давно Скарятин доказал статьями — см. стр. 460.

В ресторане. В 1867—1868 гг. в России был голод, но официальная печать старалась преуменьшить размеры бедствия и предпочитала говорить о «неурожае», «недостатке хлеба» и т. д.

«Честным я прожил певцом...» Выбито на могиле В. Курочкина. Гроб мой украсьте венком! — строка из «Грозы» Беранже в переводе В. Курочкина.

## II. Вейнберг

Петр Исаевич Вейнберг родился в 1831 г. В 1851 г. вступил на литературное поприще. В 1854 г. издал в Одессе небольшую книжку стихотворений и переводов. В этом же году окончил историко-филологический факультет Харьковского университета и три года служил чиновником особых поручений при тамбовском губернаторе. В 1858 г. переехал в Петербург и быстро сблизился с литератур-

ными кругами. Стал печататься в «Библиотеке для Чтения», затем в «Современнике», «Русском Слове» и многих других журналах. В 1861 г. редактировал журнал «Век». В «Искре» активно сотрудничал с первого же номера вплоть до 1866 г.; принимал ближайшее участие и в редакционной работе. В 1866—1867 гг. заведывал литературным отделом «Будильника». Большинство юмористических стихотворений печатал под псевдонимом «Гейне из Тамбова»; в 1863 г. издал их отдельным сборником («Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова»). Начиная с 1868 г. вел наряду с литературной и педагогическую работу: преподавал историю литературы в Варшавском и Петербургском университетах, на Петербургских женских курсах. Вейнберг довольно быстро эволюционировал к либерализму. В последние десятилетия своей жизни был широко известен как литературно-общественный деятель: принимал близкое участие в работе Союза писателей, состоял председателем Литературного Фонда и пр. Умер в 1908 г. Вейнберг — один из самых плодовитых и лучших переводчиков XIX в.; в его переводах русские читатели знакомились с произведениями целого ряда западноевропейских классиков: Гейне, Берне, Гете, Шекспира и др.

*Веселая песенка. Как случилось в Твери, например. В Твери жену капельмей-*

стера, дирижировавшего оркестром, попросили удалиться с гимназического танцевального вечера. Сообщив об этом, Вейнберг иронически восклицает: «Ну как не торжество гласности?... Прежде изгнанием дам занимались люди возмужалые, физически развитые, а теперь юные питомцы просвещения, стало быть, еще дети, которые, как видите, много обещают в будущем».

Песня сумасшедшего акционера. Главное Общество российских железных дорог было основано в 1857 г. при ближайшем участии иностранных банкиров. Ему была предоставлена концессия на постройку четырех железнодорожных линий, в том числе Московско-Феодосийской. Все высшие должности занимали французские инженеры и техники. В 1861 г. в Обществе были обнаружены огромные растраты. Французский инженер *Ш.-Э. Колинзон* (1802—1885) — директор Общества. Стихотворение Вейнберга — «перепев» песни Офелии из «Гамлета» Шекспира в переводе Ник. Полевого.

Стрекоза и муравей. В 1862 г. на собрании акционеров Общества с.-петербургских водопроводов выяснилось, что капитал полностью истрачен, долги очень велики, а все произведенные работы необходимо переделать. Решено было обратиться за денежной помощью в Городскую думу, но это ни к чему не привело. *Палибин*,

*Пель, Овсянников, Крон* — члены правления Общества. — «Стрекоза и муравей» — «церепев» одноименной басни Крылова.

**У т е ш е н и е.** О Скарятине см. на стр. 460. Европа ошибается, заявляет он в статьях, которые высмеивает Вейнберг, полагая, будто прокламации вроде «Молодой России» и Герцен выражают взгляды русского народа. Революция в России невозможна, но, с другой стороны, неправы, мол, и те, кто считает, что наступила реакция. Скарятин с пафосом говорит о «великой пользе союза либеральной партии с властью», подобострастно прославляет Александра II и с казенным оптимизмом рисует блестящее состояние России. *Только дайте до второго...* Празднование тысячелетия России в 1862 г. превратилось в офидиозное, казенное торжество, к которому радикальные круги отнеслись весьма насмешливо. В Новгороде был открыт памятник, исполненный по проекту скульптора М. О. Микешина.

**К и т а й с к и й а л ь б о м.** Китай часто фигурировал в сатирической литературе как ширма, за которой можно было без стеснения говорить о российской действительности. *Аскоченский* — см. стр. 445. «*Наше Время*» — реакционная газета.

**Д а м а м - п а т р и о т к а м.** Написано в дни изъятия русским дворянством верно-подданных чувств Александру II

в связи с польским восстанием. Непосредственным поводом послужило газетное сообщение о том, что петербургские дамы, в пылу патриотического увлечения, дали слово не пить иностранных вин. Аксаков — см. стр. 480.

**Доктрина.** Первые восемь строк — перевод двух строф стихотворения Гейне «Doktrin». Я, тезка великого Гейне. Вейцберг имеет в виду свой псевдоним «Гейне из Тамбова».

### *В. Буренин*

Виктор Петрович Буренин родился в 1841 г. Восемнадцать лет окончил Московское архитектурное училище; некоторое время занимался своей специальностью, но затем бросил ее для литературы. Литературную деятельность начал в 1861 г. корреспонденцией, помещенной в «Колоколе» Герцена. С 1862 г. печатался в «Искре» и до 1865 г. был одним из основных ее сотрудников, определявших физиономию журнала. Принимал также участие в «Свистке» «Современнике», «Русском Слове», «Библиотеке для Чтения», «Зрителе» и других журналах, помещая в них как оригинальные стихи, так и переводы (Барбье, Гюго и др.). Политический радикализм молодого Буренина ярче всего проявляется в его сатирах. С 1865 г. вел фельетон, а потом обзор журналистики в либеральных «С.-Петербург-

ских Ведомостях», много писал в «Будильнике», позже в «Вестнике Европы». Шаг за шагом Буренин из радикала превращается в либерала. Но в конце 60-х и начале 70-х годов он еще печатался и в «Искре», и в «Отечественных Записках» Некрасова и поместил в них ряд талантливых и злых сатир. В 1871 г. разорвал с руководителями «Отечественных Записок», а вслед затем прекратил сотрудничество в «Искре». С 1875 г. в течение нескольких десятилетий был главным критиком «Нового Времени». Первые годы газета стояла на либеральных позициях, но скоро резко поправела и стала оплотом реакционной политики Александра III, оголтелого черносотенства и антисемитизма. С этих пор Буренин стал активным участником травли всех прогрессивных течений русской общественной жизни и литературы. Лишь небольшая часть стихотворений Буренина эпохи его радикализма была перепечатана в его сборниках «Очерки и пародии» (1874), «Былое» (1880) и «Стрелы» (1881). Умер в 1926 г.

Из цикла «Парижский альбом». Вслед за появлением в «Отечественных Записках» цикла стихотворений Майкова «Неаполитанский альбом» в «Искре» был напечатан ряд пародийных «альбомов». Подстрочное примечание к заглавию — пародия на аналогичное примечание Майкова. *Вот Некрасов пишет мне...* Некрасов очень тяжело

переживал разрыв с Тургеневым. 15 января 1861 г. он писал ему: «В сию минуту хлопоту не о «Современнике» и не из желания достать для него твою повесть, — это как ты хочешь, — я хочу некоторого звена относительно самого себя и повторяю, что это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебе. Это тебя насмешит, но ты мне в последнее время несколько ночей снился во сне». Тургенев нетактично и грубо использовал это интимное письмо в борьбе с «Современником». Он сослался на него, к тому же исказив его смысл, в «Письме к издателю» «Северной Пчелы»: «Весною 1861 года тот же г. Некрасов писал мне в Париж письмо, в котором с чувством, жалуясь на мое охлаждение, возобновлял свои лестные предложения и между прочим доводил до моего сведения, что видит меня почти каждую ночь во сне. Я тогда же отвечал г. Некрасову *положительным отказом*, сообщил ему мое твердое решение не участвовать более в «Современнике» и т. д. *Симпатию в сердце к «Вестнику» тая.* Тургенев напечатал в «Русском Вестнике» «Накануне» (1860) и «Отцы и Дети» (1862). *Алартий А.* (1790—1869) — французский поэт, историк и политический деятель; во время революции 1848 г. — министр временного правительства. *Астор разных медитаций.* Имеются в виду сборники его стихотворений «Méditations poétiques» и «Nouvelles méditations poétiques».

Из «Благонамеренной поэмы». Эпиграф — из стихотворения Конрада Липпеншвагера (Добролюбова) «Современный хор». Катковым, лорд-мэрм. Насмешка над англоманством Каткова в годы его либерализма. Павлов — см. стр. 461. И сказала Розенгейм пионером. Употребив в стихотворении «Прогресс» слово «пионер», Розенгейм сделал к нему примечание: «пионер — передовой человек». Князь Черкасский с березовой ветвью шел. Черкасский В. А. (1821—1878) — общественный и государственный деятель, примыкавший к славянофилам, принимал участие в разработке крестьянской реформы. Бурения имеет в виду статью Черкасского, в которой он высказывался за временное сохранение телесных наказаний для крестьянства. Заливался Скарятин как мерин. Эта насмешка связана со статьей Скарятина «О табунных и некоторых других свойствах русского человека» и стихотворением В. Курочкина «Конский дифирамб». Плювиоз (pluviose) — пятый месяц республиканского календаря, введенного во время французской революции XVIII в. Месяцы делились на декады. Ежемесячные хронические предсказания и на Громеки — обозрения русской общественной жизни «Современная хроника России», которые вел С. С. Громека в «Отечественных Записках». Деревья свободы — один из символов французской революции. «Почты» редактор Иван Гончаров. В 1862—1863 гг. И. А. Гончаров редакци-

ровал газету министерства внутренних дел «Северная Почта». *Кохановская* — псевдоним писательницы Н. С. Соханской (1825—1884), близкой к славянофилам. *Ролан М.-Ж.* (1754—1793) — политическая деятельница эпохи французской революции XVIII в.; в ее салоне собирались вожди жирондистов. «Предварение» вместе с «каранием» слить. В 1862 г комиссия по пересмотру цензурного законодательства обсуждала вопрос о частичном переходе от предварительной цензуры к административно-карательным мерам воздействия на печать. *Исправляет Юркевич публично.* О публичных лекциях Юркевича см. стр. 502.

Драматические сцены по поводу выхода «Современника». В июне 1862 г. «Современник» был приостановлен на восемь месяцев; в феврале 1863 г. вышла после перерыва двойная книжка журнала. Содержанием ее редакция хотела показать, что и не думает менять своих позиций. Начиная серию статей «Наша общественная жизнь», Салтыков-Щедрин дал полную яда характеристику «благонамеренного» человека. Действующими лицами сцены «В Москве» и являются два салтыковских «благонамеренных». В магазине книгопродавца Бабунова, где происходит действие, помещалась московская контора «Современника». *Все как есть журналы поголовно обругал!* О «Кратком

обзоре журналов за истекшие восемь месяцев» М. А. Антоновича. Да уж в этой первой книжке им хвалы сластит он! О статье Салтыкова. Слово «мальчишки», пущенное Катковым, обозначало в лексиконе реакционной журналистики то же, что «нигилисты». Сцена «В Петербурге» вызвана следующими фактами. В ноябрьской книжке «Отечественных Записок» за 1862 г. в очередном обзоре «Современная хроника России» Громека выразил сожаление по поводу того, что «литературное направление, известное в последнее время под общим названием нигилизма, устранено вовсе из печати». Но это заявление отнюдь не свидетельствовало о сочувственном отношении к «Современнику» и «Русскому Слову». Репрессивные меры, утверждал Громека, приведут к тому, что нигилизм будет загнан в подполье, но уничтожить его таким образом все равно не удастся; наоборот, преследуемые мнения будут вознесены «на ступень мученичества». Между тем уже приближался момент, сетовал он на цензуру, когда нигилизм был бы окончательно развенчан, и приостановление «Современника» и «Русского Слова» только усилило его. Очень резкую отповедь получил публицист «Отечественных Записок» в названном выше обзоре Антоновича. Последний высмеял Громеку, отметив, что его «ходатайство» за «Современник» появилось уже тогда, когда стало известно о возобновле-

нии журнала, и раскрыл подлинный смысл этого «ходатайства». Тут же Антонович сравнил его со школьником, «который накануне собрал кой-какие сведения о факте и завтра станет проповедовать об нем публике». Это место и вызывает ярость Громеки в сценке Буренина: «Что? невежда я и школьник?» и т. д. Наконец, с несколькими страницами того же обзора, посвященными «Времени», связана реплика М. М. Достоевского «И меня на «почве» милой оскандалили...» *М. М. Достоевский* (1820—1864) — беллетрист, переводчик и журналист, брат Ф. М. Достоевского; издавал вместе с ним журналы «Время» и «Эпоха», «Почва». Идеологическая концепция славянофильского толка, развивавшаяся в этих журналах, носила название почвенничества. *Федор* — Ф. М. Достоевский. *Косица* — псевдоним философа-идеалиста и литературного критика Н. Н. Страхова (1828—1896). *Краевский* — см. стр. 460.

После первого чтения г. Юркевича по «философии». В начале 1863 г. П. Д. Юркевич прочел цикл публичных лекций, в которых пытался развенчать философов-материалистов Запада и их русских последователей. *Бюхнер Ф.-Л.* (1824—1899) — немецкий философ, один из главных представителей метафизического материализма. «Сила и материя» Бюхнера была переведена и литографирована в 1860 г.

московским революционным кружком Зай-  
чневского и Аргиропуло. *Молешиотт Н.*  
(1822—1893) — немецкий физиолог. *Бокль Г.-Т.*  
(1821—1862) — английский историк и соци-  
олог. Все они пользовались большой попу-  
лярностью в радикальных кругах 60-х годов.

**Жена и жабы.** В наши дни очень в моде  
пест в civicском роде... Насмешка над опо-  
шлением гражданской поэзии. См. также  
«Мотивы русских поэтов» Минаева, *И.*  
*Функе О.* (1828—1879) — немецкий физиолог.  
*Эстерлен Ф.* (1812—1877) — австрийский ме-  
дик. *Цередринов* — псевдоним Буренина. Воз-  
никновение его связано с ошибкой «Би-  
блиотеки для Чтения», в которой *церебрин*  
был назван *цередрином*. — Строение стро-  
фы заимствовано из баллад Мицкевича  
«*Trzech Budrysów*» и «*Czaty*»; заимство-  
ванные из последней сюжетные детали  
использованы в пародийном плане.

**Граф Шенгаузенский.** «Перепев»  
баллады Шиллера «Граф Габсбургский»  
в переводе Жуковского, из которого взят  
и эпиграф. *Шенгаузен* — родовое имя,  
в котором родился Бисмарк. В *Версали*, при-  
глазий квартире В Версале во время осады  
Парижа находился главный штаб герман-  
ской армии.

**Песнь о Педефиле и Педемахе.**  
*Педефил* (детолюб) и *Педемах* (детоборед) —

Катков и П. М. Леонтьев (1822—1874), профессор Московского университета, ближайший помощник Каткова по работе в «Русском Вестнике» и «Московских Ведомостях». Защитники классической системы образования, желая отвлечь молодое поколение от революционного движения и передовых течений общественной и научной мысли, переносили центр тяжести на изучение древних языков. В 1868 г. Катков и Леонтьев открыли в Москве лицей, который стал практическим проводником их идей. Они принимали также участие в выработке устава гимназий, согласно которому лица, оканчивавшие реальные училища, лишены были возможности обучаться в университетах. *От полярных ледяных льдов и т. д.* Ср. с «Клеветникам России» Пушкина.

Общественное мнение. Напечатано непосредственно после окончания Нечаевского дела. Насмешка над «Московскими Ведомостями» Каткова, высказывавшими недовольство чересчур вежливым обращением председателя суда с подсудимыми, слишком мягким приговором и т. д.

Собачий пир. Перевод стихотворения Ог. Барбье «La sirée», написанного после июльской революции 1830 г.

Из В. Гюго. Вольный перевод стихотворения «Puisque le juste est dans l'abîme...», написанного Гюго в изгнании в 1852 г.

## Г. Жулев

Гавриил Николаевич Жулев родился в 1836 г. Он был одновременно и поэтом и актером. Окончив театральное училище, с успехом играл в Александринском театре. Театральная администрация не давала ему хода за то, что он писал в «Искре» и информировал редакцию журнала о всех закулисных тайнах и интригах. Жулев был одним из постоянных сотрудников «Искры» начиная с 1860 г. В 1862 г. издал сборник «Песни Скорбного Поэта». С 1865 г. печатался также в «Будильнике», а в 1870-х годах — в газетах «Петербургский Листок» и «Петербургская Газета»; был одним из редакторов «Стрекозы». В 1872 г. выпустил второй сборник стихов «Ба! знакомые все лица!» Умер в 1878 г.

Литературные староверы. *Что теперь уже молчит старая газета. О «Северной Пчеле».* В 1860 г. она перешла от Греча к Усову, и в связи с этим наиболее реакционные сотрудники ушли из нее. См. также стр. 457. *Главная пчела* — Ф. Булгарин, умерший в 1859 г. *Буллетист он и актер...* Повидимому, П. А. Каратыгин *Был еще тут драматург...* Повидимому, Н. Кукольник. *И младенцы в эту ночь...* Ср. конец «Баллады, в которой описывается, как одна старушка...» Жуковского.

Товарищу. *Мизерабли* — несчастные. В 1862 г. вышел и был переведен роман В. Гюго «*Les misérables*», из которого Жулев и перенес в русский язык это слово. *Тайлёр* (франц. *tailleur*) — портной. *Несен* подалше к мосту — т. е. вносим проценты за заложенные вещи в отделение петербургского ломбарда возле Банковского моста.

### *Н. Ломан*

Николай Логинович Ломан родился в 1830 г. По окончании Петербургского университета много лет преподавал русский язык и словесность в военно-учебных заведениях. Литературная деятельность Ломана длилась всего четыре года. В 1858 г. он напечатал несколько юмористических стихотворений в «Весельчаке». Расцвет его таланта падает на 1860 и 1861 гг., когда в «Искре» под псевдонимом «Н. Л. Гнут» появилось шесть «Литературных вариаций». Это — фельетоны о литературе, сердцевину которых составляют включенные в них пародии на Фета, Тютчева, Случевского, Крестовского и ряд других поэтов. Писал ли Ломан после 1861 г. — неизвестно. С 1868 г. был директором Петербургского тюремного комитета. Умер в 1892 г.

Перед Милютинными лавками.  
Пародия на «Пошли, господь, свою отраду...» Тютчева.

**На кладбище.** Пародия на одноименное стихотворение Случевского. *Содружество идей* — выражение А.п. Григорьева. *Вспомнил случай я другой...* Намек на непристойные стишки «На кладбище ветер свищет...»

**Коварство и любовь.** Пародия на «Мемфисского жреца» Случевского. Название взято у Шиллера.

● **Утешение.** Пародия на «Успокоение» Тютчева.

«Ах, взгляните: закрывает тучкой боязливым...» Пародия на стихотворение Вс. Крестовского «О, взгляни ты: голубые звезды робко блещут...» из цикла «Весенние ночи».

**Résumé** весенних стихотворений г. Крестовского. Пародия на весь цикл «Весенние ночи».

Г. Пр. Преображенскому («Вы не поверите, что мне недавно приснилось...»). Преображенский — псевдоним Н. С. Курочкина. Это одновременно и ответ на его «Послание к Н. Л. Гнуту» (см. на стр. 304) и пародия на стихотворение Л. Мея «Знаешь ли, Юлинька, что мне недавно приснилось...» Ср. также со стихотворением Некрасова «Мне жаль, что нет теперь поэтов...» (1853). *Ершов П. П.* (1815—1869) — поэт

30-х годов, автор известной сказки «Конек-горбунок». Здесь, очевидно, имеется в виду не столько «Конек-горбунок», сколько лирика Ершова в духе эпигонского романтизма 30-х годов. *Трилуний* — псевдоним второстепенного поэта 30-х годов Д. Ю. Струйского (1809—1856).

«Душе становится легко хоть на мгновенье...» Пародия на перевод П. Сенина «Из А. Шенье» («Душе становится легко хотя на миг...»).

Стихотворения в гейневском духе. Пародия на русских подражателей Гейне. Ср. со стихотворением Ю. Жадовской «Ты скоро меня позабудешь...»

«В самом деле, шли бы вы на взморье...» Пародия на стихотворение Вс. Крестовского «Я б ушел от вас на берег моря...»

«Ох, время тяжкое настало...» Гнуту снился страшный сон. Представители «чистой поэзии» сговорились не печатать больше своих стихов, и «поморные» лишились материала для пародий. «Ох, время тяжкое настало...» — жалобная песня, с которой они решили обратиться к замолкнувшим поэтам. Гнут проснулся в грустном настроении. Но оказалось, что

опасения были совершенно напрасны: в литературе не произошло никаких сдвигов, и пародистам не угрожает безработица. *Гений небывалый*. Насмешка над высокой оценкой поэзии Случевского, данной Ап. Григорьевым. *Молчание строгое хранит* — несколько измененная строка из стихотворения Случевского «Он не любил еще...» *Кроль Н. И.* (1823—1871), *Кусков П. А.* (1834—1909), *Тур З.* — второстепенные поэты 50—60-х годов. Стоявший сначала на позициях «чистого искусства», Кроль с конца 50-х годов стал писать юмористические стихи с довольно яркой политической окраской; сотрудничал в «Искре». *Когда кометою молнатою*. Намек на стихотворение Страхова «Комета». *Крестовский наш ушел на взморье...* Имеется в виду стихотворение Крестовского «Я б ушел от вас на берег моря...»

### *А. Сниткин*

Алексей Павлович Сниткин родился в 1829 г. Учился на факультете восточных языков Петербургского университета. В «Искре» сотрудничал с 1859 г. Печатался также в «Светоче» и других журналах. Большая часть его стихотворений появилась под псевдонимом «Амос Шишкин». Сниткин писал не только стихи, но и прозу (повесть «Стрикаловский барин» и др.). Умер в 1860 г.

Солнечный свет. Пародия на «Лунный свет» Полонского.

Мелодии. Пародии на два стихотворения Фета из отдела «Мелодии»: «Я долго стоял неподвижно...» и «Шумела полночная вьюга...»

Для многих. Пародия на стихотворение Полонского «Для немногих».

В Павловске. Пародия на стихотворение Фета из отдела «Элегии»: «Постой — здесь хорошо! Зубчатой и широкой...»  
*Штраус И.* (1825—1899) — композитор и дирижер; много лет дирижировал концертами в Павловске.

Непонятый вопрос. «Поездка в Парголово и Зловещие приметы» — пародии на антологические стихотворения поэтов 50-х годов.

### *Л. Пальмин*

Людор Иванович Пальмин родился в 1841 г. Учился на юридическом факультете Петербургского университета. За участие в студенческих волнениях 1861 г. был арестован, а затем исключен из университета. В «Искре» сотрудничал в 1863—1868 гг., до переезда в Москву. С теплым

чувством вспоминал он об этих годах и о В. Курочкине, который «окончательно склонил его к литературной деятельности, а главным образом к поэзии». Кроме «Искры» печатался в «Будильнике», «Женском Вестнике», «Деле», позже — в «Русской Мысли», «Осколках», «Стрекозе» и др. В 70-х и 80-х годах издал несколько сборников. Умер в 1891 г.

**Requiem.** «Requiem» Пальмина стал впоследствии революционной песней.

**Свидание.** Печатается по «Искре». В сборнике 1878 г. подзаголовок был снят. В 1865 г. окончилась гражданская война между северными и южными штатами США. Окончилась она победой северян над крупными землевладельцами юга и освобождением негров от рабства.

## СОДЕРЖАНИЕ<sup>1</sup>

Поэты «Искры». Вступительная  
статья Н. Ямпольского . . . . .

III

### *Василий Курочкин*

|                                       |    |     |
|---------------------------------------|----|-----|
| Ни в мать, ни в отца . . . . .        | 1  |     |
| «Как в наши лучшие года...» . . . .   | 3  | —   |
| Общий знакомый . . . . .              | 5  | 445 |
| 16 июля 1857 года . . . . .           | 8  | 445 |
| «Я не порт,—и, не связанный узами...» | 10 |     |
| Жалоба чиновника . . . . .            | 12 |     |
| Только! . . . . .                     | 13 |     |
| Полезное чтение . . . . .             | 16 | 445 |
| ✓ Бедовый критик . . . . .            | 18 | 446 |
| Сон на Новый год . . . . .            | 19 | 446 |
| Явление гласности . . . . .           | 24 | 447 |
| Идеальная ревизия . . . . .           | 28 |     |
| Возрожденный Панглосс . . . . .       | 30 | 448 |
| Дружеский совет . . . . .             | 32 | 450 |
| Скандал . . . . .                     | 33 | 448 |
| Эпитафия Бавию . . . . .              | 36 | 450 |
| Мирмидоны Куролесовы . . . . .        | 37 | 450 |
| ✓ Семейная встреча 1862 года . . . .  | 38 | 451 |

<sup>1</sup> Первая цифра (прямым шрифтом) обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

|                                                                                                                                                |         |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------|
| Из дикла «Казацкие стихотворения»:                                                                                                             |         |
| «Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи...» . . . . .                                                                                     | 42 451  |
| «Юмористическим чутьем...» . . . . .                                                                                                           | 43 451  |
| Юмористам «Отечественных Записок» . . . . .                                                                                                    | 44 452  |
| Цепочка и грязная шея. . . . .                                                                                                                 | 45 453  |
| «Молитвой нашей бог смягчился...»                                                                                                              | 57 458  |
| Перлы, тщательно выбранные из стихотворного перевода г. Берга «Пана Тадеуша» Мицкевича и наизанные стихотворно же никчемным пинтой Брехальским | 60      |
| Лорд и маркиз или жертва казенных объявлений . . . . .                                                                                         | 63 461  |
| «Ты помнишь ли, читатель благосклонный...» . . . . .                                                                                           | 79 462  |
| Тик-так! Тик-так! . . . . .                                                                                                                    | 81 465  |
| Рассодии о нигилизме . . . . .                                                                                                                 | 84 465  |
| «Нет, положительно, роман...» . . . . .                                                                                                        | 91 467  |
| <u>Природа, вино и любовь</u> . . . . .                                                                                                        | 93      |
| Примерный фат . . . . .                                                                                                                        | 96      |
| Завещание . . . . .                                                                                                                            | 99      |
| Затишье . . . . .                                                                                                                              | 101 467 |
| Чистосердечное признание одного из многих . . . . .                                                                                            | 103 467 |
| Великие истины . . . . .                                                                                                                       | 106 468 |
| [М. Н. Муравьеву]                                                                                                                              |         |
| I. «Сто человек, никак, ты запер в казематы...» . . . . .                                                                                      | 108 468 |
| II. «Холеру ждали мы, и каждый был готов...» . . . . .                                                                                         | 108 468 |
| Свисток и стакан . . . . .                                                                                                                     | 109     |

|                                    |     |     |
|------------------------------------|-----|-----|
| Погребальные дроги . . . . .       | 111 |     |
| На могиле Д. И. Писарева . . . . . | 113 |     |
| Раздумье . . . . .                 | 114 |     |
| Надолго ли? . . . . .              | 115 | 469 |
| Канканы российской прессы:         |     |     |
| I. От г. Краевского г. Каткову     | 118 | 469 |
| II. Происхождение мудрости         |     |     |
| В. И. Аскоченского . . . . .       | 120 | 470 |
| В наше время . . . . .             | 122 |     |
| Стихийная сила . . . . .           | 125 |     |
| Принц Лутоня . . . . .             | 128 | 470 |
| Песни Беранже:                     |     |     |
| Как яблочко румян . . . . .        | 153 | 471 |
| Знатный приятель . . . . .         | 156 | 471 |
| Старый капрад . . . . .            | 159 | 471 |
| Навуходоносор . . . . .            | 162 | 471 |
| Маркиз де Караба . . . . .         | 165 | 471 |
| Господин Искарриотов . . . . .     | 168 | 472 |
| Безумцы . . . . .                  | 171 | 472 |
| Птицы . . . . .                    | 173 | 472 |
| Новый фрак . . . . .               | 175 | 472 |
| Стихотворения, приписываемые       |     |     |
| В. С. Курочкину:                   |     |     |
| Двуглавый орел . . . . .           | 178 |     |
| «Долго нас помещики душили...»     | 181 |     |

### *Дмитрий Минаев*

|                                                                                                          |     |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|-----|
| Парнасский приговор . . . . .                                                                            | 183 | 474 |
| Из цикла «Конкурсные стихотворе-<br>ния на звание члена Общества лю-<br>бителей российской словесности»: |     |     |
| «Я трепетал, как говорил...» . . .                                                                       | 186 | 475 |

|                                                                                                           |     |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|-----|
| Праздная суета . . . . .                                                                                  | 188 | 475 |
| [Разговор трех теней] . . . . .                                                                           | 193 | 476 |
| Московская элегия . . . . .                                                                               | 196 | 477 |
| Кумушки . . . . .                                                                                         | 199 | 478 |
| Подражание современным лирикам . . . . .                                                                  | 201 | 478 |
| ✓ Отды или дети? . . . . .                                                                                | 202 | 478 |
| Просьба . . . . .                                                                                         | 205 | 478 |
| Последние славянофилы . . . . .                                                                           | 207 | 479 |
| Сказка о восточных послых . . . . .                                                                       | 210 | 481 |
| На художественной академической<br>выставке:                                                              |     |     |
| I. Нищие (г. Гаугера) . . . . .                                                                           | 212 |     |
| II. К картине «Битая дичь»<br>г. Граверта . . . . .                                                       | 212 |     |
| Юмористам . . . . .                                                                                       | 213 | 481 |
| Совет . . . . .                                                                                           | 215 |     |
| Проселком . . . . .                                                                                       | 217 | 481 |
| Фанты . . . . .                                                                                           | 219 | 481 |
| Из цикла «Лирические песни с<br>гражданским отливом»:                                                     |     |     |
| I. «Холод, грязные селенья...» . . . . .                                                                  | 223 | 483 |
| II. «Солнце спряталось в ту-<br>мане...» . . . . .                                                        | 223 | 483 |
| Из цикла «Лирические песни без<br>гражданского отлива»:                                                   |     |     |
| «Тихая, звездная ночь...» . . . . .                                                                       | 225 | 484 |
| «Пусть травы на воде русалки ко-<br>лыхают...» . . . . .                                                  | 226 | 484 |
| К пьесе «Чужая вина» г. Устря-<br>лова . . . . .                                                          | 227 |     |
| А. Майкову и Ф. Бергу, ставшим<br>постоянными сотрудниками дет-<br>ского журнала «Дело и Отдых» . . . . . | 228 |     |

|                                                                       |         |
|-----------------------------------------------------------------------|---------|
| Аналогия стихотворца . . . . .                                        | 229     |
| При посылке романа «Взбаламученное море» . . . . .                    | 230 485 |
| «От германского поэта...» . . . . .                                   | 231 485 |
| Лирик . . . . .                                                       | 234 485 |
| Мотивы русских поэтов:                                                |         |
| I. Мотив мрачно-обличительный . . . . .                               | 237 485 |
| II. Мотив ясно-лирический . . . . .                                   | 238 485 |
| III. Юбилейный мотив . . . . .                                        | 239 485 |
| IV. Мотив бешено-московский . . . . .                                 | 240 485 |
| Добрый пес . . . . .                                                  | 241 485 |
| В кабинете цензора . . . . .                                          | 242     |
| Из цикла «Заметки»:                                                   |         |
| «Проснулась в нем страстей игра...» . . . . .                         | 243 486 |
| У входа в прессу . . . . .                                            | 244     |
| Безыменному журналисту . . . . .                                      | 245     |
| «У тебя, бедняк, в кармане...» . . . . .                              | 246 486 |
| Насущный вопрос . . . . .                                             | 247 486 |
| Ренегат . . . . .                                                     | 249 486 |
| Журналу «Нива» . . . . .                                              | 252     |
| Клевета . . . . .                                                     | 253     |
| «Нельзя довериться надежде...» . . . . .                              | 254     |
| Я. Полонскому . . . . .                                               | 255     |
| При чтении романа «При Петре I» соч. Ключникова и Кельсиева . . . . . | 256 486 |
| По прочтении романа И. Тургенева «Вешние воды» . . . . .              | 257     |
| На союз Ф. Достоевского с кн. Мещерским . . . . .                     | 258 486 |
| В Финляндии . . . . .                                                 | 259     |
| Чижовым немцам . . . . .                                              | 260     |

|                                        |         |
|----------------------------------------|---------|
| Житейская иерархия . . . . .           | 261     |
| Ю. Леман. «Дама под вуалью» . . . . .  | 262     |
| Сапожник (Кочетова) . . . . .          | 263     |
| На ком шапка горит? . . . . .          | 264     |
| М. Н. Каткову. . . . .                 | 265 486 |
| Под небом Пруссии (Из Гейне) . . . . . | 266 487 |

### *Василий Богданов*

|                                                   |         |
|---------------------------------------------------|---------|
| Беседа с музою . . . . .                          | 270 487 |
| Проезжим . . . . .                                | 273     |
| Наш пролетарий . . . . .                          | 275     |
| Дубинушка . . . . .                               | 277 488 |
| Химеры . . . . .                                  | 280     |
| E pur si muove! . . . . .                         | 283 488 |
| «Очень грозен горизонт...» . . . . .              | 286 488 |
| Свой идеал . . . . .                              | 289 489 |
| Мы — особь статья! . . . . .                      | 293 489 |
| [Диалог версальского и парижского хора] . . . . . | 297 489 |

### *Николай Курочкин*

|                                                     |         |
|-----------------------------------------------------|---------|
| К серому другу . . . . .                            | 299     |
| Рифмованные протесты . . . . .                      | 301 490 |
| Послание к Н. Л. Гнугу . . . . .                    | 304 490 |
| Дева и жрецы . . . . .                              | 305 491 |
| Дурные вести . . . . .                              | 310     |
| Утешение в разлуке . . . . .                        | 311 491 |
| Ода на современное состояние Фран-<br>ции . . . . . | 314 492 |
| В ресторане . . . . .                               | 316 492 |
| «Честным я прожил певцом...» . . . . .              | 318 492 |

## Петр Вейнберг

|                                       |         |
|---------------------------------------|---------|
| «Ах, ты, плут-мальчишка...» . . .     | 319     |
| «Он был титулярный советник...» . . . | 321     |
| Негордый человек . . . . .            | 322     |
| Тростник и спина . . . . .            | 324     |
| Взгляд на природу . . . . .           | 326     |
| Элегия . . . . .                      | 328     |
| Веселая песенка . . . . .             | 330 493 |
| Песня сумасшедшего акционера . . .    | 331 494 |
| Стрекоза и муравей . . . . .          | 333 494 |
| Утешение . . . . .                    | 335 495 |
| Китайский альбом . . . . .            | 337 495 |
| Дамам-патриоткам . . . . .            | 343 495 |
| Доктрина . . . . .                    | 345 496 |

## Виктор Буренин

|                                                               |         |
|---------------------------------------------------------------|---------|
| Из цикла «Парижский альбом»:                                  |         |
| I. «В русской церкви за обедней...» . . . . .                 | 347 497 |
| II. «Я любил за чашкой кофе...» . . .                         | 348 497 |
| III. «Diable m'empêche! Гулять я вышел...» . . . . .          | 349 497 |
| Из «Благонамеренной поэмы» . . .                              | 350 499 |
| Драматические сцены по поводу выхода «Современника» . . . . . | 356 500 |
| После первого чтения г. Юркевича по «Философии» . . . . .     | 361 502 |
| Жена и жабы . . . . .                                         | 363 503 |
| Из поэмы «Прерванные главы» . . .                             | 370     |
| Граф Шенгаузенский . . . . .                                  | 374 503 |

|                                   |     |     |
|-----------------------------------|-----|-----|
| Песнь о Педефиле и Педемахе . . . | 378 | 503 |
| Общественное мнение . . . . .     | 383 | 504 |
| Собачий пир (Из О. Барье) . . .   | 385 | 504 |
| Из В. Гюго . . . . .              | 390 | 504 |

### *Гавриил Жулев*

|                                  |     |     |
|----------------------------------|-----|-----|
| У кухни . . . . .                | 392 |     |
| Литературные староверы . . . . . | 394 | 505 |
| Карьера . . . . .                | 398 |     |
| Незабудка . . . . .              | 401 |     |
| Товарищу . . . . .               | 403 | 506 |
| Чирик . . . . .                  | 405 |     |
| «Апра моя, лпра...» . . . . .    | 408 |     |

### *Николай Ломан*

|                                                            |     |     |
|------------------------------------------------------------|-----|-----|
| Перед Милютинными лавками . . .                            | 410 | 506 |
| На кладбище . . . . .                                      | 411 | 507 |
| Коварство и любовь . . . . .                               | 413 | 507 |
| Утешение . . . . .                                         | 416 | 507 |
| «Ах, взгляните: закрывает тучкой<br>боязливо...» . . . . . | 417 | 507 |
| Résumé весенних стихотворений<br>г. Крестовского . . . . . | 418 | 507 |
| Г. Пр. Преображенскому . . . . .                           | 419 | 507 |
| «Душе становится легко хоть на<br>мгновенье...» . . . . .  | 420 | 508 |
| Стихотворения в гейневском духе .                          | 421 | 508 |
| «В самом деле, шли бы вы на<br>взморье...» . . . . .       | 422 | 508 |
| «Ох, время тяжкое настало!...» . .                         | 423 | 508 |

### *Алексей Сниткин*

|                                              |     |     |
|----------------------------------------------|-----|-----|
| Солнечный свет . . . . .                     | 425 | 510 |
| Мелодии:                                     |     |     |
| I. «Я мрачно сидел за бутылкой...» . . . . . | 426 | 510 |
| II. «И ветер и дождик шумели...» . . . . .   | 426 | 510 |
| Для многих . . . . .                         | 428 | 510 |
| Из цикла «Элегии»:                           |     |     |
| В Павловске . . . . .                        | 430 | 510 |
| Из цикла «Антологические стихотворения»:     |     |     |
| Непонятый вопрос . . . . .                   | 431 | 510 |
| Поездка в Парголово . . . . .                | 432 | 510 |
| Зловещие приметы . . . . .                   | 433 | 510 |

### *Людор Пальмин*

|                                        |     |     |
|----------------------------------------|-----|-----|
| Requiem . . . . .                      | 434 | 511 |
| «Пробудилась Русь родная...» . . . . . | 435 |     |
| Свидание . . . . .                     | 436 | 511 |
| Вечное бытие . . . . .                 | 438 |     |
| Примечания . . . . .                   | 441 |     |